

Published since
2006

1 (63) 2023

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

LEGAL SCIENCE
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

ISSN 1998-6963

2023
N 1 (63)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Заместитель главного редактора

Deputy Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

<p>ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет, Израиль</p>	<p>GHANAYIM Kh., LLD, Professor, University of Haifa (Israel)</p>
<p>ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области</p>	<p>GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk region</p>
<p>ГРЕЧКИНА О.В., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации</p>	<p>GRECHKINA O.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration</p>
<p>ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина</p>	<p>GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin</p>
<p>ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет</p>	<p>IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State University</p>
<p>КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева</p>	<p>KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev</p>
<p>КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет</p>	<p>KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Perm State National Research University</p>
<p>ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет</p>	<p>LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University</p>
<p>МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России</p>	<p>MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation</p>
<p>МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове</p>	<p>MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov</p>

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee of the Republic
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий
(категория 1 (К1) по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 27.03.2023. Дата выхода в свет 29.03.2023

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 11. Уч.-изд. л. 10.

Тираж 300 экз. Заказ N 022. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАРКУНИН Р.С. Отсутствие единства системы
юридической ответственности органов публичной
власти как фактор роста юридической аномии
в российском обществе 6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

MARKUNIN R.S. The lack of unity in the
system of legal responsibility of public
authorities as the factor influencing the
growth of legal anomie in Russian society

Раздел 2. Административное право и деликтология

МАЙОРОВ В.И. Правовая основа обеспечения
безопасности дорожного движения
при перевозке детей в возрасте до 12 лет 15

Section 2. Administrative law and delictology

MAYOROV V.I. Legal basis for ensuring
road safety when transporting children
under the age of 12

Раздел 3. Уголовный закон

ШАРАПОВ Р.Д. Вопросы квалификации
преступлений, связанных с эксплуатацией
проституции и незаконным оборотом
порнографических материалов 22

Section 3. Criminal law

SHARAPOV R.D. Issues concerning
the qualification of crimes related
to the exploitation of prostitution and
illegal trafficking of pornographic materials

КОРНЕЕВ С.А. Иные меры уголовно-
правового характера: правовая и теоретико-
прикладная рассогласованность 31

KORNEEV S.A. Other measures
of the criminal law nature: legal,
theoretical and applied inconsistency

Раздел 4. Криминологическая наука

ИЛЬИН И.С. Фактически-деятельностный этап
цикла демонстративно-протестной преступности 39

Section 4. Criminology

ILYIN I.S. Actual activity stage of the cycle
of demonstrative protest crime

Раздел 5. Уголовно- процессуальное обозрение

ВЕРХОТУРОВА С.В., БЕЛЫХ Ю.П. Справедливость
и беспристрастность в «суде народа» 47

Section 5. Criminal procedural review

VERKHOTUROVA S.V., BELYKH Yu.P.
Fairness and impartiality of the jury trial

ПЕТУХОВ Е.Н. Направления совершенствования
средств обеспечения надлежащего исполнения
обязанностей участников уголовного
судопроизводства со стороны защиты 58

PETUKHOV E.N. Directions for improving
the means of ensuring the proper
performance of the duties of participants
in criminal proceedings by the defence

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ПОЛЯКОВ В.В. Криминалистическая
классификация способов противодействия
расследованию высокотехнологичных
преступлений 69

Section 6. Criminalistic provision of law enforcement activities

POLYAKOV V.V. Criminalistic classification
of the ways to obstruct high-tech crimes
investigation

**Раздел 7. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

ФЕДУЛОВА А.Е. Участие специалиста
в производстве следственных действий
с электронными носителями информации

**Section 7. The problems of legal
science and law enforcement
practice: young researchers' view**

FEDULOVA A.E. Participation of a specialist
in the process of conducting investigative
actions involving electronic information carriers

80

Раздел 8. Юбилей в науке

ИВАНОВА С.И. Профессор А.В. Шеслер
(к 60-летию со дня рождения
научного руководителя)

Section 8. Science Anniversaries

IVANOVA S.I. Professor A.V. Shesler
(Scientific Supervisor's 60th Birthday)

88

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1

Отсутствие единства системы юридической ответственности органов публичной власти как фактор роста юридической аномии в российском обществе

Роман Сергеевич Маркунин,

кандидат юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Аннотация. Статья посвящена анализу системы юридической ответственности органов публичной власти и ее роли в борьбе с проявлениями юридической аномии в обществе. Дана краткая характеристика правовой аномии и установлены общие черты и взаимосвязи с ее родовой категорией. Выявлены факторы, способствующие росту юридической аномии и предложены варианты борьбы с этим деструктивным явлением. Автором обосновывается необходимость выстраивания единой системы ответственности органов публичной власти за счет установления общего основания ответственности властных субъектов в виде «утраты доверия» населения. В завершение сделан вывод о значимости поддержания доверительных отношений между государственным механизмом и институтами гражданского общества в процессе борьбы с проявлениями аномии.

Ключевые слова: юридическая ответственность, публичная власть, юридическая аномия, утрата доверия, государственный орган, коррупция, нигилизм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда N 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

Для цитирования: Маркунин Р.С. Отсутствие единства системы юридической ответственности органов публичной власти как фактор роста юридической аномии в российском обществе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 6-14.

The lack of unity in the system of legal responsibility of public authorities as the factor influencing the growth of legal anomie in Russian society

Roman S. Markunin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Togliatti State University, Togliatti, Russia, markunin88@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7308-4848>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the system of legal responsibility of public authorities and its role in fighting against the manifestations of legal anomie in the society. A brief description of the legal anomie is given and the common features and relationships between this category and its generic category are established. The factors contributing to the growth of legal anomie are identified and some ways for fighting this destructive phenomenon are proposed. The author of the article substantiates the need for creating a unified system of responsibility of public authorities by establishing a common basis for the responsibility of government authorities in the form of "loss of public trust". The author comes to the conclusion about the importance of building trust between the state authorities and civil society institutions in the process of fighting the manifestations of anomie.

Keywords: legal responsibility, public authority, legal anomie, loss of trust, government authority, corruption, nihilism

Acknowledgments: the research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

For citation: Markunin R.S. The lack of unity in the system of legal responsibility of public authorities as the factor influencing the growth of legal anomie in Russian society // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 6-14.

Конституционная реформа 2020 года способствовала нормативному закреплению категории единой системы публичной власти и основ ее организации. В связи с этим в настоящее время выявление и изучение способов поддержания данного единства выступает актуальным направлением исследования. Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ с учетом внесенных поправок единая публичная власть включает в себя органы государственной власти и местного самоуправления.

Исходя из этого возникает потребность в усилении взаимодействия данных субъектов, что, как верно отмечает Г.Н. Чеботарев, предполагает поиск и совершенствование правовых механизмов сотрудничества и определения предметов совместного ведения органов власти [1, с. 10]. Относительно системы публичной власти Конституционный Суд РФ сформировал свое понимание ее единства, которое связал в первую очередь с функциональным единством, не исключив организационного взаимодействия вышеназванных субъектов власти в процессе решения совместных задач*.

В результате появления новых правовых норм в Конституции РФ началась их конкретизация в федеральном законодательстве в процессе издания иных нормативных правовых актов. Например, ст. 2 Федерального закона от 12 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»** содержит принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти. Наименование данной статьи («Принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации») свидетельствует о попытке закрепить основные начала, которые способствовали бы усилению единства

системы публичной власти. Однако среди приведенных принципов таких крайне мало. В связи с этим считаем необходимым закрепить принцип единства системы юридической ответственности органов публичной власти, который выступал бы логичным продолжением нового принципа единства системы публичной власти, провозглашенного Конституцией РФ.

Вышеназванный конституционный принцип невозможно гарантировать при отсутствии единой системы юридической ответственности органов публичной власти. Подобная система юридической ответственности также имеет большое количество уникальных черт в своей структурной организации, отражение которых в законодательстве выступает обязательным требованием для ее работоспособности на практике.

Во-первых, отдельным элементом данной системы ответственности является субъект в виде органа публичной власти, включающий в себя государственный и местный уровни. Во-вторых, такой структурный элемент системы ответственности, как основание, также требует индивидуального подхода в связи с особенностями субъекта ответственности. Органы публичной власти, осуществляя нормотворческую функцию, оказывают влияние на институты гражданского общества, которым необходимо оказывать поддержку органам власти и воспринимать властных субъектов как проводников своих интересов и защитников прав. Подобное сотрудничество возможно лишь при наличии доверия к деятельности органов публичной власти.

В настоящее время применение категории доверия активно расширяется, в том числе в вопросах характеристики отношений между человеком, обществом и органами публичной власти. Итогом этого процесса стали вышеназванные конституционные поправки 2020 года, благодаря которым в ст. 75.1 Конституции РФ появилась правовая норма, посвященная доверию между государством и обществом в

* См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. N 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 12. Ст. 1855.

** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Российской Федерации. Согласно позиции Конституционного Суда РФ доверие граждан к деятельности органов власти способно поддерживаться благодаря: 1) отсутствию нарушений в процедурах нормотворческой деятельности; 2) наличию определенного срока, в течение которого может осуществляться временное регулирование отношений в связи с адаптацией к новым изменениям в законодательстве*; 3) ответственности государственных органов за качество принимаемых решений и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере**.

В результате можно наблюдать непосредственную связь между единством системы публичной власти, единством юридической ответственности публичных органов и наличием доверия со стороны общества как необходимое условие реализации принципа единства ответственности органов власти.

Отсутствие доверия и, как следствие, единства системы юридической ответственности органов публичной власти приводит к негативным последствиям в виде повышения уровня юридической аномии общества. Изначально термин «аномия» был введен в оборот Э. Дюркгеймом, в своих трудах он пытался обосновать причину девиантного поведения граждан, которую видел в социальной дезорганизации [2, с. 9]. Аномию можно представить в виде процесса разрушения правил поведения в обществе. Это относится к нормам религии, морали, традиций и правовых норм. Аномия связана с отклоняющимися стереотипами поведения людей, которое вызвано определенными изменениями в экономической, социальной, политической и иных сферах жизни общества, при которых снижается уровень влияния общепринятых норм, обеспечивающих законность и правопорядок.

Одним из видов социальной аномии является юридическая аномия, которая

связана с недостатками правовой системы и негативным отношением граждан к правовым нормам. Данное явление возникает в связи с несовпадением целей, вырабатываемых обществом, и средств, которые предлагает государство для достижения этих целей. Аномия выступает серьезной проблемой современного общества и требует разработки эффективных методов борьбы с этим разрушительным явлением. Негативным образом юридическая аномия сказывается на государствах, выбравших правовой путь развития и стремящихся воплотить в жизнь модель правового государства. Конституция Российской Федерации провозглашает стремление к построению данной модели государства, как и гражданского общества. Следует согласиться с К.О. Малининой в том, что для результативного развития подобных идеалов требуется постоянное внимание со стороны самого государства и необходимость опоры на правовое сознание членов общества [3, с. 48].

При высоком уровне аномии в обществе степень функционирования политической системы будет отличаться своей неэффективностью, что приведет к невыполнению ее основных задач, которые призваны удовлетворять актуальные потребности членов общества. Недоверие к власти и неудовлетворенность предоставляемыми формами достижения своих целей приводит к недовольству общества и негативному отношению к работе государственного механизма.

Ценностная аномия в обществе и в структурах публичной власти проявляется в отсутствии у данных субъектов отношений, основанных на взаимопомощи, солидарности и доверии. В условиях недостатка общезначимых ценностей и стремления членов общества к индивидуализированным благам невозможно построение и развитие полноценного гражданского общества, отличительным признаком которого является наличие идей взаимопомощи и иных горизонтальных связей [4, с. 118].

Е.А. Назарова отмечает существование аномии в абсолютно всех обществах, указывая на естественность ее наличия [5, с. 361]. Однако подобная естественность не опасна лишь при определенном уров-

* См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. N 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 22. Ст. 2276.

** См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. N 13-П // Там же. 2018. N 15 (ч. V). Ст. 2237.

не аномии, превышение которого грозит возникновением различных кризисных ситуаций, угрожающих существованию как государства, так и самого общества.

В таких условиях первоочередной задачей для государства и самого общества становится преодоление юридической аномии. Средством, при помощи которого этого можно достичь, является утверждение государственной идеологии, способной развить идеи недопустимости наличия коррупционной составляющей в работе государственного аппарата, укрепления состояния солидарности в обществе и стимулирования различных инициатив, в том числе законодательных, со стороны общественных объединений, политических партий и иных организаций.

Изначально факторами роста юридической аномии в обществе может быть низкая степень эффективности действующего законодательства, отсутствие возможности применения правовых норм на практике и чрезмерное заимствование институтов из иных правовых систем. Подобное заимствование можно обнаружить во многих отраслях российского права. Например, одним из правовых институтов гражданского права, отличающихся аномичностью, является институт медиации (данная характеристика присуща неюрисдикционным процессам в целом). Медиация — это одна из форм урегулирования споров благодаря участию третьей, нейтральной, не заинтересованной в конфликте стороны. Изначально в странах Европы стимулом к развитию негосударственных форм урегулирования конфликтов являлось наличие большого финансового обременения сторон, в котором расходы не могли быть компенсированы даже в случае выигрыша стороны [6, с. 13].

В российской правовой системе наблюдается обратная ситуация, связанная с высокой стоимостью услуг медиаторов и неготовностью оппонентов оплачивать разрешение конфликта. Это порождает юридическую аномию среди граждан и недоверие к институту медиации в целом. Помимо сторон конфликта, признаки аномии можно обнаружить и у судей, которые в большинстве случаев не заинтересованы в применении медиации. В итоге, несмотря на то, что российское законода-

тельство имеет правовую основу регулирования неюрисдикционных процессов, тем не менее, как отмечает Ю.С. Колясникова, объем юридической практики в этой области незначителен [7, с. 5].

Кроме того, юридическую аномию можно обнаружить и в административном праве в виде неэффективных составов административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 6.24 и 6.25 КоАП РФ, которые связаны с запретом курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах. Установление административной ответственности не привело к снижению случаев курения в местах, на которые распространяется запрет, что свидетельствует о юридической аномии к подобным деяниям. Такой результат показывает изначальное отсутствие выстроенных ценностей в правосознании членов общества, которые должны были сформироваться ранее, в том числе при участии государства.

Возвращаясь к ответственности органов власти, на основании приведенного выше постановления Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. можно сделать вывод о намерении органов власти обеспечить поддержание доверия граждан к деятельности органов публичной власти посредством совершенствования института юридической ответственности властных субъектов, в том числе для борьбы с юридической аномией. Подобные цели требуют определения конкретных задач и механизмов реализации.

Исходя из предоставленных Левада-Центром результатов социологических опросов, проводившихся в августе 2022 г., уровень доверия населения к отдельным органам власти находится на неудовлетворительном уровне. Так, к Государственной Думе РФ испытывают доверие 43 % респондентов, к органам местного самоуправления — лишь 40 % опрошенных, к политическим партиям — всего 32 % опрошенных*. Подобные общие показатели снижаются еще больше при формулировании более конкретных вопросов. В частности, всего 3 % респондентов считают, что в декларациях о доходах государственных служащих представлены все имеющиеся у

* Левада-Центр: сайт. URL: <https://www.levada.ru>

них доходы и имущество*. Данные результаты свидетельствуют о полном отсутствии доверия у общества в отношении органов власти, а также о наличии аномии.

Одним из факторов, влияющих на уровень доверия населения к работе органов власти, выступает наличие эффективной системы юридической ответственности властных субъектов, которая должна наблюдаться на всех уровнях публичной власти. Высокий показатель доверия к органам публичной власти повышает степень устойчивости государственного механизма, его эффективности и способствует более быстрому разрешению различных социальных конфликтов. Следует согласиться с мнением Р.С. Абдулина о том, что формирование необходимого уровня доверия – длительный процесс, и выявление любого корпоративного интереса государства, прикрывающегося общеправовыми целями, приводит к утрате доверия [8, с. 71]. В связи с утратой доверительных отношений возникает состояние правовой аномии общества, при котором у индивида формируется неуважение к действующим нормам права и развивается идея их необязательного характера. При этом сам факт существования норм и ясность требований не подвергаются сомнению.

В условиях затянувшейся юридической аномии при отсутствии совпадения целей и средств их достижения население прибегает к методам обхода законных путей для достижения этих целей. В качестве примера можно привести самосуд, который выступает проявлением девиантного поведения. Подобное поведение становится свойственным также должностным лицам. В результате государственный служащий становится подвержен коррупционным идеям в условиях неустойчивости своего статуса и постоянной смены кадрового состава. В подобных условиях должностное лицо в предельно короткий срок совершает правонарушение с целью обретения своей материальной стабильности [9, с. 155].

Проблема аномии отражается и на работе органов государства в целом, так как в процессе функционирования в соци-

ально-аномичной атмосфере для них становится привычным нарушение законодательства, поскольку это является обычным состоянием всего социума. В этой ситуации утрачивается эффективность механизмов взаимодействия общества с органами публичной власти по причине стремления граждан достигать свои цели неправовыми способами, считая их единственно возможными. В результате происходит увеличение случаев правонарушений в виде дачи взятки должностному лицу, становятся распространены близкие родственные связи между должностными лицами, осуществляющими свою деятельность в одном структурном подразделении, и т.д.

Эффективно выстроенная единая система юридической ответственности органов публичной власти призвана бороться с подобными неправомерными актами поведения. Однако в этой системе должно быть обязательное участие населения и институтов гражданского общества.

Ответственность можно представить в виде связи между субъектами, в которой одна сторона в силу своего статуса обязана выстраивать определенную модель поведения, а вторая сторона осуществляет контроль и дает оценку данному поведению и его результатам с последующим актом реагирования. В нашем случае первой стороной выступают органы публичной власти, а второй – население.

В связи с этим считаем, что возможность эффективной борьбы с аномией, поддержания единства системы ответственности и доверительных отношений между обществом и государственным механизмом будет обеспечена включением утраты доверия со стороны населения в качестве основания юридической ответственности органов публичной власти. При этом важно отметить необходимость единого подхода к основанию юридической ответственности в отношении всех органов публичной власти. Это требование вызвано последними изменениями Конституции РФ, провозгласившей единую систему публичной власти.

Доверие к деятельности органов публичной власти выступает важным фактором мотивации правомерного поведения граждан и играет роль базиса в обеспечении стабильности в правовой жизни

* Левада-Центр: сайт. URL: <https://www.levada.ru>

общества. Лишь доверительное отношение способно стимулировать субъектов на добровольное соблюдение нормативных предписаний [8, с. 72].

В настоящее время утрата доверия является основанием реализации ряда мер юридической ответственности лишь внутри самого механизма публичной власти. Например, утрата доверия Президента РФ включена в механизм досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и глав муниципальных образований. Также согласно ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» утрата доверия может происходить со стороны законодательного органа субъекта Российской Федерации в отношении главы субъекта Российской Федерации. Подобные механизмы реализации мер ответственности вызывают ряд дискуссионных вопросов.

В частности, ст. 30 вышеназванного закона устанавливает возможность для законодательного органа субъекта Российской Федерации выразить недоверие главе региона при наличии определенных обстоятельств. При этом окончательное решение принимает Президент РФ согласно п. 4 ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 12 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Эта процедура вызывает споры, поскольку в случае ненадлежащего исполнения обязанностей высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации более обоснованной представляется организация надлежащего расследования вышеназванных фактов представительным органом субъекта Российской Федерации с направлением запросов в соответствующие государственные органы. Участие главы государства в этом вопросе возможно лишь на этапе инициирования данных проверок. Возможность отрешения от должности главы субъекта Российской Федерации со стороны Президента РФ обоснованна лишь в случаях принятия должностным лицом актов, посягающих на территориальную целостность, единство правового и экономического пространства Российской Федерации [10, с. 21].

Утрата доверия населения в качестве применения мер юридической ответственности в отношении органа публичной власти или должностного лица федеральным законодательством не предусмотрена. Отдельные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации содержат отсылку на утрату доверия населения. Например, согласно п. 4 ст. 101 депутаты Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва несут перед своими избирателями ответственность, которая наступает в результате утраты их доверия*. Однако это скорее исключение, чем правило, поскольку иных упоминаний о подобном основании на уровне субъектов Российской Федерации установить не удалось.

В статье 24 Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»** предусмотрен отзыв депутата выборного органа местного самоуправления населением, однако основаниями ответственности могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке. В связи с этим считаем необходимым дополнить данный механизм реализации мер юридической ответственности основанием в виде утраты доверия со стороны жителей муниципального образования. Ключевая особенность муниципальной власти заключается в ее близости к людям. По этой причине подобные изменения представляются обоснованными, поскольку на местном уровне доверительные отношения между публичной властью и населением играют важную роль, а в случае их утраты дальнейшее функционирование публичных органов становится малопродуктивным. В результате можно говорить об эффективности лишь той деятельности местных органов власти, которая будет соответствовать необходимому уровню доверия населения конкретного муниципального образования.

* См.: Конституция Республики Тыва (принята Референдумом Республики Тыва 6 мая 2001 г.) // Тувинская правда. 2001. 15 мая.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 40. Ст. 3822.

Статьей 19 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который в настоящий момент утратил силу, предусматривался отзыв высшего должностного лица субъекта Российской Федерации избирателями. Подобный институт позволял сохранять доверительные отношения между населением субъекта Российской Федерации и органами представительной власти. Однако в действующем Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» отзыв избирателями высшего должностного лица не получил своего нормативного закрепления.

В связи с этим считаем, что исключение населения из системы ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации отрицательным образом сказывается на уровне доверия между этими субъектами. Подобные изменения могут приводить к негативным последствиям в виде снижения показателей легитимности власти, увеличения уровня правовой аномии в обществе и т.д. Доверие со стороны общества является обязательным признаком государственной власти, формируется в результате деятельности государственного механизма и его соответствия ожиданиям личности, групп и общества в целом. Отсутствие доверия в состоянии аномии заключается в том, что большинство членов общества проявляет нетерпимость к противоправному поведению (борьба с коррупцией во власти, совершенствование механизма привлечения к ответственности и т.д.). При этом данное общество не воспринимает и игнорирует нормативные предписания если они не способствуют достижению личных целей его членов.

Исключить подобные негативные проявления возможно путем расширения оснований реализации процедуры отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, депутатов органов представительной власти субъекта Российской Федерации и местного уровня, а именно в связи с утратой доверия

граждан. Закреплением такого основания, как утрата доверия, подчеркивается обязанность вышеназванных субъектов нести ответственность перед населением. Подобные изменения в системе ответственности органов публичной власти позволили бы приблизить институты гражданского общества к осуществлению власти и способствовали бы поддержанию необходимого уровня единства системы публичной власти, провозглашенного Конституцией РФ.

Участие граждан также было бы возможно в процессе осуществления реализации меры ответственности в отношении представительного органа субъекта Российской Федерации, однако ст. 14 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепила лишь четыре обстоятельства роспуска органа власти, в числе которых основание утраты доверия населения не значится.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о недостатке оснований реализации мер ответственности в отношении представительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Таким образом, для укрепления единства системы публичной власти, провозглашенного Конституцией РФ, и снижения общего уровня аномии в обществе требуется закрепление единого основания ответственности органов власти на региональном и местном уровнях, а именно утраты доверия со стороны населения данной административно-территориальной единицы.

В отношении федеральных представительных органов население также не обладает возможностью реализации процедуры роспуска. Правомерным является вывод о необходимости закрепления возможности роспуска нижней палаты парламента со стороны избирателей в результате утраты доверия [11, с. 56]. В связи с этим необходимо внести изменения в подп. 2 п. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 26 июня 2004 г. N 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», в котором на данный момент предусмотрен прямой запрет на вынесение вопроса о досроч-

ном прекращении срока полномочий Государственной Думы РФ*.

Помимо ужесточения мер ответственности за результаты своей деятельности в рамках выстраивания доверительных отношений следует также организовать комплекс мер, связанных с улучшением взаимодействия органов власти с населением, а также с институтами гражданского общества. Благодаря работе вышеназванных субъектов возможно повышение прозрачности государственного механизма и, как следствие, уровня доверительных отношений между государством и обществом. Это подчеркивается в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»**, согласно которой одной из задач контроля выступает

повышение доверия граждан к деятельности государственных органов.

Таким образом, предлагается единое основание ответственности в виде общей для всех органов публичной власти формулировки «в связи с утратой доверия». Подобные изменения будут способствовать укреплению единства всей системы публичной власти и обеспечат необходимый уровень доверительных отношений со стороны общества для борьбы с юридической аномией. Данное основание должно быть закреплено федеральным законодательством с возможностью его уточнения и конкретизации в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Юридическая аномия способствует формированию неопределенности в сфере реализации правовых актов и снижению эффективности работы органов публичной власти. В связи с этим необходимо повышение роли института юридической ответственности публичной власти, который должен предусматривать меры воздействия на властных субъектов с целью преодоления подобного кризиса.

* См.: О референдуме Российской Федерации: федер. конституционный закон от 28 июня 2004 г. N 5-ФКЗ: ред. от 30 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 42. Ст. 3921; 2022. N 1 (ч. I). Ст. 1.

** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Список источников

1. Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. N 6. С. 9-17.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: Канон, 1996. 432 с.
3. Малинина К.О. Правовой аспект социальной аномии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. N 5. С. 47-52.
4. Севелова М.А. Аномия как состояние системы ценностей современного российского общества // Череповецкие научные чтения – 2013: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (6-7 ноября 2013 г.): в 4 ч. Ч. 1. Череповец, 2014. С. 118-121.
5. Назарова Е.А. Турбулентность норм современного общества: концепция «нормальной аномии». Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире / Н.Н. Зарубина и др.; под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет. 281 с. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. N 2. С. 361-367.
6. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. Москва: Городец, 2005. 320 с.
7. Колясникова Ю.С. Примирительные процедуры в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 31 с.
8. Абдулин Р.С. Конституционные принципы и правовые регуляторы доверия граждан к закону и действиям государства // Юридическая техника. 2020. N 14. С. 71-74.
9. Кривошеев В.В. Аномия современного общества: некоторые проблемы методологии // Балтийский экономический журнал. 2009. N 1. С. 149-156.
10. Кондрашев А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // Lex russica. 2020. N 3. С. 20-32.
11. Маркунин Р.С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти. Москва: Юрлитинформ, 2015. 176 с.

References

1. Chebotarev G.N. Constitutional and legal mechanisms for the formation of a unified system of public authority in the Russian Federation. Russian Journal of Law, 2020, no. 6, pp. 9-17. (In Russ.).

2. Durkheim E. On the division of social labor. Moscow, Canon Publ., 1996. 432 p. (In Russ.).
3. Malinina K.O. Legal aspect of social anomie. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences, 2014, no. 5, pp. 47-52. (In Russ.).
4. Sevelova M.A. Anomie as a state of the value system of modern Russian society. Cherepovets Scientific Readings – 2013. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. November 6-7, 2013. In 4 parts. Part 1. Cherepovets, 2014. Pp. 118-121. (In Russ.).
5. Nazarova E.A. Turbulence of the norms of modern society: the concept of “normal anomie”. Book review: “Normal anomie” in Russia and the modern world / N.N. Zarubina and others; under total ed. S.A. Kravchenko. M.: MGIMO-University, 281 p. Bulletin of RUDN University. Series: Sociology, 2018, no. 2, pp. 361-367. (In Russ.).
6. Nosyreva E.I. Alternative Dispute Resolution in the USA. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 320 p. (In Russ.).
7. Kolyasnikova Yu.S. Conciliation procedures in the arbitration process. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2009. 31 p. (In Russ.).
8. Abdulin R.S. Constitutional principles and legal regulators of citizens’ trust in the law and the actions of the state. Legal Technique, 2020, no. 14, pp. 71-74. (In Russ.).
9. Krivosheev V.V. Anomie of Modern Society: Some Problems of Methodology. Baltic Economic Journal, 2009, no. 1, pp. 149-156. (In Russ.).
10. Kondrashev A.A. Dismissal of the Governor by the President of the Russian Federation due to loss of confidence for corruption offenses and improper performance of his duties: problems of theory and practical implementation. Lex russica, 2020, no. 3, pp. 20-32. (In Russ.).
11. Markunin R.S. Legal responsibility of deputies and representative authorities. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 176 p. (In Russ.).

Раздел 2. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

Правовая основа обеспечения безопасности дорожного движения при перевозке детей в возрасте до 12 лет

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения безопасности перевозок детей в контексте современного регулирования данной деятельности. Определено, что правовая основа в области перевозок детей в возрасте до 12 лет включает общие нормы, закрепленные в Правилах дорожного движения Российской Федерации, а также специальные требования к организованным групповым перевозкам детей автобусами. Дана характеристика основных требований в этой сфере, проанализированы проблемы их регламентации и обеспечения безопасности дорожного движения. Особое внимание уделяется контрольно-надзорной деятельности в отношении перевозок детей. Автором сформулированы предложения по повышению безопасности перевозок детей в возрасте до 12 лет, подчеркнута необходимость дальнейшего использования программно-целевого метода в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, организованная перевозка детей автобусами, контроль, надзор, федеральная целевая программа

Для цитирования: Майоров В.И. Правовая основа обеспечения безопасности дорожного движения при перевозке детей в возрасте до 12 лет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 15-21.

Legal basis for ensuring road safety when transporting children under the age of 12

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The problems of ensuring the children transportation safety from the point of view of the current regulation of this activity are analyzed in the article. It is determined that the legal framework concerning the transportation of children under the age of 12 includes general norms enshrined in the Road Rules and Regulations of the Russian Federation, as well as special requirements for organized group transportation of children by buses. The characteristics of the basic requirements in this area is given, the issues concerning the problems of their regulation and ensuring road traffic safety are analyzed. Special attention is paid to control and supervisory activities in the field of transportation of children, as well as the practice of its implementation. The proposals for improving the system of transportation of children under the age of 12's safety are formulated by the author. The necessity of further use of the program-target method in the sphere of ensuring road safety is emphasized.

Keywords: road safety, traffic rules, organized transportation of children by buses, control, supervision, federal target program

For citation: Mayorov V.I. Legal basis for ensuring road safety when transporting children under the age of 12 // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 15-21.

Сокращение детского дорожно-транспортного травматизма и смертности является одной из существенных проблем в области безопасности дорожного движения. Ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации погибает и получает ранения большое количество несовершеннолетних участников дорожного движения, происходят резонансные аварии с участием автобусов, перевозящих детей. Например, в 2021 году было зарегистрировано почти 20 000 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 762 и получили ранения 21 936 несовершеннолетних*. В общем количестве дорожно-транспортных происшествий за 2021 год указанные происшествия составили существенную часть – 14,9 %, а значит, в каждом седьмом из них пострадали несовершеннолетние. При этом негативная тенденция сохраняется: в течение 9-ти месяцев 2022 года произошло 15 035 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 578 и получили ранения 16 684 несовершеннолетних**.

Дети относятся к одной из наиболее уязвимых категорий участников дорожного движения, поэтому совершенствование безопасности их перевозок является важной задачей. Повышение защищенности детей и пешеходов от дорожно-транспортных происшествий и их последствий отнесено к приоритетным направлениям реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы***, многие исследователи посвящают свои работы проблемам детского дорожно-транспортного травматизма [1; 2; 3; 4].

* Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год: информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2022. 126 с.

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2022 года: информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2022. 40 с.

*** Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 5. Ст. 774.

Базовые нормы, касающиеся перевозки людей автомобильным транспортом, закреплены в разделе 22 Правил дорожного движения Российской Федерации**** (далее – Правила дорожного движения). Особенности перевозки детей регламентирует п. 22.9, который устанавливает требования в зависимости от возраста ребенка:

1) для детей в возрасте младше 7 лет при перевозке в легковом автомобиле и кабине грузового автомобиля необходимо использование детских удерживающих систем, соответствующих весу и росту ребенка (далее – удерживающие устройства), конструкцией автомобиля должны быть предусмотрены ремни безопасности либо ремни безопасности и детская удерживающая система ISOFIX;

2) для детей в возрасте от 7 до 11 лет (включительно) использование удерживающих устройств при перевозке обязательно лишь в случае их нахождения на переднем сиденье легкового автомобиля. В иных случаях возможно использование лишь ремней безопасности;

3) несовершеннолетние старше 12 лет перевозятся в том же порядке, что и взрослые, могут занимать переднее сиденье автомобиля при использовании ремней безопасности.

Кроме того, запрещается перевозить детей в возрасте младше 12 лет на заднем сиденье мотоцикла.

Использование удерживающих устройств не всегда может обеспечить безопасность ребенка – для этого они должны быть, во-первых, сертифицированы, во-вторых, правильно установлены. Общий комплекс требований к таким устройствам содержится в Техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (Приложение N 10)***** и Правилах ЕЭК ООН N 44, ко-

**** Правила дорожного движения Российской Федерации: утв. Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. N 1090: ред. от 24 окт. 2022 г. // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. N 47. Ст. 4531; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

***** О безопасности колесных транспортных средств: технический регламент Таможенного союза: утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 9 дек. 2011 г. N 877. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

торые были приняты в Российской Федерации как ГОСТ Р 41.44-2005 «Единообразные предписания, касающиеся удерживающих устройств для детей, находящихся в механических транспортных средствах»*.

Для обеспечения соблюдения регулятивных норм Правил дорожного движения по перевозке детей действуют специальные охранительные нормы КоАП РФ, закрепляющие ответственность за неправильную перевозку детей в возрасте до 12 лет.

Первые административная ответственность за нарушение требований к перевозке детей, касающихся использования удерживающих устройств, в российском законодательстве была установлена в 2007 году, штраф за совершение данного правонарушения составлял 500 рублей. Спустя несколько лет (в 2013 году) санкция была увеличена до 3 тыс. рублей. В 2017 году были скорректированы нормы Правил дорожного движения, регламентирующие перевозку детей. Дополнительно была введена ответственность за оставление детей в автомобиле без присмотра взрослых, появились составы правонарушений в области нарушения правил организованной перевозки детей.

В действующей редакции КоАП РФ закреплена ответственность за нарушение требований к перевозке детей, установленных Правилами дорожного движения, в виде административного штрафа, который составляет для водителя 3 тыс. рублей, для должностных лиц – 25 тыс. рублей, для юридических лиц – 100 тыс. рублей (ч. 3 ст. 12.23).

Необходимо отметить, что, помимо общих требований к перевозке детей в возрасте до 12 лет, разработаны специальные правила организованной перевозки групп детей автобусами**. Под организованной перевозкой групп детей (далее – организованная перевозка) в Правилах дорожного движения понимается «перевозка в автобусе, не относящемся к маршрутному транспортному средству, группы

детей численностью 8 и более человек, осуществляемая без их родителей или иных законных представителей».

К осуществлению организованной перевозки предъявляются особые требования, которые можно подразделить на следующие группы:

1) относящиеся к водителю (стаж работы в качестве водителя транспортного средства категории «D» не менее одного года из последних двух лет; отсутствие лишения прав или административного ареста за административные правонарушения в области дорожного движения в течение последнего года; наличие при себе договора фрахтования и документа со сведениями о маршруте; соблюдение общих требований к перевозкам);

2) относящиеся к транспортному средству (наличие специальных опознавательных знаков «Перевозка детей» и «Ограничение скорости», наличие ремней безопасности);

3) относящиеся к составу сопровождающих лиц, среди которых обязательно присутствие сопровождающих лиц в расчете не менее 1 человека на 20 детей; при перевозке в трех и более автобусах – медицинского работника;

4) относящиеся к процессу перевозки, включая время суток, наличие сопровождения Госавтоинспекции при участии в перевозке трех и более автобусов, скорость движения транспортного средства и др.

Соблюдение данных требований оценивается уполномоченными органами при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Полномочия по контролю (надзору) за организованной перевозкой детей частично разделены между Ространснадзором и Госавтоинспекцией МВД России. Госавтоинспекция проверяет соблюдение данных требований как непосредственно в процессе дорожного движения в ходе надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, так и при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения в отношении юридических лиц, осуществляющих эксплуатацию транспортных средств (преимущественно перевозчиков).

* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Правила организованной перевозки группы детей автобусами: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сент. 2020 г. N 1527 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 40. Ст. 6259.

В свою очередь, Ространснадзор осуществляет федеральный государственный контроль (надзор) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве, к объектам которого, среди прочих, относится деятельность по организованной перевозке групп детей автобусами*.

В 2021 году Ространснадзором было проведено 11 975 контрольно-надзорных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов, задействованных в организации и перевозке групп детей автобусами. Было проверено 11 749 транспортных средств, что на 71 % больше, чем в 2020 году. По итогам проведенных мероприятий выявлено значительное количество нарушений обязательных требований – 7 163 (на 145 % больше показателя предшествующего года), которые заключались преимущественно в следующем:

- отсутствие уведомления Госавтоинспекции об организованной перевозке группы детей автобусами;
- отсутствие списка назначенных сопровождающих и списка детей;
- несоблюдение требований по заключению договоров фрахтования;
- отсутствие сведений о маршруте перевозки;
- нарушение правил использования контрольного устройства (тахографа);
- нарушение порядка ведения, оформления и заполнения путевой документации.

По итогам проверок к ответственности было привлечено 2847 юридических лиц, 2424 должностных лица, 498 индивидуальных предпринимателей и 1 392 водителя. Также к административной ответственности было привлечено 884 организатора перевозки**.

* О федеральном государственном контроле (надзоре) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве: постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 г. N 1043 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Руководство по соблюдению обязательных требований по организации перевозки групп детей автобусами: утв. Федеральной службой по надзору в сфере транспорта 17 мая 2022 г. URL: <https://legalacts.ru>

За нарушения правил организованной перевозки установлена ответственность по ст. 12.23 КоАП РФ – в частях 4-6. Кроме того, перевозчики и водители могут быть привлечены к ответственности по ст.ст. 12.31.1, 11.14.2, 11.23, 11.31 КоАП РФ.

При перевозке детей как организованными группами, так и в иных случаях виновными в совершении дорожно-транспортных происшествий, как правило, являются водители транспортных средств. Водители, соблюдающие правила перевозки детей, могут допустить иные нарушения Правил дорожного движения, которые в конечном итоге приводят к дорожно-транспортным происшествиям. На наш взгляд, нахождение ребенка в машине следует рассматривать как отягчающее обстоятельство при совершении правонарушений. Схожей точки зрения придерживаются субъекты законодательной инициативы. В частности, в соответствии с проектом нового КоАП РФ, опубликованным в 2020 году, предлагается ввести повышенную ответственность за отказ водителя от медицинского освидетельствования на состояние опьянения при нахождении в автомобиле ребенка в возрасте до 16 лет [5, с. 94].

Вместе с тем отказ от медицинского освидетельствования на состояние опьянения образует лишь небольшую часть от общего количества выявляемых правонарушений в области дорожного движения. Исходя из этого следует либо дополнить статьи, устанавливающие ответственность за другие наиболее опасные нарушения Правил дорожного движения, составами с повышенными санкциями при нахождении детей в транспортном средстве во время совершения нарушения, либо определить присутствие ребенка как отягчающее обстоятельство для всех нарушений Правил дорожного движения, совершаемых водителями транспортных средств.

Важно отметить, что «недостаточное внимание к причинам детского дорожно-транспортного травматизма» отнесено к угрозам безопасности дорожного движения в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы. В связи с этим, помимо усиления административной ответственности, уполномоченными органами ведется

комплексная работа, включающая совершенствование учета и профилактики нарушений и дорожно-транспортных происшествий.

С 1 января 2022 г. в число показателей безопасности дорожного движения, учитываемых Госавтоинспекцией, включена аварийность при организованной перевозке детей. За 11 месяцев 2022 года зарегистрировано семь таких дорожно-транспортных происшествий, в которых не было ни одного погибшего, пострадали в общей сложности 20 детей*. Несмотря на то, что показатели небольшие, полагаем, что учет таких происшествий необходим, поскольку они характеризуются не массовостью, а тяжестью последствий, которые могут наступить при аварии автобуса, перевозящего большое количество детей. Анализ и учет конкретных случаев позволит объективно интерпретировать факторы риска дорожно-транспортных происшествий при организованных перевозках, определить приоритетные проблемы, требующие решения.

Процесс перевозки детей непрерывно совершенствуется, правила в этой области пересматриваются и обновляются. Для соответствующих организаций Министерством просвещения Российской Федерации в 2022 году были разработаны актуальные методические рекомендации «Организация перевозок обучающихся общеобразовательных и дошкольных образовательных организаций»**, в которых подробно раскрываются обязанности и алгоритм действий в различных ситуациях для всех лиц, участвующих в процессе перевозки. Также МВД России в рамках профилактической деятельности издаются памятки для родителей и педагогов, в которых сжато и наглядно представлена основная информация по организованной перевозке детей***.

Деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного дви-

жения включает организацию и проведение кампаний, массовых мероприятий, направленных на профилактику детского дорожно-транспортного травматизма. Как показывают практика, результаты научных исследований и международный опыт, эффективность массовых мероприятий возрастает, если они направлены на профилактику одного фактора риска и предназначены для конкретной целевой аудитории, что усиливает адресное воздействие на конкретные категории участников дорожного движения [6, с. 50]. Следует учитывать структуру аварийности с учетом детей [7, с. 62], разрабатывая научные предложения по ее более эффективной профилактике.

Среди проблем, касающихся правового регулирования перевозки детей, исследователи называют использование несертифицированных удерживающих устройств и даже предлагают введение ответственности за такое действие [8, с. 79].

В настоящее время за изготовление и продажу продукции, не соответствующей сертификату, к ответственности по ст. 14.43 КоАП РФ может быть привлечен производитель или продавец. Вместе с тем для лиц, использующих несертифицированные удерживающие устройства, ответственность не предусмотрена. С одной стороны, покупатель может и не подозревать о том, что приобретенный им товар не соответствует требованиям, а выявление умысла в использовании некачественного устройства на практике является весьма проблематичным. С другой стороны, у каждого сертифицированного удерживающего устройства имеется особая маркировка и знак официального утверждения, подлинность которых легко проверить посредством сети «Интернет». Так, на сайте Единого реестра сертификатов соответствия**** можно определить статус сертификата («действующий», «недействующий», «приостановленный» и т.д.). Еще один, более быстрый способ проверки — с помощью QR-кодов, которые в последнее время присутствуют на большинстве сертификатов. Следовательно, при покупке детского автокресла у потребителя имеется возможность проверки подлинности сертификата.

* Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // ГИБДД: официальный сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru>

** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Групповые автобусные перевозки детей: буклет. URL: <https://sxkb.ru>

**** См.: URL: <https://pub.fsa.gov.ru>

Введение ответственности, на наш взгляд, несколько преждевременно, однако постепенное проведение профилактической и просветительской работы, а также дополнение Правил дорожного движения нормой, обязывающей водителей при перевозке детей с помощью удерживающих устройств предъявлять сертификаты соответствия, позволит обеспечить должный уровень пассивной безопасности автомобилей, перевозящих детей в возрасте до 12 лет, и уменьшить тяжесть возможных последствий дорожно-транспортных происшествий.

Безопасность детей на дорогах должна быть одним из важнейших приоритетов современной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения. В частности, в действовавшей ранее федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» одним из целевых индикаторов наряду с общим количеством жертв дорожно-транспортных происшествий являлось количество детей, погибших в дорожных авариях. Кроме того, в ней содержался комплекс мероприятий, направленных на обеспечение безопасного участия детей в дорожном движении. Однако после окончания действия данной программы в 2020 году новая программа не была разработана и принята, в результате чего с начала 2021 года на федеральном уровне обеспечения безопасности дорожного движения в плане реализации программных мероприятий имеется определенный пробел.

Частично восполнить данный пробел призвана реализация национального проекта «Безопасные качественные дороги», включающего шесть федеральных проектов:

1. Региональная и местная дорожная сеть.
2. Безопасность дорожного движения.
3. Развитие общественного транспорта.
4. Общесистемные меры развития дорожного хозяйства.
5. Развитие федеральной магистральной сети.
6. Автомобильные дороги Минобороны России*.

* Национальный проект «Безопасные качественные дороги»: официальный сайт. URL: <https://bkdrf.ru>

Федеральный проект, посвященный безопасности дорожного движения, безусловно, имеет большое значение для снижения аварийности и смертности на автодорогах, однако предусмотренные им мероприятия охватывают фрагментарные направления воздействия в сфере дорожного движения и среди мер по повышению безопасности детей при их участии в дорожном движении содержат лишь «совершенствование обучения детей основам Правил дорожного движения и привития им навыков безопасного поведения на дорогах». Представляется, что этого недостаточно для повышения безопасности перевозок детей, ведь ключевая ответственность в этом случае возложена на водителей транспортных средств и сопровождающих лиц, которые должны следить за исполнением установленных требований независимо от того, происходит ли перевозка на личном транспорте или в составе организованных групп.

Национальный проект неоднократно подвергался справедливой критике [9, с. 132-133] и перерабатывался: так, в первоначальной редакции он включал лишь четыре национальных проекта, затем их количество увеличилось до шести.

Кроме того, национальные проекты и целевые программы представляют собой различные инструменты проведения государственной политики [см., например: 10]. Как закрепляет Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», в целях реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения разрабатываются именно федеральные программы, направленные на сокращение количества дорожно-транспортных происшествий и снижение наносимого ими ущерба (ст. 10), а сам программно-целевой подход к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения является одним из принципов данной деятельности**.

Следовательно, несмотря на существование национального проекта «Безопасные качественные дороги», для обеспечения реализации принципа программно-

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 50. Ст. 4873.

целевого подхода и комплексного охвата направлений обеспечения безопасности дорожного движения, включая безопасность детей на дорогах, требуется разработка федеральной целевой программы повышения безопасности дорожного движения, рассчитанной на долгосрочный период. В ней необходимо предусмотреть целевые показатели, направленные на сокращение детской смертности и травма-

тизма, и в качестве отдельного направления реализации выделить особый блок мероприятий, которые бы содержали системную работу как с самими детьми, так и со всеми ответственными лицами. Кроме того, требуется принятие в отношении организаций-перевозчиков мер, направленных на уменьшение количества совершаемых ими при перевозке детей нарушений обязательных требований.

Список источников

1. Антонов А.А. Безопасность дорожного движения: проблема детского травматизма // Полицейская деятельность. 2019. N 1. С. 23-27.
2. Вашкевич А.В., Толочко Е.И., Исхаков М.М. Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма в образовательных учреждениях. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России; Охта, 2012. 201 с.
3. Полякова С.В. Профилактика дорожно-транспортного травматизма детей в России и зарубежных странах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. N 6. С. 131-135.
4. Калмыкова О.М., Гармидер А.С., Мельникова К.А. Обеспечение безопасности детей в дорожном движении // Концепт. 2015. Т. 35. С. 66-70. URL: <http://e-koncept.ru>
5. Денисенко В.В., Майоров В.И. К вопросу о повышении административной ответственности за наиболее опасные нарушения правил дорожного движения // Общество и право. 2021. N 3 (77). С. 92-97.
6. Кузнецова Н.М., Казанова Л.А. Роль подразделений пропаганды безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции. История становления, направления дальнейшего развития. Москва: НИЦ БДД МВД России, 2018. 74 с.
7. Тимко С.А., Подшивалов А.П. Характеристика дорожно-транспортной аварийности с участием детей // Виктимология. 2019. N 4 (22). С. 56-65.
8. Сифриды М.Д. Проблемы применения правил перевозки детей-пассажиры в салонах легковых автотранспортных средств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. N 2 (44). С. 77-80.
9. Ворошилов Н.В. Основные итоги реализации Национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в 2019 г. // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. N 3 (32). С. 124-139.
10. Майоров В.И. Новая федеральная целевая программа повышения безопасности дорожного движения: целесообразность разработки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 3 (57). С. 69-79.

References

1. Antonov A.A. Road safety: the problem of child traumatism. Police activity, 2019, no. 1, pp. 23-27. (In Russ.).
2. Vashkevich A.V., Tolochko E.I., Iskhakov M.M. Prevention of children's road traffic injuries in educational institutions. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Ohta Publ., 2012. 201 p. (In Russ.).
3. Polyakova S.V. Prevention of road traffic injuries in children in Russia and foreign countries. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2018, no. 6, pp. 131-135. (In Russ.).
4. Kalmykova O.M., Garmider A.S., Mel'nikova K.A. Ensuring the safety of children in road traffic. Concept, 2015, Vol. 35, pp. 66-70. URL: <http://e-koncept.ru> (In Russ.).
5. Denisenko V.V., Mayorov V.I. On the issue of increasing administrative responsibility for the most dangerous violations of traffic rules. Society and Law, 2021, no. 3 (77), pp. 92-97. (In Russ.).
6. Kuznetsova N.M., Kazanova L.A. The role of traffic safety propaganda units in the activities of the State Traffic Inspectorate. History of formation, directions of further development. Moscow, 2018. 74 p. (In Russ.).
7. Timko S.A., Podshivalov A.P. Characteristics of road traffic accidents involving children. Victimology, 2019, no. 4 (22), pp. 56-65. (In Russ.).
8. Sifridi M.D. Problems of application of the rules for the transportation of children-passengers in the salons of passenger vehicles. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (44), pp. 77-80. (In Russ.).
9. Voroshilov N.V. The main results of the implementation of the National project "Safe and high-quality roads" in 2019. Municipality: economics and management, 2020, no. 3 (32), pp. 124-139. (In Russ.).
10. Mayorov V.I. New federal target program for improving road safety: the feasibility of development. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 3 (57), pp. 69-79. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Вопросы квалификации преступлений, связанных с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов

Роман Дмитриевич Шарапов,

доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой характеристике некоторых актуальных вопросов квалификации преступлений против общественной нравственности, связанных с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов. В частности, по мнению автора, при вовлечении в занятие проституцией потерпевшим является лицо, которое ранее не занималось проституцией; в вопросе о моменте окончания вовлечения в занятие проституцией рекомендуется следовать позиции, согласно которой данное преступление считается оконченным с момента начала занятия потерпевшим проституцией; вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, сопряженные с похищением человека, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 240 и 126 УК РФ, при разграничении составов вовлечения в занятие проституцией и торговли людьми в форме вербовки человека в целях его эксплуатации следует исходить из различий в признаках составов данных преступлений. С позиции теории дифференциации уголовной ответственности дается критическая оценка изменению редакции квалифицирующего признака, предусмотренного пунктом «б» части 3 статьи 242 УК РФ, путем принятия Федерального закона от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ.

Ключевые слова: проституция, порнография, притон, оборот порнографии, использование сети «Интернет»

Для цитирования: Шарапов Р.Д. Вопросы квалификации преступлений, связанных с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 22-30.

Issues concerning the qualification of crimes related to the exploitation of prostitution and illegal trafficking of pornographic materials

Roman D. Sharapov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

Abstract. The article is devoted to the criminal law assessment of some topical issues concerning the qualification of crimes against public morality related to the exploitation of prostitution and illegal trafficking of pornographic materials. In particular, according to the author's opinion, when getting involved in prostitution the victim is the person who has not previously engaged in prostitution. On the issue of the moment of the termination of involvement in prostitution, it is recommended to follow the opinion according to which this crime should be considered completed from the moment the victim enters into prostitution. Recruiting somebody into prostitution or forcing somebody to continue to prostitute, associated with kidnapping, should be qualified according to the cumulation of crimes provided by Articles 240 and 126 of the Criminal Code of the Russian Federation. When distinguishing the elements of crimes of involvement in prostitution and human trafficking in the form of the recruitment of person for the purpose of exploitation, one should proceed from the differences in the

characteristics of the corpus delicti of these crimes. From the standpoint of the theory of differentiation of criminal responsibility, a critical assessment of changing the wording of the qualifying sign of the crime provided in Paragraph "b" of Part 3 of Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation by adopting Federal Law No. 38-FL of March 6, 2022, is given.

Keywords: prostitution, pornography, brothel, pornography trafficking, use of the Internet

For citation: Sharapov R.D. Issues concerning the qualification of crimes related to the exploitation of prostitution and illegal trafficking of pornographic materials // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 22-30.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации* в качестве национальных интересов государства закреплены защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. В этих условиях повышается роль применения уголовного законодательства об ответственности за преступления против общественной нравственности.

Общественную опасность данных преступлений не следует недооценивать. Результаты криминологических наблюдений свидетельствуют о том, что наибольшее количество преступлений против общественной нравственности регистрируется по ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией», ст. 242 УК РФ «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». При этом статистические данные не отражают полной картины реальной преступности в этой сфере, поскольку значительная их часть остается латентной, состояние и динамика зарегистрированных преступлений против общественной нравственности носит волнообразный характер [1, с. 54].

Среди привычных для отечественного уголовного законодательства оснований ответственности за посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности

– преступления, связанные с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов (ст.ст. 240, 241, 242, 242.1 УК РФ). Их основным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие социально-нравственное развитие и поведение человека в сексуальной сфере. Охраняемым принципом служит постулат о том, что человек является не объектом, а субъектом сексуальных отношений, сохраняя достоинство, индивидуальность и самоценность своей личности.

Залогом эффективной правоприменительной деятельности по реализации уголовно-правовых норм, предусмотренных указанными статьями УК РФ, является правильное понимание содержания уголовно-правовых запретов с учетом позиций судебной практики и изменений в законодательстве, видение определенности границ оснований уголовной ответственности за данные преступления, знание возможностей уголовно-правового реагирования на новые криминальные угрозы для общественной нравственности. Значимой является уголовно-правовая характеристика некоторых ключевых вопросов квалификации преступлений против общественной нравственности, связанных с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов.

1. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ, выражается в альтернативных действиях:

1) вовлечение в занятие проституцией;

2) принуждение к продолжению занятия проституцией. Под вовлечением следует понимать действия виновного, направленные на возбуждение у другого лица желания заниматься проституцией. Под принуждением к продолжению

* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://parvo.gov.ru>

занятия проституцией следует понимать действия виновного, направленные на побуждение потерпевшего, выразившего отказ от дальнейшего занятия проституцией, продолжить занятие данной деятельностью под угрозой причинения вреда правам и законным интересам. В связи с этим в судебной практике считается, что при вовлечении в занятие проституцией потерпевшим является лицо, которое ранее не занималось проституцией*. В случае принуждения к продолжению занятия проституцией потерпевшим является лицо, которое занималось или занимается проституцией, но выразило желание прекратить занятие данной деятельностью.

В юридической доктрине и судебной практике под занятием проституцией принято понимать действия, направленные на систематическое вступление мужчины или женщины во внебрачную половую связь с разными лицами при условии материального вознаграждения. Несмотря на отсутствие в российском законодательстве легального определения понятия проституции, это не означает, по мнению Конституционного Суда РФ, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 240 УК РФ, содержит неопределенность. Например, для такой категории вовлекаемых лиц, как несовершеннолетние, понятие проституции определяется международными договорами Российской Федерации (в частности, Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 г., Модельным законом о противодействии торговле людьми, принятым 3 апреля 2008 г. Постановлением 30-11 на 30-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ)**. Для квалификации представляется неважным то, осознавал ли потерпевший материальную обусловленность совершаемых им действий, в занятие которыми он был вовле-

чен, или не осознавал, вследствие, например, обмана со стороны виновного, намеревающегося извлекать доход из занятия потерпевшим проституцией.

По вопросу о моменте окончания вовлечения в занятие проституцией нет определенности. С одной стороны, это преступление возможно считать оконченным с момента начала занятия потерпевшим проституцией. Такой вывод вытекает из правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о моменте окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, объективная сторона которых характеризуется одним и тем же термином – «вовлечение» [2, с. 27]***. Если последствие в виде занятия потерпевшим проституцией не наступило по не зависящим от виновного обстоятельствам, то его действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 240 УК РФ****. С другой стороны, имеются иные решения, в соответствии с которыми указанные действия признаются оконченным преступлением*****. По данным некоторых исследований уголовных дел данной категории, в 92 % случаев преступление признается оконченным с момента совершения действий с целью вовлечения в занятие проституцией независимо от наступления последствий [3, с. 192].

Предпочтительной, однако, представляется первая точка зрения, поскольку она соответствует разделяемой Верховным Судом РФ позиции об унификации момента окончания преступлений, объективная сторона которых описывается в уголовном законе с помощью отглагольных существительных (вовлечение, изго-

*** См.: Пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4).

**** Определение Верховного Суда РФ от 1 дек. 2005 г. N 29-Д05-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2012 г. N 81-О12-12; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. N 81-АПУ15-7 // Там же.

* Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 февр. 2012 г. N 51-О12-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 1494-О // Там же.

товление, получение и т.п.)*. Позиция основана на признании таких преступлений оконченными с момента фактической завершенности посягательства достижением преступного результата.

2. В судебной практике возник вопрос о том, как квалифицировать вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, сопряженные с похищением человека, – только по ст. 240 УК РФ или по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 240 и ст. 126 УК РФ. Так, Верховный Суд РФ, оставив без изменений приговор суда первой инстанции, в соответствии с которым осужденный признан виновным в похищении потерпевшей с целью принуждения ее к продолжению занятия проституцией, указал: «Судом правильно отвергнуты, как не основанные на законе, доводы стороны защиты о том, что рассматриваемое похищение С. самостоятельной квалификации по ст. 126 УК РФ не требует, поскольку является фактически лишь способом принуждения, и данные действия якобы охватываются ч. 1 ст. 240 УК РФ. Как обоснованно указано в приговоре, составы преступлений, предусмотренные ст. 126 УК РФ и ст. 240 УК РФ, характеризуются разными признаками объекта и объективной стороны преступлений, совершены в разные периоды времени, в разных местах и различным способом; в связи с чем в данном случае действия подсудимых подлежат самостоятельной квалификации. Судом установлено, что после похищения С. и доставления ее в г. <...> К. ... совершил действия, направленные на принуждение С. к продолжению занятия проституцией, о чем мотивированно указано в приговоре»**.

Правильность такого подхода подтверждается разъяснением Пленума Вер-

* О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24; О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. N 81-АПУ15-7 // Там же.

ховного Суда РФ о том, что по смыслу уголовного закона похищение человека может быть совершено в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют***. Таким образом, «другое преступление», о котором упоминает Пленум Верховного Суда РФ, требует отдельной квалификации.

3. В теории уголовного права и судебной практике не получила однозначного решения проблема разграничения составов вовлечения в занятие проституцией и торговли людьми в форме вербовки человека в целях его эксплуатации, которая может выражаться, в частности, в использовании занятия проституцией другими лицами (ст. 127.1 УК РФ) [4, с. 14; 5, с. 4; 6, с. 114; 3, с. 21]. Представляется, что критерии для разграничения указанных преступлений заключаются в различных признаках их составов.

Применение ст.ст. 127.1 и 240 УК РФ возможно как по совокупности данных преступлений, так и в условиях конкуренции уголовно-правовых норм, при которой ст. 127.1 УК РФ является специальной нормой. Во-первых, в отличие от вовлечения в занятие проституцией вербовка в целях эксплуатации может подвергаться лицо, уже занимающееся проституцией, во-вторых, вовлечение в занятие проституцией может не иметь цели эксплуатации человека, которая является обязательным признаком вербовки, в-третьих, объективная сторона вербовки включает прием по найму лица для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности****, тогда как вовлечение в занятие проституцией может быть не связано с приемом по найму, в-четвертых, вербовка может состоять в приеме лица по найму не для занятия им проституцией, а для осуществления им иной деятельности в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека (в частности, под

*** О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 дек. 2019 г. N 58 // Рос. газ. 2019. 24 дек.

**** Там же.

предлогом предоставления работы или возможности обучения по той или иной профессии).

В последнем случае вовлечение ранее завербованного в целях эксплуатации человека в занятие проституцией требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 240 УК РФ.

Прием по найму другого лица для занятия им проституцией в целях использования занятия проституцией этим лицом следует квалифицировать как торговлю людьми в форме вербовки по ст. 127.1 УК РФ.

4. До сих пор нет однозначного понимания того, что следует считать *притоном для занятия проституцией* применительно к ст. 241 УК РФ. В судебной практике под уголовно наказуемым содержанием притонов для занятия проституцией понимается совершение действий по обеспечению функционирования одного или нескольких притонов (оплата расходов, связанных с существованием притона либо эксплуатацией помещения, регулирование посещаемости и выполнение иных функций администратора, информирование заинтересованных лиц о существовании притона, обеспечение охраны, привлечение в притон лиц, занимающихся проституцией, предоставление средств и аксессуаров для занятия проституцией, создание для этого материально-бытовых условий и т.п.)^{*}.

Исходя из смысла ч. 1 ст. 241 УК РФ, а также с учетом разъяснений Верховного Суда РФ понятия притона применительно к ст. 232 УК РФ^{**} следует вывод о том, что под притоном для занятия проституцией

следует понимать жилое или нежилое помещение (дом, квартира как целиком, так и частично, сарай, гараж, развлекательное заведение и т.п.), которое приспособлено для занятия проституцией другими лицами (одним и тем же лицом неоднократно либо разными лицами). При этом факт проживания виновного в помещении, признанном притоном, на квалификацию его действий не влияет. Виновный может получить возможность использовать помещение в качестве притона в силу различных обстоятельств: на основании права собственности, договора найма, аренды помещения, он может состоять в родственных или близких отношениях с владельцем помещения, использовать в силу должностных полномочий помещение, принадлежащее юридическому лицу, и т.п. Полагаем, что наличие права владения или пользования помещением, в котором организован притон, у других лиц, занимающихся в нем проституцией, также не должно влиять на квалификацию действий притоносодержателя.

Представляется обоснованным мнение о том, что притоном для занятия проституцией наряду с помещением также следует признавать участки местности (например, дачные участки), транспортные средства, приспособленные для занятия проституцией другими лицами, поскольку общественная опасность притоносодержательства заключается в целенаправленном создании условий для такой деятельности [7, с. 6; 8, с. 21; 9, с. 6].

Сформулированная в теории уголовного права точка зрения о том, что к притонам нужно относить также помещения, выполняющие функцию «диспетчерских пунктов», с которыми связываются заказчики сексуальных услуг для вызова проституток в другие места, а также иные помещения для сутенерства (сбора или проживания проституток, охранников, водителей, диспетчеров, администраторов, координации их деятельности и т.д.), в которых сексуальные услуги непосредственно не оказываются [10, с. 140], не находит поддержки [9, с. 5].

Деяния, образующие организацию занятия проституцией, соединенные с вовлечением в занятие проституцией или принуждением к продолжению занятия

* Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 янв. 2020 г. N 77-42/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14; Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // Верховный Суд РФ: официальный сайт. URL: <http://www.vsrff.ru>

проституцией, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ*.

5. В пункте «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ указывается *на использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»*, в качестве средства совершения любого из преступлений, предусмотренных частями 1 или 2 ст. 242 УК РФ. Данная редакция квалифицирующего признака введена в действие Федеральным законом от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ**, вступившим в силу 17 марта 2022 г. Аналогичные изменения произошли в редакции квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

В прежней редакции пункта «б» (до введения в действие Федерального закона от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ) соответствующий квалифицирующий признак излагался иначе — использование средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). В связи с этим в судебной практике существовало два подхода к вменению квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Согласно первому из них квалификация преступления по указанному пункту возможна как в случае использования виновным средства массовой информации, так и в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), не являющихся средством массовой информации***.

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 сент. 2014 г. N 46-АПУ14-24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. N 10. Ст. 1395.

*** Апелляционное определение Пензенского областного суда от 14 авг. 2013 г. N 22-968; Апелляционное определение Московского городского суда от 5 июля 2016 г. N 10-7544; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2020 г. N 77-416/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии со вторым подходом использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») является не отдельным квалифицирующим признаком преступления наряду с использованием средств массовой информации, а одним из способов использования средств массовой информации, например, если преступление совершено с использованием сетевого издания (ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации»). Поскольку сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является (ст. 8 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации»), использование такого сайта или иных не относящихся к средствам массовой информации ресурсов информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть «Интернет») при незаконных изготовлении или обороте порнографических материалов или предметов не дает оснований для квалификации преступления по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ****.

Второй подход до изменения уголовного закона являлся предпочтительным. Он соответствовал не только грамматическому толкованию уголовно-правовой нормы в прежней редакции. В последней в отличие от аналогичных норм, в которых употребляется союз «либо» (например, ч. 2 ст. 128.1, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 280 УК РФ), использовался союз «в том числе», означающий, что использование для совершения преступления средств массовой информации возможно также в форме информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). В соответствии с абз. 5 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. N 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» лица, допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации

**** Постановление Московского городского суда от 13 нояб. 2017 г. N 4у/11-5600/17; Определение восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июля 2020 г. N 77-1042/2020 // Там же.

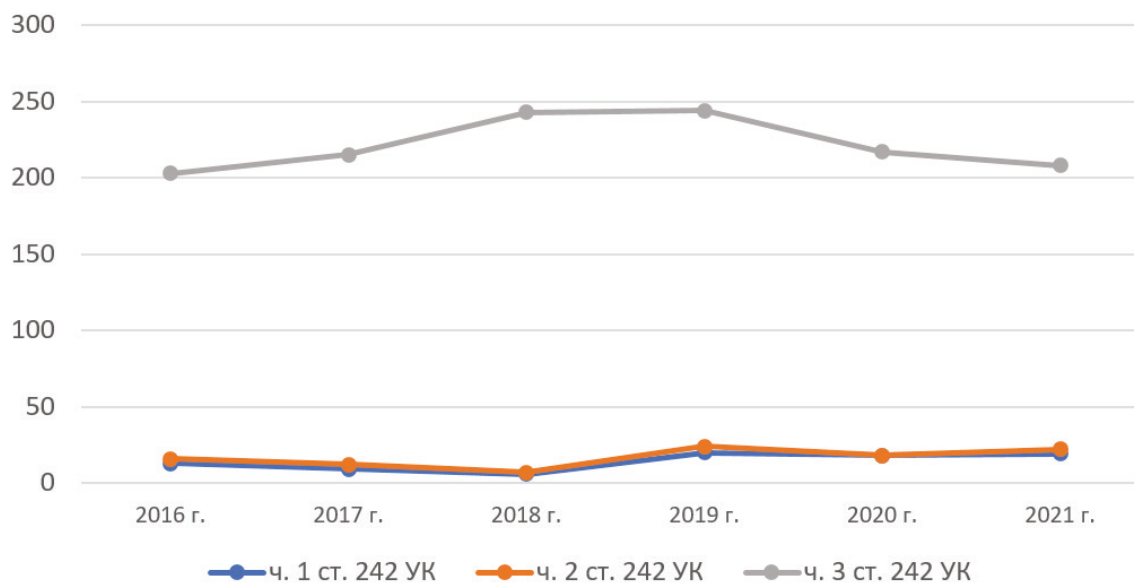
через сайты в сети «Интернет», не зарегистрированные в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации [11, с. 48].

Согласно действующей редакции п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ квалификация преступления по указанному пункту возможна как в случае использования винным средства массовой информации, так и в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), не являющихся средством массовой информации. С уголовно-политической точки зрения такое решение законодателя является пенализацией общественно опасного деяния, означающей принятие уголовного закона, усиливающего наказание за незаконные изготовление или оборот порнографических материалов или предметов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», не относящихся к средствам массовой информации. В соответ-

ствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, усиливающий наказание, обратной силы не имеет, то есть не распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу. Таким образом, деяния лиц, совершивших незаконные изготовление или оборот порнографических материалов или предметов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», не относящихся к средствам массовой информации, в период времени до 17 марта 2022 г., не могут квалифицироваться по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

Вместе с тем решение законодателя, изменившего редакцию квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, путем принятия Федерального закона от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ, с одной стороны, соответствует сложившейся судебной практике, исходившей в прежние годы из расширительного толкования указанного признака, о чем свидетельствуют данные о существенном превышении количества осужденных по ч. 3 ст. 242 УК РФ по сравнению с количеством осужденных по ч. 1 и 2 ст. 242 УК РФ* (см. диаграмму).

Количество осужденных по ст. 242 УК РФ

С другой стороны, указанное решение противоречит выработанному в науке уголовного права правилу дифференци-

* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

ации уголовной ответственности с помощью квалифицированных составов преступлений, а именно тому, что, во-первых, конструирование квалифицированного состава является обоснованным, если он отражает отягчающее обстоятельство, обуславливающее существенный перепад в уровне общественной опасности преступления по сравнению с его основным составом; во-вторых, обязательна нехарактерность отягчающего обстоятельства, претендующего на роль квалифицирующего признака, для большинства случаев совершения данного преступления, предусмотренного в основном составе («обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом») [12, с. 36; 13, с. 68; 14, с. 183].

Выводы:

1. В отличие от принуждения к продолжению занятия проституцией при вовлечении в занятие проституцией потерпевшим является лицо, которое ранее не занималось проституцией.

2. По вопросу о моменте окончания вовлечения в занятие проституцией рекомендуется следовать позиции, согласно которой данное преступление считается оконченным с момента начала занятия потерпевшим проституцией.

3. Вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, сопряженные с похищением человека, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 240 и ст. 126 УК РФ.

4. При разграничении составов вовлечения в занятие проституцией и торговли людьми в форме вербовки человека в целях его эксплуатации, которая может выражаться, в частности, в исполь-

зовании занятия проституцией другими лицами, следует исходить из различий в признаках составов данных преступлений. Вербовка может состоять в приеме лица по найму не для занятия им проституцией, а для осуществления им иной деятельности в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека (в частности, под предлогом предоставления работы или возможности обучения по той или иной профессии). В таком случае вовлечение ранее завербованного в целях эксплуатации человека в занятие проституцией требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 240 УК РФ. Прием по найму другого лица для занятия им проституцией в целях использования занятия проституцией этим лицом следует квалифицировать как торговлю людьми в форме вербовки по ст. 127.1 УК РФ.

5. Притоном для занятия проституцией наряду с помещением также следует признавать участки местности, транспортные средства, приспособленные для занятия проституцией другими лицами, поскольку общественная опасность притоносодержательства заключается в целенаправленном создании условий для такой деятельности.

6. Решение законодателя, изменившего редакцию квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, путем принятия Федерального закона от 6 марта 2022 г. N 38-ФЗ, противоречит выработанному в науке уголовного права правилу дифференциации уголовной ответственности с помощью квалифицированных составов преступлений, а именно тому, что обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом.

Список источников

1. Астишина Т.В. К вопросу о противодействии преступлениям, посягающим на общественную нравственность // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. N 2 (42). С. 53-59.

2. Морозова Ю.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних: учеб. пособие. Санкт-Петербург: С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 51 с.

3. Осокин Р.Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности: монография. Москва, 2018. 292 с.

4. Наумов А. Разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 240 УК // Законность. 2007. N 6. С. 14-15.

5. Алихаджиева И. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (статьи 127.1 и 240 УК России) // Уголовное право. 2008. N 1. С. 4-8.
6. Душко Д.А. Особенности квалификации торговли людьми и отличие от вовлечения в занятие проституцией // Общество и право. 2009. N 3. С. 113-115.
7. Козлов О.Е. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для распития спиртных напитков и предупреждение этих преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988. 16 с.
8. Федик Е.Н. Ответственность за действия, связанные с проституцией: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 27 с.
9. Алихаджиева И. Об ответственности за содержание притонов // Уголовное право. 2008. N 3. С. 4-8.
10. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. IV / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург, 2008. 680 с.
11. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. N 8. С. 43-48.
12. Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994. 59 с.
13. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. Москва, 2000. 287 с.
14. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург, 2002. 300 с.

References

1. Astishina T.V. On the issue of countering crimes that infringe on public morality. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017, no. 2 (42), pp. 53-59. (In Russ.).
2. Morozova Yu.V. Criminal law characteristics of crimes related to the sexual exploitation of minors. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. 51 p. (In Russ.).
3. Osokin R.B. Criminal policy to counteract crimes against public morality. Moscow, 2018. 292 p. (In Russ.).
4. Naumov A. The delineation of crimes under Art. 127.1 and 240 of the Criminal Code. Legality, 2007, no. 6, pp. 14-15. (In Russ.).
5. Alihadzhieva I. On the distinction between human trafficking and involvement in prostitution (Articles 127.1 and 240 of the Criminal Code of Russia). Criminal Law, 2008, no. 1, pp. 4-8. (In Russ.).
6. Dushko D.A. Features of the qualification of human trafficking and the difference from involvement in prostitution. Society and Law, 2009, no. 3, pp. 113-115. (In Russ.).
7. Kozlov O.E. Criminal liability for the organization or maintenance of dens for drinking alcohol and the prevention of these crimes. Autoabstract Cand. Diss. Sverdlovsk, 1988. 16 p. (In Russ.).
8. Fedik E.N. Responsibility for actions related to prostitution: criminal law and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2003. 27 p. (In Russ.).
9. Alihadzhieva I. On responsibility for the maintenance of brothels. Criminal law, 2008, no. 3, pp. 4-8. (In Russ.).
10. Full course of criminal law. In 5 volumes. Vol. IV. St. Petersburg, 2008. 680 p. (In Russ.).
11. Sharapov R.D. Qualification of crimes related to the illegal circulation of pornographic materials and objects. Legitimacy, 2021, no. 8, pp. 43-48. (In Russ.).
12. Kozachenko I.Ya., Kostareva T.A., Kruglikov L.L. Crimes with qualified compositions and their criminal-legal assessment. Yekaterinburg, 1994. 59 p. (In Russ.).
13. Lesnievski-Kostareva T.A. Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice. Moscow, 2000. 287 p. (In Russ.).
14. Kruglikov L.L., Vasil'evskiy A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg, 2002. 300 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Иные меры уголовно-правового характера: правовая и теоретико-прикладная рассогласованность

Сергей Александрович Корнеев,

кандидат юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Аннотация. Статья посвящена институту «иные меры уголовно-правового характера». Отмечается, что предпосылками развития данного института стали чрезмерная репрессивность уголовного законодательства, кризис наказания в целом и несостоятельность изоляционных мер государственного принуждения в частности. В то же время отсутствие необходимой правовой регламентации в части определения понятия, сущности, видов и иных юридически значимых признаков анализируемой категории порождает ее теоретико-прикладную рассогласованность и не способствует укреплению правового воздействия на лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет. На основании действующего уголовного законодательства, а также проекта федерального закона, материалов следственно-судебной практики, доктринальных исследований в сфере заявленной проблематики автор приходит к выводу о том, что иные меры уголовно-правового характера – это мера государственного принуждения, назначаемая по решению суда. Иные меры уголовно-правового характера применяются к лицу, совершившему деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, и заключаются в лишении или ограничении прав и свобод данного лица с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, условий его жизни и воспитания, уровня психического развития, наличия психического заболевания (расстройства).

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, уголовная ответственность, иные меры уголовно-правового характера

Для цитирования: Корнеев С.А. Иные меры уголовно-правового характера: правовая и теоретико-прикладная рассогласованность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 31-38.

Other measures of the criminal law nature: legal, theoretical and applied inconsistency

Sergey A. Korneev,

Candidate of Legal Sciences, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Abstract. The article is devoted to the institution of other measures of the criminal law nature. It is noted that the prerequisites for the development of this institution are the excessive repressiveness of criminal legislation, the crisis of punishment in general and the failure of isolation measures of state coercion in particular. At the same time, the lack of the necessary legal regulation regarding the definition of the concept, essence, types and other legally significant characteristics of the analyzed category leads to its theoretical and applied inconsistency and does not contribute to strengthening the legal impact on the person who has violated the criminal law prohibition. Having analyzed the current criminal legislation, as well as draft federal law, some cases of investigative and judicial practice, doctrinal research in the field of the stated problems, the author comes to the conclusion that other measures of the criminal law nature are the measure of state coercion imposed by the court decision. Other measures of the criminal law nature are applied to the person who has committed the act specified in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and consist in depriving or restricting the rights and freedoms of this person, taking into account the nature and degree of public danger of the committed act, the circumstances of this person's life and upbringing, stage of mental development, experiencing mental illness (disorder).

Keywords: criminal policy, criminal law impact, criminal liability, other measures of the criminal law nature

For citation: Korneev S.A. Other measures of the criminal law nature: legal, theoretical and applied inconsistency // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 31-38.

В современной специализированной литературе широкому обсуждению подвергается проблема чрезмерной суровости положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), кризиса уголовного наказания [1, с. 164], необходимости смещения акцента на альтернативные наказанию методы разрешения уголовно-правового конфликта, в частности путем развития института иных мер уголовно-правового характера [2, с. 3]. Данный факт обусловлен констатацией несостоятельности репрессивных карательных функций, а также невозможности оказания необходимого воздействия на лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, посредством изоляционных мер государственного принуждения [3, с. 139].

Представляется, что реализация иных мер уголовно-правового характера вписывается в общую концепцию гуманизации действующего уголовного законодательства, корреспондирует общепризнанному принципу экономии уголовной репрессии, но в то же время является основанием возникновения проблем теоретико-прикладного плана. Камнем преткновения служит отсутствие необходимой правовой регламентации рассматриваемого института. Нормы УК РФ должным образом не определяют понятие иных мер уголовно-правового характера, их сущность, отличительные признаки, виды, цели, а также социально-правовую природу. Накопленный на сегодняшний день эмпирический материал в доктрине уголовного права, следственно-судебной практике уполномоченных органов государственной власти позволяет провести всесторонний анализ заявленных мер государственного принуждения и предложить решение имеющихся проблем.

В действующем УК РФ категория «иные меры уголовно-правового характера» используется при закреплении средств правового воздействия на лицо, совершившее преступление, и, соответственно,

нарушившее охраняемые уголовным законом общественные отношения (ст.ст. 2, 6-7), а также для наименования раздела (раздел VI), в состав которого включены принудительные меры медицинского характера (глава 15), конфискация имущества (глава 15.1) и судебный штраф (глава 15.2).

Следует отметить, что слово «иной» имеет значение «другой», «не этот» [4, с. 45; 5, с. 45], «отличающийся от этого» [6, с. 248]. Исходя из этого можно сформулировать следующее умозаключение. Во-первых, наказание, несмотря на законодательное определение (ст. 43 УК РФ), есть мера уголовно-правового характера. Во-вторых, иные меры уголовно-правового характера – это отличные от наказания меры государственного принуждения, применяемые на основании юридического факта в виде совершения преступления. Данная точка зрения также находит свое отражение в практической деятельности уполномоченных органов государственной власти.

Например, Ставропольский краевой суд в ходе рассмотрения уголовного дела в рамках апелляционного производства акцентировал внимание на социально-правовой сущности судебного штрафа. В частности, «суд первой инстанции... принимая решение о прекращении уголовного дела в отношении Л., с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере пяти тысяч рублей, *то есть более мягкой меры ответственности...*»* (курсив наш. – С.К.). Данное решение нельзя признать безупречным. Общепризнанным является суждение о том, что освобождение от уголовной ответственности означает полный отказ государства в лице компетентных ор-

* См.: Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда по уголовному делу N 22-5110/2020 от 16 окт. 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

ганов от порицания (осуждения) лица, совершившего преступление. В связи с этим отождествление искомой меры уголовно-правового характера с мерой уголовной ответственности считается некорректным, несмотря на материальные обременения лица, возникающие в процессе его освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Верховный Суд РФ в апелляционном определении отметил тождественность рассматриваемых мер государственного принуждения, указав, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»*. Отметим, что данное положение корреспондирует законодательно определенному принципу справедливости (ст. 6 УК РФ). Однако контраргументом данной позиции следует признать реализацию принудительных мер медицинского характера. Их применение обусловлено психическим заболеванием лица, его опасностью для себя и других лиц, а вид принудительного лечения зависит от состояния здоровья, то есть степени психического расстройства лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Кроме этого, общественно опасное деяние, совершенное таким лицом, не является преступлением, что ставит под сомнение вышеуказанные положения уголовного закона (ст.ст. 2, 6-7 УК РФ).

Особое внимание иным мерам уголовно-правового характера уделяется в текстах ряда законопроектов, представленных для обсуждения в высшие органы государственной власти.

В частности, в соответствии с положениями проекта федерального закона о введении уголовного проступка институт иных мер уголовно-правового характера исчерпывается судебным штрафом, что также подтверждается материалами следственно-судебной практики. Например, Ленинский районный суд г. Махачкалы в резолютивной части постановления констатировал факт прекращения уголовно-

го дела с назначением *иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа* в отношении *Н.*, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ**.

Кроме этого, разработчики рассматриваемого законопроекта предлагают расширение заявленного института путем закрепления других (схожих по своей сущности с наказанием в виде обязательных и исправительных работ) мер, назначаемых в рамках освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, — общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Отличительными особенностями норм-новелл, определяющих данные меры государственного принуждения, от наказания являются статус лица, в отношении которого планируется их реализация («лицо, совершившее преступление» вместо «осужденный»), а также сокращение их срока и размера***.

Безусловно, данная инициатива соответствует содержанию современной уголовной политики, так как ее одобрение поспособствует сокращению количества лиц, имеющих судимость, снизит нагрузку на судебные органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, окажет необходимый эффект правового воздействия в части противодействия преступности. В то же время идентичные по своей сущности меры государственного принуждения не могут одновременно являться наказанием и иными мерами уголовно-правового характера.

Одним из последних нормативных правовых актов, в которых упоминаются иные меры уголовно-правового характера, является Федеральный закон от 6 февраля

** См.: Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 8 февр. 2022 г. по уголовному делу N 1-256/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

*** См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект федерального закона от 15 февр. 2021 г. N 1112019-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

* См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14 марта 2019 г. по уголовному делу N 2-20/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

2023 г. N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»* (далее – ФЗ «О пробации»). В соответствии с ним под пробацией необходимо понимать «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы...» (ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»).

В связи с этим можно констатировать отсутствие факта порицания (осуждения) лица, совершившего преступление, при назначении иных мер уголовно-правового характера. Учитывая изложенное, полагаем, что рассматриваемой концепции соответствуют меры государственного принуждения, назначаемые в рамках освобождения лица от уголовной ответственности, – принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемого (ст. 97 УК РФ) и судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ). При этом конфискация имущества, будучи законодательно определенной иной мерой уголовно-правового характера, противоречит данному утверждению, так как назначается исключительно на основании обвинительного приговора суда и дополняет наказание.

В то же время при определении понятия ресоциализации разработчики законопроекта придерживаются иной точки зрения и, как следствие, не исключают назначение иных мер уголовно-правового характера на основании приговора суда. Например, ресоциализация представляет собой «совокупность мероприятий... в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) которым назначены иные меры уголовно-правового характера» (п. 5 ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»). В данном контексте исследуемые меры могут подвергаться расширительному толкованию и отождествляться с любыми мерами уголовно-правового реагирования, не включенными в институт наказания.

Кроме того, при формулировании определения понятия исполнительной пробации имеет место разграничение иных мер уголовно-правового характера и наказаний, не связанных с изоляцией от общества (п. 2 ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»). В частности, под исполнительной пробацией понимается «совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями... при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества... и иных мер уголовно-правового характера» (п. 2 ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»).

Таким образом, указанная норма дополняет представление об иных мерах уголовно-правового характера очередным существенным признаком – наличием уполномоченного органа их исполнения (уголовно-исполнительная инспекция), на чем также делается акцент в материалах судебной практики.

Например, Ярославский областной суд в ходе апелляционного разбирательства по уголовному делу констатировал факт поступления ранее вынесенного постановления Рыбинского городского суда Ярославской области для исполнения в «отдел исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера федерального казенного учреждения "Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по Ярославской области"»** (курсив наш. – С. К.).

Ввиду отсутствия официальной дефиниции рассматриваемого феномена структуризация, а в частности выделение самостоятельного отдела, уполномоченного исполнять (применять) иные меры уголовно-правового характера, вызывает сомнения.

В соответствии с действующим законодательством уголовно-исполнительные инспекции уполномочены:

– исполнять наказания без изоляции от общества (обязательные, исправительные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

– контролировать поведение условно осужденных, осужденных, наказание

* См.: Рос. газ. 2023. 9 февр.
** См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 16 марта 2022 г. по уголовному делу N 22-585/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

* См.: Рос. газ. 2023. 9 февр.

в отношении которых отсрочено, а также лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания;

— исполнять меры уголовно-процессуального принуждения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий*.

Приведенные суждения не позволяют сформулировать единое понятие иных мер уголовно-правового характера. Анализ действующего, а также проектного законодательства дает лишь возможность заключить, что наказание и иные меры уголовно-правового характера представляют собой самостоятельные, обособленные друг от друга части явления, аккумулирующего в себе исчерпывающий перечень средств воздействия в арсенале государства на преступные посягательства.

Полагаем, что решение заявленной проблемы, касающейся понятия, сущности, а также видов иных мер уголовно-правового характера, возможно лишь с учетом доктринальных исследований, представленных на страницах юридических изданий. Согласно мнению С.А. Ветошкина, иные меры уголовно-правового характера представляют собой форму государственного реагирования на факт совершения лицом запрещенного уголовным законом деяния [7, с. 123]. Другие ученые при определении юридического факта, являющегося основанием реализации исследуемых мер, придерживаются более узкого подхода. Например, С.В. Розенко и И.А. Нифталиева полагают, что таковым является преступление [8, с. 51; 9, с. 9]. По мнению Н.Ю. Скрипченко, реализация иных мер уголовно-правового характера возможна только в связи с совершением деяния, предусмотренного в Особенной части УК РФ, но по объективным причинам не являющегося преступлением [10, с. 17].

Отсутствие единого или преобладающего мнения основано на разнородных, порой противоречивых подходах специ-

алистов к формированию содержания рассматриваемого института, то есть мер государственного принуждения, входящих в его объем.

Таким образом, иными мерами уголовно-правового характера являются:

— меры, регламентированные нормами раздела VI УК РФ, принудительные меры воспитательного воздействия, а также институты освобождения от уголовной ответственности и наказания [11, с. 7; 12, с. 93];

— дополнительные виды наказаний, не предусмотренные санкцией нормы Особенной части УК РФ и назначаемые по усмотрению суда [13, с. 56-57];

— все уголовно-правовые обременения, испытываемые лицом, признанным виновным в совершении преступления, и реализуемые за рамками института наказания [14, с. 6];

— конкретные меры государственного принуждения, регламентированные уголовным законом: условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст.ст. 82-82.1 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст.ст. 90-92 УК РФ) [15, с. 132];

— конфискация имущества и судебный штраф как «альтернатива уголовного наказания» [16, с. 22];

— принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия [17, с. 111].

Полагаем, что большинство из представленных суждений имеют дискуссионный характер. Как было отмечено, освобождение от уголовной ответственности не порождает уголовно-правовых обременений лица, совершившего преступление. Исключением из общепризнанной концепции является судебный штраф, так как его сущность видится в лишениях и ограничениях финансового характера.

Перечень наказаний регламентирован уголовным законодательством (ст. 44 УК РФ), является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Следовательно, отождествление иных мер уголовно-правового характера и конкретных видов наказания ставит под сомнение законодательную концепцию

* См.: Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. N 729 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 25. Ст. 2947; Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. N 1314 // Там же. 2004. N 42. Ст. 4109.

систематизации мер уголовно-правового воздействия.

Сведение исследуемого института к совокупности всех имеющихся уголовно-правовых средств не выглядит безупречно, так как отсутствует системный подход построения норм Общей части УК РФ. Представляется, что меры государственного принуждения, применяемые в связи с нарушением уголовно-правового запрета, должны быть систематизированы исходя из их социально-правовой природы, целей, оснований и условий назначения.

Наконец, вызывает сомнение суждение относительно альтернативности конфискации имущества и судебного штрафа уголовному наказанию. Безусловно, в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести впервые, а также с учетом постпреступного социально одобряемого поведения лица, его совершившего, выражающегося в возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, суду предоставляется право выбора. Решение уполномоченного органа государственной власти сводится к осуждению лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, посредством назначения наказания, либо к его освобождению от уголовной ответственности путем реализации иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Однако данная вариативность исключается в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Говорить об альтернативности конфискации имущества не приходится, так как ее самостоятельное, обособленное от наказания назначение вряд ли допустимо.

Приведенные суждения свидетельствуют о том, что в теории уголовного права подобным образом отсутствует единство взглядов и на предмет определения сущности рассматриваемых мер.

Представляется, что иные меры уголовно-правового характера являются альтернативой наказанию и служат средством правового воздействия государства на факт нарушения уголовно-правового запрета. В связи с этим полагаем недопустимым их отождествление с мерами государственного принуждения, применяемыми в рамках освобождения от наказания лица, признанного виновным в совершении преступления.

Безусловно, обязанности в виде запрета смены места жительства, работы или учебы, посещения определенных мест, а также принуждение к трудоустройству, обучению, прохождению курса лечения от болезненного пристрастия к психоактивным веществам и т.д., назначаемые в рамках условного осуждения (ч. 5 ст. 73 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 79 УК РФ); регламентированная уголовным законом необходимость воспитания ребенка до достижения им четырнадцатилетнего возраста, прохождения курса лечения от наркомании, медицинской, социальной реабилитации – в рамках реализации норм, определяющих порядок применения отсрочки отбывания наказания (ст.ст. 82-82.1 УК РФ), не входят в объем наказания и по своей сущности являются производными (субсидиарными) по отношению к нему.

Сложно представить, что суд, признавая лицо виновным в совершении преступления, придет к выводу о назначении альтернативной наказанию меры государственного принуждения в виде условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или, например, конфискации имущества. Действительно, при определенных обстоятельствах уполномоченный орган государственной власти с учетом положений уголовного законодательства вправе применить нормы об условном осуждении, отсрочке отбывания наказания и т.д. Однако условием их применения является факт назначения самого наказания – исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы сроком до восьми лет – при условном осуждении (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Таким образом, назначенное судом наказание не подлежит изменению, меняется лишь форма (условная) или срок его исполнения.

Полагаем, что истинной альтернативой наказанию являются принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера и (в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести впервые) судебный штраф ввиду их самостоятельности и обособленности. Так, суд, в зависимости от характера и степени общественной опасности, личности виновного

(ст. 60 УК РФ), условий его жизни и воспитания, уровня психического развития, иных особенностей личности, влияния на него старших по возрасту лиц (ч. 1 ст. 89 УК РФ), наличия психического заболевания (ст. 97 УК РФ), вправе (а в некоторых случаях обязан) применить заявленные меры уголовно-правового воздействия взамен или сверх наказания.

Ввиду того, что иные меры уголовно-правового характера имеют самостоятельный, обособленный от наказания характер, но являются средством правового воздействия уполномоченных органов государственной власти на лицо, совершившее деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона, полагаем, что формулирование искомого понятия должно корреспондировать дефиниции наказания (ст. 43 УК РФ).

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера — это мера государственного принуждения, назначаемая на основании решения суда. Иные меры

уголовно-правового характера применяются к лицу, совершившему общественно опасное деяние, и заключаются в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Определение вида иной меры уголовно-правового характера зависит от характера и степени общественной опасности содеянного, личности виновного, постпреступного позитивного активного поведения лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние (ст. 76.2, глава 15.2 УК РФ), условий его жизни и воспитания, уровня психического развития, влияния на него старших по возрасту лиц (ст. 89 УК РФ), наличия психического заболевания (расстройства) (ст. 97 УК РФ).

Законодательное закрепление понятия иных мер уголовно-правового характера позволит исключить правовую и прикладную рассогласованность данного института, а также устранил доктринальные разногласия в теории уголовного права.

Список источников

1. Гукасян А.П. Основные детерминанты рецидивной преступности, обусловленные «кризисом» уголовного наказания, и пути их преодоления // Общество и право. 2010. N 3 (30). С. 155-165.
2. Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 24 с.
3. Хилjuta В.В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // Российский журнал правовых исследований. 2019. N 3. С. 138-147.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. Москва, 2008. 959 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. Москва, 1978. 699 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва, 2010. 874 с.
7. Ветошкин С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2017. N 12. С. 111-125.
8. Розенко С.В. Эволюция наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета. 2020. N 1. С. 46-52.
9. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 25 с.
10. Скрипченко Н.Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. N 2. С. 16-21.
11. Карпов К.Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 22 с.
12. Серебренникова А.В., Кузнецов А.Ю., Мустафазаде Р. Ш. О. Система и функции иных мер уголовно-правового характера в Российском уголовном праве // Союз криминалистов и криминологов. 2021. N 3. С. 91-95.
13. Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. N 6. С. 51-58.
14. Иванчин А.В. Уголовно-исполнительное право. Общая часть: лекции. Ярославль, 2004. 56 с.
15. Головастова Ю.А. К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительное право. 2018. N 2. С. 130-139.
16. Мелюханова Е.В. Кризис уголовного наказания: состояние и обусловленность // Вестник Югорского государственного университета. 2022. N 4. С. 20-24.
17. Уткин В.А. Пределы уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики. Красноярск, 1997. С. 109-113.

References

1. Gukasyan A.P. The main determinants of recidivism caused by the "crisis" of criminal punishment, and ways to overcome them. *Society and law*, 2010, no. 3 (30), pp. 155-165. (In Russ.).
2. Senina E.N. Mediation-restorative approach in Russian criminal law. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2022. 24 p. (In Russ.).
3. Khilyuta V.V. Punishment and criminal legal impact: search for the optimal model of crime prevention. *Russian Journal of Legal Studies*, 2019, no. 3, pp. 138-147. (In Russ.).
4. Ushakov D.N. A large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition. Moscow, 2008. 959 p. (In Russ.).
5. Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Vol. 1. Moscow, 1978. 699 p. (In Russ.).
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, 2010. 874 p. (In Russ.).
7. Vetoshkin S.A. Institute of other measures of a criminal-legal nature: problems and prospects of development. *Issues of Russian and international law*, 2017, no. 12, pp. 111-125. (In Russ.).
8. Rozenko S.V. Evolution of punishment in Russian criminal law: problems of consistency and improvement. *Bulletin of the Ugra State University*, 2020, no. 1, pp. 46-52. (In Russ.).
9. Niftaliev I.A. The principle of justice in criminal law: problems of implementation in legislation and law enforcement practice. Autoabstract Cand. Diss. Volgograd, 2022. 25 p. (In Russ.).
10. Skripchenko N.Yu. The concept and types of other measures of a criminal-legal nature. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2011, no. 2, pp. 16-21. (In Russ.).
11. Karpov K.N. Other measures of a criminal-legal nature as a means of countering the commission of crimes. Autoabstract Cand. Diss. Omsk, 2011. 22 p. (In Russ.).
12. Serebrennikova A.V., Kuznetsov A.Yu., Mustafazade R. Sh. O. System and functions of other measures of a criminal-legal nature in Russian criminal law. *Union of criminalists and criminologists*, 2021, no. 3, pp. 91-95. (In Russ.).
13. Kelina S.G. Punishment and other measures of a criminal-legal nature. *State and law*, 2007, no. 6, pp. 51-58. (In Russ.).
14. Ivanchin A.V. Penal enforcement law. General part. Yaroslavl, 2004. 56 p. (In Russ.).
15. Golovastova Yu.A. On the issue of the execution of other measures of a criminal-legal nature. *Criminal-executive law*, 2018, no. 2, pp. 130-139. (In Russ.).
16. Melyukhanova E.V. The crisis of criminal punishment: state and conditionality. *Bulletin of the Ugra State University*, 2022, no. 4, pp. 20-24. (In Russ.).
17. Utkin V.A. Limits of penal enforcement legislation. Actual problems of the theory of criminal law and law enforcement practice. Krasnoyarsk, 1997. Pp. 109-113. (In Russ.).

Раздел 4. Криминологическая наука

Научная специальность: 5.1.4

Фактически-деятельностный этап цикла демонстративно-протестной преступности

Илья Сергеевич Ильин,

кандидат юридических наук, доцент, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, isilyin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>

Аннотация. В статье рассматриваются преступления, связанные с организацией и проведением публичных мероприятий, которые коррелируют с фазой реализации протеста, образуя фактически-деятельностный этап цикла демонстративно-протестной преступности, а также преступления, связанные с укрывательством и оценочной деятельностью, которые отличают фазу завершения протеста. Обосновывается, что организационно-подготовительную фазу демонстративно-протестной преступности и ее переход в фактически-деятельностную фазу разделяют общественно опасные деяния, характеризующиеся непосредственной организацией конкретного несогласованного протестного мероприятия. Они выступают «точкой бифуркации», определяющей последующую криминальную картину протеста. Подготовив должным образом общественное мнение и используя мобилизованные протестные ресурсы, организаторы, находясь в этой «точке», способны стимулировать граждан либо к публичному выражению своей протестной позиции, перекалдывая моральную и юридическую ответственность за возможные правонарушения во время протестной акции на самих участников мероприятия, либо к противоправной и, более того, преступной деятельности, поощряя массовые беспорядки.

Ключевые слова: протест, последствия, предупреждение, преступление, безопасность, динамика, прогнозирование, преступность

Для цитирования: Ильин И.С. Фактически-деятельностный этап цикла демонстративно-протестной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 39-46.

Actual activity stage of the cycle of demonstrative protest crime

Ilya S. Ilyin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Krasnogvardeysky district of St. Petersburg, The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, isilyin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>

Abstract. The crimes related to organizing and holding public events that correlate with the phase of protest implementation, forming the actual activity stage of the cycle of demonstrative protest crime, as well as the crimes related to concealment and evaluation activities that characterize the completion phase of the protest, are analyzed in the article. It is substantiated that the organizational and preparatory phase of demonstrative protest crime and its transition to the actual activity phase are separated by socially dangerous acts associated with the actual organization of a specific uncoordinated protest event. They act as a “bifurcation point” that determines the subsequent criminal nature of the protest. Having prepared public opinion properly and using the mobilized protest resources, the organizers, being at this “point”, are able to stimulate citizens either to express their protest position publicly, shifting the moral and legal responsibility for possible offences during the protest action to the participants of the event themselves, or to illegal and, moreover, criminal activity, encouraging mass riots.

Keywords: protest, consequences, prevention, crime, security, dynamics, forecasting, crime

© Ильин И.С., 2023

For citation: Ilyin I.S. Actual activity stage of the cycle of demonstrative protest crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 39-46.

Формирование протестных настроений в сети «Интернет» и мобилизация участников протестных акций с использованием интернет-пространства выступают формой подготовки к публичному мероприятию как событию в реальном, физическом пространстве: в Интернете обсуждают проблему, рекрутируют сторонников, готовят программные документы, но собственно протестная активность как особый тип коммуникации с властью осуществляется только при «выходе на улицу» [1, с. 19].

«Выход на улицу» означает завершение первой – организационно-подготовительной фазы демонстративно-протестной преступности, которая рассматривалась нами в предыдущих публикациях, и переход ее криминального цикла во вторую фазу – фактически-деятельностную. В период между этими фазами совершаются общественно опасные деяния, связанные с непосредственной организацией того или иного конкретного несогласованного протестного мероприятия. В уголовно-правовом отношении, в зависимости от степени радикализации протеста и изначальных намерений его организаторов, речь идет о действиях, предусмотренных ст. 212.1 или ст. 212 УК РФ.

В настоящее время ст. 212.1 УК РФ для оценки действий организаторов и участников несогласованных публичных мероприятий практически не применяется. Это может быть обусловлено двумя причинами. Первая причина имеет отношение к конструкции данной правовой нормы и специфике состава преступления, которая предполагает наличие неоднократной административной преюдиции в ограниченный период времени. В связи с этим ряд лиц, неоднократно организовывавших несогласованные акции, могут избежать уголовной ответственности, а их противоправные деяния не получают официальной оценки в качестве преступлений. Вторая причина состоит в том, что действия организаторов и активных участников несогласованных акций изначально выходят за рамки состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, так как пресле-

дуют цели не столько выражения демонстрации протеста, сколько мобилизации граждан для участия в беспорядках.

В таких условиях уголовно-правовая оценка действий организаторов, изначально лишенных мирного характера несогласованных акций, дается по ст. 212 УК РФ. Эта норма обоснованно применяется для реагирования на преступные действия лиц, которые под видом мирных акций протеста организуют масштабные беспорядки*, а обобщенные статистические данные об увеличении количества лиц, которые были привлечены к ответственности по ст. 212 УК РФ, демонстрируют весьма неблагоприятные тенденции (см. диаграмму**).

Несмотря на то, что содержание ст. 212 УК РФ охватывает деяния, не связанные непосредственно с публичными протестными мероприятиями (она применяется для квалификации беспорядков в исправительных колониях, к которым в последние годы прибавилась деятельность по организации экстремистски мотивированных беспорядков), тем не менее приведенная статистика служит важным сигналом общего неблагополучия в исследуемой сфере, особенно принимая во вни-

* Апелляционное определение Ростовского областного суда от 1 февр. 2022 г. по делу N 22-475/2022; Приговор Воткинского районного суда (Республика Удмуртия) от 25 сент. 2019 г. по делу N 1-407/2019; Приговор Свердловского областного суда от 21 дек. 2015 г. по делу N 1-46/2015; Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 22 окт. 2020 г. по делу N 1-448/2020; Определение о возвращении уголовного дела прокурору Верховного Суда Республики Крым от 15 февр. 2016 г. по делу N 1-3/2016 // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

** На диаграмме представлены расчеты автора статьи, сделанные на основании официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ (Форма N 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам»). URL: <http://cdep.ru>

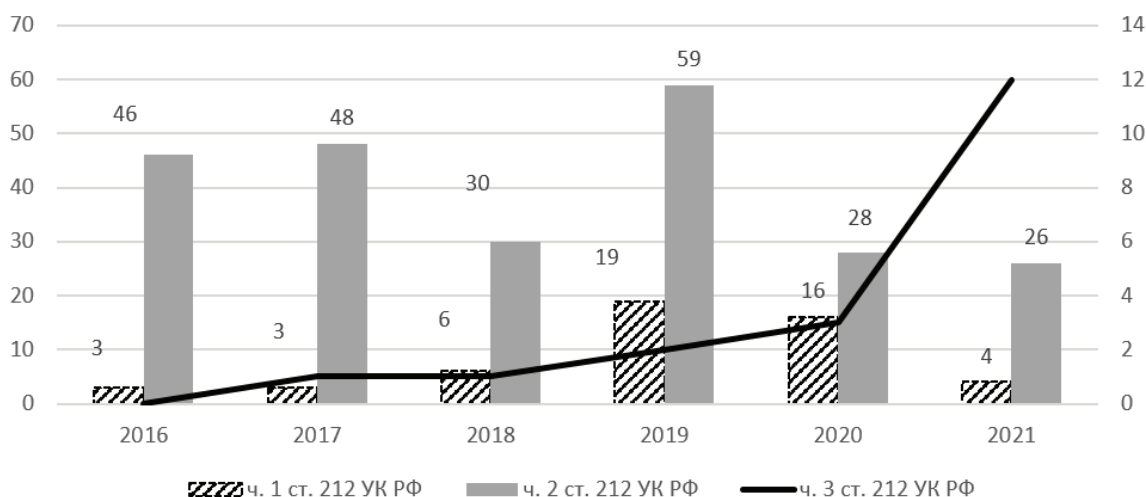

Диаграмма. Динамика количества осужденных по ст. 212 УК РФ в период с 2016 по 2021 год

мание то, что количество привлеченных к ответственности за организацию массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ) и призывы к ним (ч. 3 ст. 212 УК РФ) имеет выраженный восходящий тренд [2].

Деяния, связанные с непосредственной организацией несогласованных протестных публичных мероприятий, выступают особого рода «точкой бифуркации», во многом определяющей последующую криминальную картину протеста. Подготовив должным образом общественное мнение и используя мобилизованные протестные ресурсы, организаторы, находясь в этой «точке», способны стимулировать граждан либо к публичному выражению своей протестной позиции, перекладывая моральную и юридическую ответственность за возможные правонарушения во время протестной акции на самих участников мероприятия, либо изначально к противоправной и, более того, преступной деятельности, поощряя массовые беспорядки.

По этой причине момент принятия решения о том, как и для чего «выводить людей на улицу», момент перехода одной фазы демонстративно-протестной преступности в другую представляется крайне важным с криминологической точки зрения. Он определяет две потенциально возможные модели развития протеста, различающиеся характером и степенью общественной опасности, совершаемыми действиями и их социальными послед-

ствиями, а также стратегиями предупредительного воздействия. Если в первом случае такая стратегия должна носить преимущественно характер сдерживания — контроль над группой участников протестного мероприятия с целью недопущения отдельных эксцессов и перерастания мирного протеста в массовые преступные акции, то во втором случае предупредительная стратегия должна носить в большей степени наступательный характер, преследовать цель недопущения самой акции, изначально лишённой мирного характера.

Различия между возможными моделями развития второй фазы демонстративно-протестной преступности важны для понимания психологических и криминологических особенностей соответствующих преступлений.

Традиционно считается, что для массовых беспорядков, которые совершаются в рамках публичных мест, характерно следование правилам поведения людей в условиях толпы. В частности, в толпе люди, как правило, склонны к высокому уровню подражания, не критичности, социальной безответственности, они уверены в безнаказанности. Как отмечает М.И. Еникеев, все это используют и направляют ситуативные лидеры [3, с. 158-159].

Следует согласиться с вышеизложенным. Однако полностью отождествлять анализируемую фазу демонстративно-протестной преступности с поведением неорганизо-

ванной толпы нет оснований. В ряде случаев необходимо рассматривать вероятность совершения преступного деяния определенной группой лиц, которые предварительно сговорились об этом либо заранее планировали массовые беспорядки, создавая своими действиями совокупность условий для их возникновения, разрастания. Такие группы способны совершать беспорядки массового характера, вовлекая или не вовлекая в них третьих лиц, включая при этом использование так называемой психологии толпы. В последнем случае массовые беспорядки будут сочетать черты системности, организованности, деятельности противоправного характера по отношению к большей группе лиц — толпе [4, с. 78].

Таким образом, организованность и управляемость служат важными отличительными показателями двух выделенных моделей, которые должны учитываться в профилактической работе, а также в процессе последующей уголовно-правовой оценки протестных криминальных событий.

Фактически-деятельностная фаза развития демонстративно-протестной преступности сопровождается совершением нескольких типичных преступлений, связанных с посягательствами на жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудников правоохранительных органов, нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, проявлениями хулиганства, в том числе касающегося посягательств на личность и собственность. В широком смысле слова все эти преступления с криминологической точки зрения могут быть отнесены к категории насильственных* [6; 7; 8; 9].

Специальные исследования** показывают, что лица мужского пола в возрасте до 30 лет составляют группу лиц, наиболее предрасположенную к проявлению насильственного протестного характера. Также необходимо констатировать, что мужчины в возрасте до 30 лет, в зависимости от уровня дохода, имеют разную степень готовности

к радикальному протесту, однако корреляция незначительна. Лица мужского пола в возрасте от 30 до 50 лет характеризуются аналогичным образом, но им присущ меньший уровень радикализации протеста. При сравнении групп мужчин и женщин было установлено, что уровень радикального протеста женщин ниже и существенно зависит от дохода. Так, у лиц женского пола с высокими доходами ориентация на радикальный протест практически отсутствовала. В свою очередь, была установлена склонность к радикальному протестному движению лиц, считающих, что их материальное положение ухудшалось в течение последних 6-7 лет, а также лиц, которые обеспокоены, что потенциально могут лишиться рабочего места. Кроме того, как отмечает М.М. Назаров, на степень склонности к радикальному протесту не влияет приверженность к либеральным или консервативным взглядам [10, с. 54].

Несмотря на то, что преступное поведение протестующих (как стихийное, так и управляемое) характеризуется в целом идентичными деяниями и социально-криминологическими признаками совершающих их лиц, существует острая потребность в дифференциации толпы протестующих. Хотя толпе и присущи некоторые определяющие характеристики, независимые от исторического контекста, однако каждая толпа уникальна и может вести себя по-разному исходя из особенностей места, времени и ситуации. Начиная с 70-х годов прошлого века феномен толпы претерпевает глобальные изменения. Толпа становится менее озабоченной будущим и более озабоченной настоящим и прошлым. В отличие от прежней толпы, которая, казалось, имела достаточно четкое видение своей цели и роли в разворачивающемся социальном проекте, современная толпа в ее различных проявлениях больше озабочена непосредственным символическим жестом. Она становится более изменчивой и менее восприимчивой к «разуму» [11, с. 72-90].

Отсутствие долгосрочной позитивной программы протестующих, протест не «за что-то», а «против чего-то» — важная социально-психологическая и криминологическая особенность современной толпы. Но даже в этой общей характеристике важно различать скрытые или явные мотивы

* При этом наиболее исследованными в науке являются преступления, связанные с посягательством на представителей власти [см., напр.: 5].

** Социальный портрет протестного движения в Москве // ВЦИОМ: новости: сайт. URL: <https://wciom.ru>

и цели протестующих, а главное — организаторов протестов. Протест, изначально не направленный на стимулирование криминальной активности граждан, имеющий слабую степень управляемости, протест, в ходе которого преступления совершаются при наличии того или иного провоцирующего фактора (в современных российских условиях таковым нередко выступают действия правоохранительных органов по ограничению движения толпы протестующих и пресечению действий наиболее активных участников несогласованных акций), во многом должен оцениваться с точки зрения учения о хулиганстве, как проявление «обычных» беспорядков. В большинстве случаев подобный протест оказывается не очень продолжительным и включает такие формы, как демонстрации, всеобщие забастовки, уличные столкновения и прочие действия, связанные с нарушением общественного порядка. Это стандартное с точки зрения криминологии нарушение или столкновение культурных норм [12, с. 84; 13, с. 149].

В случае высокоорганизованного и подготовленного протеста преступные действия толпы, в отличие от «толпы хулиганствующей», не являются самоцелью. Преступления совершаются не с целью самовыражения. Они выступают лишь средством (насильственным и противоправным) для достижения подлинных скрытых целей организаторов, которые могут быть выявлены при глубоком политологическом и социологическом анализе, и в конечном итоге сводятся к экстремистски мотивированной смене существующего государственного строя.

Это обстоятельство специально подчеркивается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года* (далее — Стратегия). К наиболее опасным проявлениям экстремизма обоснованно отнесены распространение призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, вовлечение отдельных лиц в деятельность экстремистских орга-

низаций, организация и проведение несогласованных публичных мероприятий (в том числе протестных акций), массовых беспорядков.

При этом внешними экстремистскими угрозами признаются поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций», на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, в частности распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе (п. 8 Стратегии).

Внутренними экстремистскими угрозами признаются попытки осуществления националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, отдельными лицами экстремистской деятельности для реализации своих целей, распространение идеологии насилия, склонение, вербовка или иное вовлечение российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ и иную противоправную деятельность, а также формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов (п. 9 Стратегии).

В подобных условиях едва ли не любой, даже один хорошо организованный криминально-экстремистский протест способен вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Опасность протестов второго вида — в потенциальной возможности легитимации действий протестующих в общественном сознании. Если намерения, мотивы и цели участников протестов могут разделяться обществом (как проявление субкультурных традиций, столкновение идеологий и т.д.), то действия хулиганов по нарушению общественного порядка всегда

* Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Указом Президента РФ 29 мая 2020 г. N 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

воспринимаются негативно, как деструктивные, опасные и недопустимые. В ситуации экстремистского протеста одобрение намерений и целей (борьба за права человека, противодействие злоупотреблениям со стороны государства, коррупции и т.д.) может проецироваться на одобрение противоправных действий протестующих.

Об этом точно пишут исследователи, когда обосновывают необходимость различать преступления, которые черпают свою коллективную легитимацию из их явной протестной природы, и действия, которые, хотя и являются противозаконными, но не рассматриваются в качестве преступных большим числом участников [14]. Для их обозначения порой используется понятие «социальная преступность» как формально противоправная деятельность, которая содержит в себе выраженный социальный или политический протест и поддерживается населением в качестве справедливой и оправданной, при том что степень поддержки, необходимая для образования социального преступления, может колебаться между абсолютной поддержкой и простым отказом сообщества признать в качестве преступной деятельности то, что они считают нормальным и невинным [15].

Должно быть очевидным, что наличие такой «общественной поддержки» выступает важной тактической целью экстремистски настроенных организаторов протестов. Она реализуется во всех фазах цикла демонстративно-протестной преступности, но с особой силой проявляет себя в завершающей, укрывательски-оценочной стадии.

Содержание данной фазы цикла во многом определяется исходом предыдущих действий протестующих. Если протест завершен удовлетворением требований протестующих либо его детерминанты категорически и в силовом порядке устранены государством, то есть в ситуациях, когда продолжение протеста становится невозможным или маловероятным, данная фаза в большей степени ориентирована на достижение целей укрывательства и в связи с этим утрачивает специфическое для протеста содержание, «растворяется» в общей массе преступлений, связанных с укрывательством. Если активная фаза протеста лишь «рассеяна», то есть усилиями властей

выступления граждан прекращены, но при этом протестующие не достигли своих целей, а государство не использует жесткий режим подавления, сам протест интегрируется с иными формами выражения недовольства или переходит в мейнстрим, для организаторов протестов приоритетной становится уже не столько задача укрывательства совершенных преступлений, сколько тиражирование оценок состоявшихся протестов. При этом цель таких оценок вполне однозначна — обеспечить потенциальную поддержку будущих протестов со стороны потенциальных участников.

Данная цель реализуется посредством различных информационных техник, ориентированных на обеспечение широкой общественной поддержки и трансформацию протеста в более массовые и радикальные формы. Среди них особое место занимают:

а) развитие и тиражирование темы «жертвенности», представление организаторов и активных участников протестов в качестве жертв политических репрессий, политических заключенных, «узников совести», свободных граждан, гонимых и преследуемых властью, вплоть до физического уничтожения*;

б) сознательное искажение информации о действиях сотрудников правоохранительных органов во время пресечения протестных мероприятий, формирование образа «жестокое полицейское»**;

* Amnesty International вернула Навальному статус узника совести (07.05.2021). URL: <https://ria.ru>

** Один из многих показательных примеров: после проведения протестных акций в январе — феврале 2021 г. в МВД России поступило 11 обращений граждан о необоснованном применении к ним физической силы, а также незаконном задержании и доставлении за участие в указанных акциях в подразделения органов внутренних дел пяти субъектов РФ. Данные обращения своего подтверждения не нашли (см.: Информация Российской Федерации в связи с совместным запросом специальных процедур Совета ООН по правам человека относительно предполагаемых нарушений гражданских прав участников массовых несанкционированных акций в Москве и других крупных российских городах 23 и 31 января, а также 2 февраля 2021 г. (см.: URL: <https://spcommreports.ohchr.org>). В то же время в средствах массовой информации тиражировалась информация о сотнях случаев необоснованного применения силы при задержании протестующих.

в) сознательное искажение информации о масштабах произошедших протестных мероприятий как в части географии протестов, так и в части оценки количества принявших в них участие граждан и количества «пострадавших» от действий властей;

г) обеспечение негативной оценки действий властей во время протестных акций и моральное одобрение, информационная поддержка действий протестующих международным сообществом*.

Очевидно, что далеко не все из этих действий могут рассматриваться с точки зрения законодательства в качестве противоправных, а тем более преступных, что отчасти свидетельствует о недооценке их общественной опасности. Представляется все же, что здесь есть предмет и повод для такой оценки. Опасность подобного рода

деяний состоит не только в дискредитации государственных усилий по обеспечению правопорядка. Указанные деяния, как было отмечено, «размывают» опасность уже совершенных протестующими преступлений и обеспечивают их общественную поддержку. В этом отношении, выступая финальной фазой цикла демонстративно-протестной преступности, они тесно смыкаются с фазой начальной (организационно-подготовительной), обеспечивая замкнутый цикл протеста и его постоянное воспроизводство в социальном пространстве.

Представление о демонстративно-протестной преступности как о цикле, включающем несколько последовательно сменяющих друг друга фаз, различающихся содержанием действий и их общественной опасности, дает возможность для понимания стратегии противодействия ей, определяя основные профилактические «участки» — в начале и по завершении каждой фазы цикла, с тем чтобы «разорвать» криминальную цепочку и не допустить перехода исследуемой преступности на новый этап развития.

* Зарубежные СМИ: Как мир реагирует на протесты в России? (01.02.2021). URL: <https://www.kommersant.ru>; Главы МИД стран G7 осудили задержания участников акций протеста в России (26.01.2021). URL: <https://www.rbc.ru>

Список источников

1. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете / А.С. Архипова, Д.А. Радченко, А.С. Титков [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. N 1. С. 12-35.
2. Кудашкин С.К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2021. 27 с.
3. Еникеев М.И. Психология терроризма и массовых беспорядков // Lex Russica. 2007. N 1. С. 154-159.
4. Кабанов Н.А. Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2020. 281 с.
5. Моховой М.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на представителей власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 25 с.
6. Семенов М.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2007. 26 с.
7. Гамидов Р.Т. Применение насилия в отношении представителя власти: уголовно-правовое и криминологическое исследование (на примере Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2010. 30 с.
8. Текеев Р.А. Некоторые вопросы криминологической характеристики деяний, связанных с посягательствами на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Право и практика. 2018. N 2. С. 74-82.
9. Дроздов Д.Е. Криминологическая оценка и предупреждение применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2020. 261 с.
10. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. N 1. С. 47-59.
11. Slaughter, P. Of crowds, crimes and carnivals // Matthews R., Young J. (Eds.), The New Politics of Crime and Punishment. London; New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2011. 272 p.
12. Hall, S. Images of Football Hooliganism in the Press // Ingham R., Hall S., Clarke J., Marsh P., Donovan J. "Football Hooliganism": the wider context. London: Inter-Action Imprint, 1978. 149 p.
13. Young, J. The Exclusive Society. London: Sage, 1999. 216 p.
14. Rule, J.G. Social Crime in the Rural South in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Southern History Society. 1979. Vol. 1. Pp. 135-153.

15. Hobsbawm, E. Social Criminality: Distinctions between Socio-political and Other Forms of Crime // Bulletin of the Society for the Study of Labour History. 1972. Vol. 25. Pp. 5-6.

References

1. Arhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S. [i dr.]. "Reassembly of the rally": Internet in protest and protest on the Internet. Monitoring of public opinion: Economic and social changes, 2018, no. 1, pp. 12-35. (In Russ.).
2. Kudashkin S.K. Group hooliganism and riots: criminal law characteristics and qualification problems. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2021. 27 p. (In Russ.).
3. Enikeev M.I. Psychology of terrorism and riots. Lex Russica, 2007, no. 1, pp. 154-159. (In Russ.).
4. Kabanov N.A. Criminological characteristics and prevention of riots. Cand. Diss. Moscow, 2020. 281 p. (In Russ.).
5. Mokhovoy M.B. Criminological characteristics and prevention of crimes that infringe on representatives of the authorities. Autoabstract Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2004. 25 p. (In Russ.).
6. Semenov M.V. Criminal-legal and criminological characteristics of an encroachment on the life of a law enforcement officer. Autoabstract Cand. Diss. Ryazan, 2007. 26 p. (In Russ.).
7. Gamidov R.T. The use of violence against a representative of the authorities: criminal law and criminological research (on the example of the Republic of Dagestan). Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2010. 30 p. (In Russ.).
8. Tekeev R.A. Some issues of criminological characteristics of acts related to encroachments on the life of law enforcement officers. Law and Practice, 2018, no. 2, pp. 74-82. (In Russ.).
9. Drozdov D.E. Criminological assessment and prevention of the use of violence against a law enforcement official. Cand. Diss. Moscow, 2020. 261 p. (In Russ.).
10. Nazarov M.M. Political protest: experience of empirical analysis. Sociological research, 1995, no. 1, pp. 47-59. (In Russ.).
11. Slaughter, P. Of crowds, crimes and carnivals. Matthews R., Young J. (Eds.), The New Politics of Crime and Punishment. London; New York, Routledge Taylor and Francis Group, 2011. 272 p.
12. Hall, S. Images of Football Hooliganism in the Press. Ingham R., Hall S., Clarke J., Marsh P., Donovan J. "Football Hooliganism": the wider context. London, Inter-Action Imprint, 1978. 149 p.
13. Young, J. The Exclusive Society. London, Sage, 1999. 216 p.
14. Rule, J.G. Social Crime in the Rural South in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Southern History Society, 1979, vol. 1, pp. 135-153.
15. Hobsbawm, E. Social Criminality: Distinctions between Socio-political and Other Forms of Crime. Bulletin of the Society for the Study of Labour History, 1972, vol. 25, pp. 5-6.

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

Справедливость и беспристрастность в «суде народа»

Светлана Владимировна Верхотурова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, verxoturova00@mail.ru

Юрий Павлович Белых,

кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, yuiry.belov.61@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с деятельностью присяжных заседателей, рассматриваются вопросы справедливости, независимости и беспристрастности суда с их участием в свете судебных решений высших судебных органов Российской Федерации и международных норм. Анализируя судебную практику, авторы приходят к выводу о необходимости закрепления в УПК РФ понятия справедливого судебного разбирательства как разбирательства уголовного дела законным, независимым, беспристрастным судом в разумные сроки с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и обеспечением всех прав обвиняемого и подсудимого. Обращается внимание на допускаемые при рассмотрении уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей процессуальные ошибки. Отмечается, что их основной причиной является отсутствие в УПК РФ должной регламентации производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей. Решение выявленных проблем предлагается посредством внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, справедливое судебное разбирательство, справедливость приговора, независимость суда присяжных, беспристрастность суда присяжных

Для цитирования: Верхотурова С.В., Белых Ю.П. Справедливость и беспристрастность в «суде народа» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 47-57.

Fairness and impartiality of the jury trial

Svetlana V. Verkhoturova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia, verxoturova00@mail.ru

Yuriy P. Belykh,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, yuiry.belov.61@mail.ru

Abstract. The authors of the article analyze the problems associated with the activities of the jurors, as well as the issues concerning the fairness, independence and impartiality of the jury trial in the light of judicial decisions of the supreme judicial bodies of the Russian Federation and international norms. Having analyzed the judicial practice, the authors come to the conclusion that it is necessary to introduce the concept of a fair trial in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The concept includes the criminal proceedings conducted by a legitimate, independent, impartial court within a reasonable time in compliance with the principles of criminal procedure and ensuring all the rights of the accused and the defendant. Attention is drawn to the procedural errors made when hearing criminal cases by jury trials. It is noted that the lack of sufficient legal regulation by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the incompetence of investigators, prosecutors and judges are the main reasons for the violations committed in jury trial. The authors of the article propose to solve the identified problems by making appropriate changes and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: jury trial, jurors, fair trial, justice of the verdict, independence of the jury, impartiality of the jury

For citation: Verkhoturova S.V., Belykh Yu.P. Fairness and impartiality of the jury trial // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 47-57.

Вопросы правового регулирования особого судебного производства с участием присяжных заседателей и обеспечения в нем прав участников процесса всегда вызвали интерес ученых и практиков всего мира, поскольку судебное разбирательство в таких судах имеет определенную специфику и требует высокой профессиональной подготовки судей, прокуроров, адвокатов. Несмотря на то, что российский уголовно-процессуальный закон, регламентирующий деятельность суда присяжных, и практика его применения ориентируются на общепризнанные принципы и нормы международного права и решения высших судебных органов Российской Федерации, нерешенных и спорных вопросов в этой области остается много. Проблемы судебного разбирательства с участием суда присяжных также являются актуальными в свете последних изменений уголовно-процессуального законодательства, например в связи с введением суда присяжных в районных судах.

Концепция правового государства, закрепленная Конституцией РФ, не может быть реализована без учета противоречивых и в то же время взаимосвязанных интересов государства, личности и общества. Следует отметить, что основополагающим для отечественного права выступает положение ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Между тем аксиоматичной является неизбежность споров, конфликтов, возникающих в гражданском обществе, в отношениях между личностью и государством, разрешение которых в большинстве случаев возложено на суды путем отправления правосудия. При этом суды как представители государства выступают в качестве субъекта судебной власти, государственной власти и государственного управления в целом.

Статья 32 Конституции РФ наделяет граждан правом участвовать в отправле-

нии правосудия. В свою очередь, публичный характер судебной деятельности предполагает необходимость общественного контроля за судом. Определение форм социального контроля и участия граждан в отправлении правосудия является одной из актуальных и злободневных проблем настоящего времени.

Традиционно вопрос социального контроля за судом рассматривается через понятия процессуальной и институциональной транспарентности (прозрачности) [1, с. 533]. Таковыми являются обеспечение гласности (открытости) судебного разбирательства, публичное оглашение судебных решений, доступ сторон к информации по делу. Эти формы социального контроля можно отнести к группе пассивных, так как граждане не имеют возможности участвовать в принятии процессуальных решений по делу. Нормативными правовыми актами предусмотрена такая форма социального контроля, как участие представителей общественных объединений в работе квалификационной коллегии судей, а по конкретному уголовному делу — в качестве присяжных заседателей. Последняя форма имеет исключительно важное значение и реализуется в непосредственном отправлении правосудия представителями общества на основе принципа волеизъявления свободного гражданина и справедливого человека.

Суд присяжных — это проявление демократических начал осуществления правосудия, он функционирует в России с 1864 года. За это время институт присяжных заседателей неоднократно претерпевал изменения. До сих пор продолжается его реформирование в свете международных норм о справедливом правосудии. Анализ современного российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что отказ от суда с участием присяжных заседателей (далее также — суд присяжных) на законодательном уровне не планируется, так как это эффективный институт уголовного судопроизводства, в котором проявляются реальная состяза-

тельность, равноправие сторон и презумпция невиновности, что дает каждому подсудимому шанс (иногда единственный) на постановление оправдательного приговора. Как показывает судебная практика последних лет, самое большое количество оправдательных приговоров по-прежнему постановляется именно в суде присяжных.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 году с участием присяжных заседателей было рассмотрено 1019 дел в отношении 1150 обвиняемых, из которых осуждено 68 %, оправдано 32 %. Отменены обвинительные приговоры в отношении 93 лиц и оправдательные приговоры в отношении 235 лиц. Следует отметить, что в судах районного звена количество оправдательных вердиктов значительно больше, чем в судах областного уровня, но при этом по-прежнему сохраняется высокий процент отмены оправдательных приговоров, постановленных в суде с участием присяжных заседателей*.

Изучение судебных решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, показало, что не всегда причиной вынесения оправдательных приговоров являются нарушения со стороны органов предварительного следствия. В то же время недопустимо отрицать очевидную связь качества предварительного расследования с правосудными решениями в суде первой инстанции.

Основной причиной вынесения оправдательных приговоров является особенность оценки доказательств, исследованных в суде присяжными заседателями, которые судят, руководствуясь не законом, а своим внутренним убеждением и жизненным опытом, при этом часто сомневаясь в материалах, представленных органами расследования. Учитывая то, что в компетенцию присяжных заседателей входят вопросы только о доказанности фактов (события преступления и причастности к нему подсудимого) и виновности подсудимого в его совершении, там, где, по мнению судьи, есть уголовное престу-

пление, по мнению присяжного — подсудимый нарушил закон в силу тех или иных обстоятельств.

Представляется обоснованным утверждение о том, что суд присяжных в уголовном процессе выступает возможностью и одной из процессуальных гарантий по обеспечению права гражданина на справедливое судебное разбирательство и остается актуальным с точки зрения как норм международного права, так и отечественного законодательства. При этом нормативные правовые акты не содержат определения понятия и критериев справедливого судебного разбирательства и обозначают его условно — как совокупность процессуальных прав обвиняемого (подсудимого), в частности: право на презумпцию невиновности; право знать информацию о предъявленном обвинении, которая должна быть предоставлена своевременно и на понятном языке; право на время и возможности для защиты от предъявленного обвинения; право на личную защиту по уголовному делу либо с помощью выбранного защитника или предоставленного бесплатно; право на равноценные по условиям допросы свидетелей обвинения и свидетелей защиты, а также право лично допрашивать свидетелей обвинения; право на бесплатную помощь переводчика.

Небезынтересной по этому вопросу является точка зрения В.М. Бозрова, который связывает понимание справедливого правосудия с судебским усмотрением: «...чтобы реализовать в приговоре и “логику вещей, и внутреннее чувство, и житейскую мудрость, и смысл закона и совесть”, судья наделен правом на усмотрение... Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении виновному наказания суд с точки зрения нравственности и морали обязан в границах судебского усмотрения оценить общественную опасность преступного деяния и личность виновного, определить влияние назначенного наказания на исправление осужденного, а также на условия жизни его семьи, и с учетом перечисленных выше обстоятельств избрать вид и меру наказания. Если при этом результат усмотрения судьи устроил стороны и совпал с усмотрением вышестоящих судебных инстанций, то оно считается справедливым» [2, с. 76]. С позиции судебной практики можно со-

* Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 год (форма N 1) // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

гласиться с таким подходом, однако применительно к судебному разбирательству с участием присяжных (к «суду факта») это отчасти не оправданно и, по сути, противоречит его предназначению, а также может повлечь существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Обращает на себя внимание и то, что в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве термины «справедливость» и «справедливость приговора» связывают исключительно с уголовным наказанием, его видом и размером.

В то же время согласно ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод категория справедливости рассматривается как требование, относящееся и к процедуре судебного разбирательства, и к итоговому акту правосудия в целом*. При этом следует обратить внимание на разъяснения, содержащиеся в пп. 1 и 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общеобязательных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которым российские суды должны осуществлять правосудие не только с учетом положений Конституции РФ, но и с учетом общепризнанных принципов и норм международного права**.

Представляется интересной позиция З.В. Макаровой о введении общеправового принципа справедливости в уголовное судопроизводство. Автор предлагает предусмотреть данный принцип в системе других основополагающих начал главы 2 УПК РФ применительно не только к деятельности суда на судебных стадиях процесса, но и к досудебному производству (то есть к деятельности прокурора, следователя, дозна-

вателя). При этом З.В. Макарова выделяет определенные условия справедливости в процессе и связывает их с реализацией отдельных принципов уголовного судопроизводства (гласности, законности и др.), что указывает на сложность и многогранность понятия «справедливость» в уголовном процессе, особенно применительно ко всем этапам судопроизводства [3, с. 56].

На основании вышеизложенного полагаем, что в уголовном процессе следует говорить не только о справедливости приговора, но и о справедливости судебного разбирательства, поскольку на данном этапе решается основной вопрос о виновности и невиновности лица. Судебные решения будут справедливыми, если соблюдаются принципы судопроизводства и в полной мере обеспечиваются права подсудимого. Таким образом, чтобы обеспечить справедливое судебное разбирательство, прежде всего, необходимо сократить количество нарушений, которые могут иметь как организационно-процессуальный, так и правовой характер.

Анализ судебной практики вышестоящих судебных инстанций свидетельствует об обратном. Так, при производстве в суде присяжных нарушения имеются на стадии подготовки к судебному заседанию, а также при проведении судебного разбирательства (при отборе и формировании коллегии присяжных, исследовании доказательств с участием присяжных, предоставлении последнего слова подсудимому и др.). Изучение судебной практики показывает, что нарушение в суде присяжных положений ст. 293 УПК РФ – распространенное явление, которое часто влечет отмену приговоров, в том числе постановленных в судах с участием присяжных заседателей. Например, подсудимый не мог реализовать свое право на последнее слово, поскольку председательствующий удалил подсудимого по причине неоднократного нарушения им порядка в зале судебного заседания. Вышестоящий суд признал необоснованным такое удаление подсудимого (при этом были выявлены и другие нарушения) и отменил приговор***.

*** См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сент. 2015 г. N 5-АПУ 15-72СП // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

* Конвенция о защите прав и основных свобод, ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс». (Российская Федерация перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной настоящей Конвенции 16 сентября 2022 г.).

** О применении судами общей юрисдикции общеобязательных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. N 5: ред. от 5 марта 2013 г. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

Имели место случаи, когда судья необоснованно несколько раз останавливал подсудимого при произнесении им последнего слова, несмотря на то, что выступление подсудимого представляло собой лишь оценку доказательств и доводы о недоказанности предъявленного обвинения, которые он был вправе довести до присяжных заседателей в судебном разбирательстве*.

Нарушения могут быть допущены на этапе окончания предварительного следствия, когда обвиняемому предоставляется возможность реализовать свое право, предусмотренное ч. 5 ст. 217 УПК РФ. Например, обвиняемый не смог реализовать свое право на рассмотрение дела судом присяжных, поскольку следователь не разъяснил ему при ознакомлении с материалами уголовного дела право ходатайствовать о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, особенности рассмотрения дела таким судом, права обвиняемого в суде и порядок обжалования судебного решения, что привело к нарушению права обвиняемого на защиту. В последующем суд, в который поступило уголовное дело, также до назначения судебного заседания не устранил на предварительном слушании сомнения о нарушении процессуальных прав обвиняемого. На стадии судебного разбирательства уголовное дело было возвращено прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению, срок содержания под стражей был продлен до двух месяцев**. Кроме того, в следственной практике имеют место случаи, когда на обвиняемого пытаются воздействовать путем уговоров и неправильного информирования о суде с участием присяжных заседателей.

По-прежнему актуальным остается вопрос о расширении подсудности уголовных дел суда с участием присяжных заседателей, который в последние годы активно обсуждается как с точки зрения теории,

так и с точки зрения практики. Учитывая то, что половина уголовных дел рассматривается в особом сокращенном порядке главы 40 УПК РФ, вопрос о расширении юрисдикции суда присяжных продолжает оставаться одним из обсуждаемых. В частности, следует признать обоснованными предложения по расширению подсудности суда присяжных в отношении некоторых видов уголовных составов (например, преступлений в сфере предпринимательской деятельности, экономической деятельности и должностных преступлений). В настоящее время суду присяжных подсудно всего несколько десятков преступлений, перечисленных в пп. 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть, и др.).

УПК РФ не предусмотрено прямо рассмотрение уголовных дел судом присяжных о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также лицами, в отношении которых решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера. В том случае, если одним или несколькими обвиняемыми заявлено ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных, а остальные отказываются от такого состава суда, а также если среди фигурантов дела есть лица, не достигшие 18 лет, следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство. С учетом непрофессионализма присяжных заседателей, сложной процедуры и сроков рассмотрения дела в суде присяжных в законодательстве не предусмотрена возможность рассмотрения уголовных дел судом присяжных в отношении данной категории граждан.

Однако Конституционный Суд РФ допускает исключение из этого правила: суды с участием присяжных заседателей могут рассматривать дела в отношении обвиняемых, не достигших совершеннолетия, в случаях, если они совершили преступление в соучастии со взрослыми лицами и при условии невозможности выделить дело в отношении несовершеннолетних в отдельное производство, так как это препятствует всесторонности и объективности

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февр. 2016 г. N 9-АПУ16-1СП // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Постановление Бологоловского городского суда (Тверская область) от 22 нояб. 2019 г. N 1-172/2019 // Там же.

разрешения дел*. Верховный Суд РФ в п. 3 постановления от 22 ноября 2005 г. N 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» согласился с позицией органа судебного контроля**, но соответствующие изменения в УПК РФ до сих пор не внесены.

Судьи отмечают, что с введением с 1 июня 2018 г. особого порядка судебного разбирательства с участием присяжных заседателей в судах районного звена обострилась проблема, связанная с формированием независимой коллегии присяжных из шести человек. Наибольшие трудности с формированием коллегии присяжных заседателей возникли в отдельных регионах страны (на Северном Кавказе, в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока, в сельской местности). Причины разные: родственные связи, традиции и обычаи народа, проживающего на данной территории, религиозные убеждения и др. Очевидно, что если преступление совершено в сельской местности или в небольшом городе, где все жители знают друг друга, информированы о происходящих событиях (в том числе и о преступных деяниях), затруднительно сформировать коллегию присяжных для судебного разбирательства. В данной ситуации местные жители под различными предлогами пытаются уклониться от участия в судебном разбирательстве в качестве присяжных заседателей [4].

По причине невозможности формирования коллегии присяжных заседателей судья вынужден продлевать срок содержания под стражей подсудимого, иногда до нескольких месяцев и, разумеется, он

* По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. N 20-П. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 нояб. 2005 г. N 23: ред. от 28 июня 2022 г. // Там же.

должен обосновать свое решение, но такое основание продления меры пресечения, как невозможность формирования коллегии присяжных заседателей, не предусмотрено законом. Бесспорно, что при этом нарушается не только право подсудимого на рассмотрение уголовного дела судом присяжных, но и принцип разумных сроков уголовного судопроизводства. В данном случае целесообразно предусмотреть в действующем уголовно-процессуальном законе еще одно основание для изменения территориальной подсудности и дополнить ст. 328 УПК РФ частью 23.1 следующего содержания: «Если сформировать коллегию присяжных заседателей не представляется возможным в течение 1 месяца с момента назначения судебного заседания, председательствующий принимает решение об изменении подсудности в порядке подпункта "в" части 1 статьи 35 настоящего Кодекса, о чем выносит постановление».

Существенным условием эффективности деятельности судов выступают стандарты нормативно-правового характера, к которым относятся независимость и беспристрастность суда как принцип, обеспечивающий справедливое судебное разбирательство.

Независимость судебной системы изначально понимается как невмешательство в деятельность судов (судей) органов исполнительной и законодательной власти на основе принципа разделения властей, закрепленного в Конституции РФ (институциональная независимость).

Индивидуальная независимость судьи по конкретному делу рассматривается в единстве с понятием беспристрастности в качестве объективного применения закона к факту без стороннего влияния или воздействия, вне зависимости от его источника, основываясь на своем понимании правовых норм. В то же время беспристрастность как правовой принцип не нашла должного отражения в отечественном законодательстве в отличие от категории «независимость суда», что указывает на некоторую непоследовательность законодательства. Следует согласиться с точкой зрения о необходимости законодательного закрепления в отраслях процессуального права понятия беспристрастности суда

с обязательным указанием признаков, характеризующих эту правовую категорию, и процессуальной формы, в пределах которой может быть реализована данная норма-принцип.

Независимость и беспристрастность суда являются условием справедливого судебного разбирательства и определяются как отсутствие предвзятости, личной заинтересованности и предубежденности судьи в исходе дела. Противоположными факторами являются качества объективного и субъективного свойства, которые могут быть присущи конкретному судье (его миропонимание) или проявляться в его поведении по отношению к участникам процесса либо в преждевременной оценке обстоятельств дела. Как показывает практика, влияние на суд носит либо внешний характер, либо является следствием внутрикорпоративной зависимости с признаками «тайного правосудия».

Заслуживает внимания процесс становления в российском законодательстве правовых институтов, направленных на обеспечение независимости и беспристрастности судей и формирование процессуальных гарантий справедливого правосудия. Все виды отраслевого процессуального законодательства содержат нормы, предусматривающие основания отвода профессиональных участников процесса, а также возможность заявления ходатайств и принесения протестов и жалоб. Кроме этого, в уголовно-процессуальном и административном законодательстве (ст. 8-1 УПК РФ, ст. 24.3.1 КоАП РФ) закреплена обязанность должностных лиц суда предавать гласности и доводить до сведения участников процесса информацию о фактах внепроцессуальных обращений по материалам дел, находящихся в производстве суда. К сожалению, как показывают результаты опроса сотрудников судов и изучения официальных сайтов судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», данные правовые нормы не реализуются. Полагаем, что в контексте разрешения обозначенного вопроса необходимо в процессуальном законодательстве более полно регламентировать правовой механизм, предусматривающий процедуру реализации нормы о доведении информации до

участников производства по фактам внепроцессуальных обращений, в том числе с указанием возможности привлечения к дисциплинарной ответственности судьи, председателя суда, его заместителя, председателя судебного состава, председателя судебной коллегии.

Правосудие в широком смысле слова охватывает реализацию прав и обязанностей участников процессуальных правоотношений на различных этапах (стадиях) процесса, таких как доступ к правосудию; судебное разрешение дела, включая все судебные инстанции; исполнение судебных решений. Центральной стадией правосудия, безусловно, выступает судебное разбирательство, в ходе которого нередко возникают сомнения в беспристрастности суда, основанные на субъективном восприятии участников процесса. Однако на беспристрастность судьи, как представляется, могут оказывать влияние и объективные факторы, независящие от усмотрения судьи и других должностных лиц суда. Например, к таким факторам относится устоявшаяся системность уголовно-процессуального законодательства, его правовых институтов, отдельных норм в их взаимосвязи и соотношении со стандартами справедливого правосудия, выработанными судебной практикой, в части требований независимого и беспристрастного суда. Именно внутренние противоречия отечественного уголовно-процессуального законодательства становятся предпосылками возникновения системных ошибок отправления правосудия, являющихся предметом пересмотра судебных решений.

Беспристрастность и независимость присяжных заседателей при рассмотрении уголовного дела в суде служат основной гарантией справедливого судебного разбирательства.

Система действий председательствующего судьи и других участников уголовного процесса по формированию коллегии присяжных заседателей должна максимально обеспечить участие в ней беспристрастных и справедливых граждан. Если у присяжных заседателей сформируется не объективное мнение, то это придаст обвинительный уклон их деятельности при рассмотрении уголовного дела. Кроме того, в коллегию присяжных должны входить не

только социально активные граждане, но и пенсионеры, безработные, причем разного возраста.

Согласно ст. 330 УПК РФ в суде присяжных по ходатайству сторон допускается роспуск судьей коллегии присяжных заседателей ввиду ее тенденциозности в случаях, когда при формировании коллегии присяжных имеются основания полагать, что образованная по конкретному делу коллегия неспособна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого дела и вынести справедливый вердикт. Заявление сторон о роспуске коллегии присяжных основывается не на обстоятельствах, исключающих участие в производстве по уголовному делу, а лишь на предположении о возможном предвзятом мнении всей коллегии присяжных заседателей в связи с особенностью рассматриваемого дела и особенностью состава коллегии.

При этом законодательство не содержит конкретных оснований для роспуска коллегии присяжных в силу ее тенденциозности, поэтому они могут трактоваться широко. Например, тенденциозность коллегии может иметь место в случаях судебного разбирательства конкретных уголовных дел, связанных с межнациональными конфликтами, преступлениями против половой неприкосновенности, когда в состав коллегии вошли присяжные заседатели одной национальности или одного пола, либо в том случае, если на скамье подсудимых находится бизнесмен, а присяжные заседатели – пенсионеры и граждане с невысоким уровнем дохода (например, по делам об убийствах по найму).

Председательствующий, выслушав мнение сторон, разрешает их заявление в совещательной комнате и выносит постановление. Если заявление будет признано обоснованным, то председательствующий распускает коллегию присяжных заседателей и возобновляет подготовку к рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Нельзя признать законными действия судьи, который по собственной инициативе (без ходатайства сторон о тенденциозности коллегии присяжных) принимает решение о роспуске коллегии присяжных. Это влечет отмену приговора, постановленного в судебном

заседании с участием присяжных заседателей*.

Следует отметить, что редакция понятия тенденциозности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в УПК РФ не вполне отражает ее содержание, и это порождает дискуссии об эффективности данного института в уголовном процессе. Некоторые исследователи (например, С.И. Воскресенская) утверждают, что данный институт абсолютно неэффективен и его следует упразднить, другие (С.А. Пашин, А.Н. Чашин, А.А. Горовко) считают, что он является гарантом справедливого судебного разбирательства [см. об этом: 5]. Единообразная судебная практика по данному вопросу также не сложилась.

Учитывая то, что коллегия присяжных заседателей формируется из числа граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, представляется сложным исключение отрицательного воздействия какой-либо информации на кандидатов в присяжные заседатели и формирования у них предвзятой позиции (обвинительной или оправдательной), что не позволяет обеспечить беспристрастность суда присяжных. Например, основанием роспуска коллегии присяжных может быть их информированность о преступном деянии из непроцессуальных источников, способная негативно повлиять на формирование убеждения присяжных заседателей при вынесении вердикта.

Конституционный Суд РФ считает, что законодатель обязан обеспечить беспристрастность суда путем таких средств, как процессуальный институт отвода судьи, присяжных заседателей или всей коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности, требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные заседатели, а также возможность изменения территориальной подсудности уголовных дел. Например, основанием для отвода кандидатов или роспуска коллегии присяжных заседателей может служить их информированность о преступлении из непроцессуальных ис-

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сент. 2015 г. N 5-АПУ 15-72СП.

точников, которая в силу своего характера и объема негативным образом влияет на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей при вынесении вердикта по делу. Неслучайно Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ* обязывает председательствующего выяснить у присяжных заседателей их информированность об обстоятельствах дела, рассмотрение которого предстоит в суде, и в случае получения сведений об осведомленности присяжного заседателя о конкретном уголовном деле решить вопрос о его освобождении от участия в рассмотрении дела (ч. 4 ст. 427)**.

В настоящее время на присяжного заседателя может быть оказано воздействие как со стороны участников процесса, так и через средства массовой информации. Присяжные заседатели, которые испытали такое воздействие, вынуждены немотивированно покинуть коллегию, что ведет к затягиванию процесса или к роспуску коллегии. Для решения данной проблемы представляется возможным создать специальный механизм по защите присяжных заседателей от разного рода воздействий (например, обеспечить охрану присяжных заседателей во время рассмотрения уголовного дела в суде, строгую изоляцию в совещательной комнате на время обсуждения и вынесения вердикта, поселение в отдельной гостинице, где нет доступа к источникам информации, которые могут создать предвзятое отношение присяжного к делу, и др.). Секвестр присяжных за-

седателей является одной из мер предотвращения самостоятельных расследований со стороны присяжных и применяется во время рассмотрения уголовных дел в зарубежных государствах (США, Мальта и др.) [6, с. 245].

В отечественном законодательстве данному вопросу не придается большое значение, из чего следует, что освещение определенных материалов в СМИ не препятствует справедливому и объективному судебному разбирательству. Например, Верховный Суд РФ разъясняет, что публикации средств массовой информации о ходе расследования уголовного дела и судебном процессе не могут являться причиной для отмены решения суда с участием присяжных и стороны на этапе формирования коллегии имеют возможность заявить отвод кандидатам в присяжные заседатели. Далее он напоминает присяжным, что все-таки присяжные заседатели должны дистанцироваться от освещения разбирательства в прессе***.

Представители адвокатского сообщества также отмечают серьезную проблему во влиянии СМИ на работу коллегии присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел и считают, что данный вопрос требует своего разрешения. В судах с участием присяжных неоднократно складывалась ситуация, когда сторона обвинения пыталась повлиять на мнение присяжных заседателей путем публикации негативных сведений о личности подсудимого и другой информации, с которой не знакомятся присяжные. Иногда в СМИ публиковались конкретные версии, выдуманные обстоятельства с целью создания «мятежной» обстановки. В ответ сторона защиты была вынуждена приспособливаться к ситуации информационного неравенства сторон, придумывать нестандартные формы защиты в сложившихся обстоятельствах (создание в Интернете собственных информационных ресурсов для освещения позиции защиты) [4].

Таким образом, представляется, что проблема воздействия средств массовой

* Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление от 17 февр. 1996 г. N 7-6). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2010 г. N 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 18. Ст. 2276.

*** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Дело N 5-011-220 СП от 14 сент. 2011 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

информации на коллегию присяжных заслуживает определенного внимания и требует своего разрешения. В настоящий момент законодательство по данному вопросу ограничивается лишь положением о недопустимости сбора присяжными заседателями информации вне судебного разбирательства. При этом в УПК РФ не установлены ни запреты, ни санкции.

В результате проведенного исследования предлагается внести следующие изменения и дополнения в УПК РФ:

1. Дополнить статью 328 УПК РФ частью 23.1 следующего содержания: «Если сформировать коллегию присяжных заседателей не представляется возможным в течение 1 месяца с момента назначения судебного заседания, председательствующий принимает решение об изменении подсудности в порядке подпункта “в” части 1 статьи 35 настоящего Кодекса, о чем выносит постановление».

2. В статье 5 УПК РФ предусмотреть пункт 51.1 следующего содержания: «Справедливое судебное разбирательство –

это разбирательство уголовного дела законным, независимым, беспристрастным судом в разумные сроки с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и обеспечением всех прав обвиняемого, подсудимого».

3. Дополнить название статьи 8.1 УПК РФ словами «и беспристрастность» («Независимость и беспристрастность судей») и включить в данную статью часть 4 следующего содержания: «Судьи (присяжные заседатели) при рассмотрении и разрешении уголовных дел должны быть свободны от предвзятости, личной заинтересованности и предубежденности в ходе дела».

4. В целях обеспечения беспристрастности суда присяжных, по нашему мнению, следует дополнить часть 2 статьи 333 УПК РФ пунктом 4.4 следующего содержания: «знакомиться на протяжении всего судебного разбирательства с информацией, которая может повлиять на объективность и беспристрастность вердикта коллегии присяжных заседателей».

Список источников

1. Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики / под ред. Т.Г. Морщакковой. Москва: Мысль, 2012. 583 с.
2. Бозров В.М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // Уголовный процесс. 2013. N 2. С. 70-77.
3. Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета: Сер.: Право. 2012. N 7. С. 54-56.
4. Юсупов М.Ю. Суд присяжных: сложности в работе на примере Республики Дагестан // Уголовный процесс. URL: <https://www.ugpr.ru> (дата обращения: 11 нояб. 2022 г.).
5. Насонов С.А. Проблемы практики роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности состава: эффект законодательной ошибки или недостатки правоприменения? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. N 10. С. 186-193.
6. Стрелкова Ю.В. Медиапространство и суд присяжных в современном мире: риски и пути их нейтрализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. N 2. С. 239-248.
7. Васильев А.В. Об информационной войне между обвинением и защитой в делах с присяжными // Адвокатская газета. 2019. 21 янв. URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 11 нояб. 2022 г.).

References

1. Fair justice standards: international and national practices. Moscow, Mysl' Publ., 2012. 583 p. (In Russ.).
2. Bozrov V.M. Justice as a criterion for assessing the quality of judicial activity. Criminal process, 2013, no. 2, pp. 70-77. (In Russ.).
3. Makarova Z.V. Fairness in criminal proceedings. Bulletin of the South Ural State University: Series: Law, 2012, no. 7, pp. 54-56. (In Russ.).
4. Yusupov M.Yu. Jury trial: difficulties in work on the example of the Republic of Dagestan. Criminal process. Available at: <https://www.ugpr.ru> (Accessed: November 11, 2022). (In Russ.).
5. Nasonov S.A. Problems of the practice of the dismissal of the jury due to the tendentiousness of the composition: the effect of a legislative error or defects of judicial practice? Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSUA), 2020, no. 10, pp. 186-193. (In Russ.).
6. Strelkova Yu.V. Media space and jury trial in the modern world: risks and ways to neutralize them. Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSUA), 2018, no. 2, pp. 239-248. (In Russ.).

7. Vasil'ev A.V. On the information war between the prosecution and the defense in cases with a jury. Lawyer's newspaper. 2019. January 21. Available at: <http://www.advgazeta.ru> (Accessed: November 11, 2022). (In Russ.).

Вклад авторов:

Верхотурова С.В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, формулирование итоговых выводов по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регламентирующих деятельность суда с участием присяжных заседателей;

Белых Ю.П. – формулирование основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок, написание статьи, формулирование общих выводов.

Contributions of authors:

Verkhoturova S.V. – idea, data collection, data analysis and interpretation, drafting the manuscript, final study conclusions for the improvement of criminal procedure norms regulating the activities of the trial by jury;

Belykh Yu.P. – study conception and design, theoretical framework of the study, drafting the manuscript, presenting the findings of the study.

Научная специальность: 5.1.4

Направления совершенствования средств обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства со стороны защиты

Евгений Николаевич Петухов,

кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, petuchove@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0690-6535>

Аннотация. В статье рассматриваются обязанности заинтересованных в исходе уголовного дела представителей стороны защиты. Устанавливается перечень субъективных обязанностей данных субъектов. Раскрывается мотивация подозреваемого и обвиняемого, побуждающая их надлежащим образом исполнять либо не исполнять возложенные на них на основании законодательства субъективные обязанности, а также законные требования властных субъектов. Устанавливаются внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор данными субъектами модели поведения при необходимости исполнения ими законодательных предписаний в виде обязанностей. Исследуется эффективность и достаточность существующих средств обеспечения надлежащего исполнения субъективных обязанностей участниками стороны защиты. В завершение автором формулируются предложения по совершенствованию данных средств обеспечения, в том числе посредством внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на создание необходимых условий исполнения рассматриваемыми субъектами возложенных на них законодательством обязанностей.

Ключевые слова: уголовный процесс, обязанности, средства обеспечения, обвиняемый, подозреваемый

Для цитирования: Петухов Е.Н. Направления совершенствования средств обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства со стороны защиты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 58-68.

Directions for improving the means of ensuring the proper performance of the duties of participants in criminal proceedings by the defence

Evgeniy N. Petukhov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, petuchove@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0690-6535>

Abstract. The duties of the representatives of criminal defence interested in the outcome of the criminal case are analyzed in the article. The list of subjective duties of these subjects is established. The motivation of the suspect and the accused, which encourages them to perform properly or not to perform the subjective duties assigned to them by the legislation, as well as the legal requirements of the authorities, is revealed. The external and internal factors affecting the choice of the behavior model by these subjects in case they need to comply with the legal requirements in the form of duties are identified. The effectiveness and sufficiency of the existing means of ensuring the proper performance of subjective duties by the defending party in criminal proceedings are considered. In conclusion, the author formulates the proposals for improving these means, in particular, by making amendments and additions to the criminal procedure legislation aimed at creating the necessary conditions to fulfill the duties imposed by the legislator by the subjects being discussed.

Keywords: criminal procedure, duties, means of ensuring, accused, suspect

For citation: Petukhov E.N. Directions for improving the means of ensuring the proper performance of the duties of participants in criminal proceedings by the defence // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 58-68.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, наряду с предоставлением посредством содержащихся в нем предписаний субъективных прав всем участникам уголовного судопроизводства, возлагает на них субъективные обязанности. Общеизвестно, что надлежащее исполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства вносит существенный вклад в соблюдение установленного законом порядка осуществления производства по уголовному делу. Следует констатировать, что безусловное и точное исполнение участниками вида и меры возложенных на них законодательством обязанностей является гарантией правомерного поведения данных лиц и ведет к достижению существующего у них интереса по уголовному делу.

При этом следует особенно выделить участников стороны защиты, так как они непосредственно заинтересованы в исходе дела в свою пользу. Однако, как показывают результаты изучения правоприменительной практики по уголовным делам, чтобы субъект уголовного процесса надлежащим образом смог исполнить возложенную на него обязанность, необходимо создать соответствующие условия. К сожалению, существующие в настоящее время средства (правовые, организационные, технические, иные), использование которых направлено на создание таких необходимых условий, не всегда являются эффективными и достаточными.

Такая ситуация приводит к массовому неисполнению обязанностей участниками уголовного судопроизводства. В итоге это негативно отражается на качестве расследования и в целом на правосудии по уголовным делам. Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая 17 июня 2022 г. на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, указал органам предварительного расследования на их неэффективную уголовно-процессуальную деятельность по уголовным делам об экономических преступлениях. При этом он заявил: «дополнительно по линии Совета Безопасности дано специальное поручение по анализу ситуаций, когда уголовные дела возбуждаются, но не доводятся до суда», особо обратив внимание на то, что количество

таких случаев за последние годы существенно выросло*.

Безусловно, в этой ситуации актуальным является вопрос поиска направлений совершенствования средств обеспечения правомерного поведения участников уголовного судопроизводства, в том числе стороны защиты, как субъектов, имеющих в уголовном судопроизводстве частный интерес. При этом, как показывает анализ норм уголовно-процессуального законодательства, основным признаком, объединяющим этих субъектов в одну группу, является такое уголовно-процессуальное явление, как уголовное преследование (обвинение), осуществляемое в отношении каждого из них.

Сначала лицо подвергается уголовному преследованию (п. 55 ст. 5 УПК РФ) в качестве подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ), затем оно становится обвиняемым, а далее согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ: обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, — подсудимый; обвиняемый, в отношении которого постановлен обвинительный приговор, — осужденный; обвиняемый, в отношении которого постановлен оправдательный приговор, — оправданный. Если в ходе производства по уголовному делу прокурор удовлетворит ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым (п. 1 ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ), то такой субъект становится одновременно лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ). Кроме того, если по уголовному делу заявлен гражданский иск, то, как правило, обвиняемый является лицом, которое несет ответственность за вред, причиненный преступлением. О его привлечении в качестве гражданского ответчика дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд — определение (ч. 1 ст. 54 УПК РФ).

Из изложенного следует, что нередко в названных качествах находится одно и

* Выступление Президента Российской Федерации Путина В.В. на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

то же лицо, которое принимает участие на всех стадиях уголовного судопроизводства и, соответственно, в ходе всего производства по уголовному делу, как правило, находясь в статусе обвиняемого, может реализовывать предоставленные ему законодательством субъективные права, а также должен исполнять возложенные на него субъективные обязанности как заинтересованный в реализации достижения своих законных интересов участник уголовного процесса.

Надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей для него неизбежно, так как они, наряду с присущими ему правами, как и у других участников уголовного судопроизводства, образуют правовую основу его поведения в ходе всего уголовного судопроизводства.

Исполняя свои субъективные обязанности, то есть реализуя присущий его процессуальному статусу основной компонент, обвиняемый выстраивает процессуально значимые отношения с другими участниками уголовно-процессуальной деятельности, участвует в уголовно-процессуальном доказывании, определенным образом оказывает влияние на принятие решений органами расследования и судом, в производстве которых находится уголовное дело, а также реагирует на принятые ими решения и осуществляет другие действия по отстаиванию своей позиции по уголовному делу. При этом обвиняемый, находясь в состоянии необходимости надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, выстраивает модель своего поведения с учетом ряда факторов, влияющих на данный процесс.

Одним из таких факторов является объем и качество законодательного закрепления уголовно-процессуального статуса обвиняемого. Результаты детального изучения положений действующего УПК РФ, регламентирующих один из основных компонентов его уголовно-процессуального статуса — обязанностей, как было отмечено ранее [1, с. 115], свидетельствуют о том, что место их закрепления, их содержание, а также логика и стиль изложения несовершенны. Например, если говорить о целесообразности и логичности местонахождения закрепляющих обязанности норм в уголовно-процессуальном зако-

нодательстве, то достаточно обратиться к ст. 47 УПК РФ, которая непосредственно посвящена обвиняемому. На наш взгляд, наряду с правами в данной статье (как и в ст. 46 УПК РФ «Подозреваемый») должны быть закреплены обязанности.

Кроме того, на выбор обвиняемым модели поведения влияют условия, при которых он должен исполнять уголовно-процессуальные обязанности. Следует обратить внимание на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве не всегда определены эти благоприятствующие условия, которые, на наш взгляд, должны выступать гарантией надлежащего исполнения обвиняемым возложенных на него обязанностей. Полагаем, что создание необходимых условий в основном должно определяться в уголовно-процессуальном законодательстве в виде обязанностей должностных лиц и органов государства, осуществляющих производство по уголовному делу, как это сделано в ч. 3 ст. 15 УПК РФ по отношению к обязанностям суда в судебном заседании: «Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав».

Еще одним фактором, который влияет на выбор обвиняемым как основным участником рассматриваемой группы субъектов стороны защиты модели поведения при необходимости выполнения возложенной на него уголовно-процессуальной обязанности, является надежда данного субъекта на ожидаемый результат после надлежащего исполнения обязанности в виде достижения своего частного материально-правового и процессуального интереса по уголовному делу.

Учитывая то, что основными компонентами уголовно-процессуального статуса обвиняемого являются его права и обязанности, определяющие его возможное и должное поведение в ходе всего производства по уголовному делу, безусловно, обязанности обвиняемого должны существовать. Соответственно, для их наглядности, уяснения их содержания и, наконец, для обязательности их исполнения они должны найти свое закрепление в УПК РФ.

Ориентиром в разрешении данного вопроса должна стать законотворческая деятельность по созданию модели долж-

ного поведения обвиняемого посредством возложения на него обязанностей и создания условий для надлежащего их исполнения с целью достижения его частного интереса и назначения всего уголовного судопроизводства по уголовному делу. Критериями законности создаваемой модели должного поведения обвиняемого посредством надлежащего исполнения возложенных на него уголовно-процессуальных обязанностей, безусловно, должно выступать отсутствие ущемления прав других участников уголовного судопроизводства и воспрепятствования надлежащему исполнению обязанностей другими участниками уголовного процесса.

Из системного анализа уголовно-процессуального законодательства следует вывод о том, что на обвиняемого во всех его качествах должны возлагаться так называемые основные обязанности, исполняемые практически всеми участниками уголовного судопроизводства, а также специальные, то есть возложенные только на данного процессуального субъекта.

В частности, руководствуясь приведенными доводами и учитывая передовой законодательный опыт зарубежных стран (ч. 4 ст. 43 УПК Республики Беларусь*; ч. 3 ст. 46 УПК Кыргызской Республики**; ч. 5 ст. 47 УПК Республики Таджикистан***) по рассматриваемому вопросу, в качестве специальных, конкретных обязанностей обвиняемого предлагается дополнить ст. 47 УПК РФ следующими предписаниями:

- не продолжать преступную деятельность;
- не препятствовать проведению процедуры дактилоскопирования;
- не заявлять заведомо ложный донос в отношении «иных лиц»;
- не препятствовать осуществлению уголовного преследования путем уничтожения и фальсификации доказательств, уговора свидетелей и использования других запрещенных законом способов и средств защиты от него;

* Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://online.zakon.by>

** Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. URL: <https://online.zakon.kg>

*** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. URL: <https://online.zakon.kt>

– не препятствовать исполнению постановлений органов расследования, суда об отобрании образцов для экспертного исследования, о помещении в медицинское учреждение для производства экспертизы, об освидетельствовании и других процессуальных решений, предусмотренных УПК РФ;

– соблюдать (исполнять) избранную меру пресечения и иную меру процессуального принуждения;

– своевременно сообщать органам расследования, суду об основаниях отвода участников уголовного судопроизводства;

– давать правдивые показания, если в соответствии со ст. 47 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ отказался воспользоваться правом на отказ от дачи показаний;

– сообщать органам расследования, суду об источнике получения документов, предметов, предоставляемых им для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств;

– соблюдать правила досудебного соглашения, заключенное с органами, осуществляющими уголовное преследование;

– не нарушать права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что подобные предложения сформулированы М.А. Овчинниковым [2, с. 110].

Следует понимать, что если в уголовно-процессуальном законодательстве не будут закреплены конкретные обязанности участников уголовного процесса, в том числе субъективные обязанности обвиняемого (подозреваемого), то дознаватель, следователь, прокурор и суд также не смогут выполнять надлежащим образом свои уголовно-процессуальные полномочия, включая обязанности (например, разъяснить права и обязанности участникам уголовно-процессуальной деятельности, как это предписано частью 1 ст. 11 УПК РФ).

Однако лишь размещение норм, устанавливающих обязанности обвиняемого, в одном месте (в предложенной нами ч. 7 ст. 47 УПК РФ) не приведет к желаемому результату – надлежащему исполнению обвиняемым возложенных на него законодательством субъективных обязанностей. Это обусловлено рядом причин. В качестве основных причин, как следует из результа-

тов проведенного Н.Ю. Лебедевым опроса сотрудников органов предварительного следствия, необходимо признать нежелание давать правдивые показания (назвали 62,1 % респондентов); стремление к отводу следователя (6,3 % респондентов); негативное отношение к правоохранительным органам (48,4 % респондентов); преступная солидарность (34,7 % респондентов); боязнь мести со стороны соучастников (35,7 % респондентов); стремление уменьшить степень своей вины (45,2 % респондентов); необъективность следователя (17,8 % респондентов), иные (5,3 % респондентов) [3, с. 278].

Изложенное указывает на то, что в большинстве случаев частные интересы обвиняемого и публичные интересы представителей государства, в производстве которых находится уголовное дело, не совпадают.

Данную ситуацию должны разрешать органы расследования и суд, используя такие основные средства обеспечения возмездного характера, как убеждение и принуждение в отношении правообязанных субъектов, в том числе обвиняемого. У этих субъектов необходимо сформировать понимание того, что их личные законные интересы будут реализованы только в результате реализации публичных интересов, в связи с этим существует необходимость в надлежащем исполнении возложенных на них законодательством субъективных обязанностей, результат исполнения которых приведет к одновременному достижению частных и публичных интересов.

В этих условиях органам предварительного расследования и суду целесообразно направить свои усилия на обеспечение возможности реализации обвиняемым таких личных интересов в уголовном судопроизводстве, которые образуют целую систему с входящими в нее базовыми интересами и субинтересами обвиняемого. Бесспорно, базовый процессуальный интерес обвиняемого, как верно установили И.В. Смолькова и Р.В. Мазюк, заключается в следующем: «на стадии возбуждения уголовного дела – в решении об отказе в возбуждении уголовного дела; на стадии предварительного расследования – в полном или частичном прекращении

уголовного дела (уголовного преследования) по тем или иным основаниям; на стадии судебного разбирательства – в решении о применении к лицу принудительной меры медицинского характера (иных мер уголовно-правового характера) вместо применения уголовной ответственности и назначения наказания», а «...субинтересы выражают целеполагающие отношения обвиняемого к осуществлению отдельных процессуальных действий, а также принятию отдельных процессуальных решений в ходе производства по уголовному делу» [4, с. 163]. В итоге органы расследования и суд должны обеспечить обвиняемому возможность реализовать свой процессуальный интерес с помощью таких правовых средств, как право заявлять ходатайства и подавать жалобы на осуществляемые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения по уголовному делу лично либо с помощью своего защитника.

То, какие средства убеждения или принуждения должны использоваться органами расследования или судом при обеспечении ими должного поведения обвиняемого, то есть надлежащего исполнения таким субъектом возложенных на него законодательством субъективных обязанностей, зависит от обстоятельств, обуславливающих мотивацию данного субъекта (достижение какого-либо интереса из названных выше).

Если подозреваемый или обвиняемый мотивирован осознанием того, что в отношении его осуществляется уголовное преследование незаконно, то можно предположить, что такой субъект будет без всякого воздействия (убеждения, принуждения) со стороны органов расследования добросовестно исполнять возложенные на него законодательством субъективные обязанности, способствуя тем самым полному, всестороннему и быстрому расследованию, а также рассмотрению и разрешению возбужденного в отношении его уголовного дела.

Как показывает правоприменительная практика, такие лица не уклоняются от органов расследования и суда, своевременно являются по вызову и добровольно дают правдивые показания, предоставляя необходимые сведения для их проверки

путем производства следственных и судебных действий. Они не отказываются от выполнения законных требований, предъявляемых к ним со стороны субъектов, в производстве которых находится уголовное дело. Не препятствуют получению от них образцов для сравнительного исследования, в частности, добровольно подвергаются дактилоскопированию, проведению в отношении их судебной экспертизы, В целом для них характерно правомерное поведение. Мотивация в данном случае состоит в ожидании того, что в ходе осуществления производства по уголовному делу будет установлена непричастность этих лиц к выдвинутому в отношении их обвинению.

Иллюстрировать описанную ситуацию и подтвердить позитивный результат надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей обвиняемым, в отношении которого незаконно осуществлялось уголовное преследование, можно материалами уголовного дела: Б. был обвинен в предусмотренном ч. 1 ст. 111 УК РФ умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека и повлекшего за собой потерю органа.

В ходе производства по уголовному делу обвиняемый добросовестно исполнял все возложенные на него законодательством обязанности и выполнял все предъявляемые к нему со стороны органов расследования требования. В итоге Алтайский районный суд Алтайского края постановил в отношении Б. оправдательный приговор на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, и признал за ним право на реабилитацию*.

Безусловно, расследованию и правосудию путем надлежащего исполнения возложенных на них законодательством субъективных обязанностей содействуют и такие подозреваемые, обвиняемые, в отношении которых обвинение выдвинуто правомерно, но с ними заключено досудебное соглашение. Эти субъекты заинтере-

ресованы вести себя должным образом, так как результаты их правомерного поведения прямо отразятся на их наказании или даже послужат основанием освобождения от него. Такой своеобразный стимул в виде «сделки с правосудием» для них законодательно установлен. Конечно, субъекты, которые осуществляют производство по такому уголовному делу, должны использовать все обеспечительные средства, чтобы создать этим обвиняемым необходимые условия для реализации ими должного поведения. Только в этом случае можно говорить об эффективном сотрудничестве, результатом которого будет достижение как личных, так и публичных интересов по уголовному делу.

Применение обеспечительных средств в указанной ситуации неизбежно и подтверждено существующей практикой, а также предусмотрено законодательством. Однако, несмотря на то, что в соответствующих нормах федеральных законов закреплена перечень обеспечительных средств, например, в виде мер безопасности, они не всегда находят свое применение на практике. В частности, в приговоре Центрального районного суда г. Новосибирска отказано в применении к подсудимому Ю., а также его родственникам мер защиты, которые стали необходимы в результате сотрудничества с органами расследования. Обоснованием послужило отсутствие в материалах дела данных об угрозе личной безопасности Ю., а также его родственников в результате сотрудничества со стороной обвинения. При этом суд констатировал, что подсудимым полностью было исполнено досудебное соглашение**.

Следует отметить, что в правоприменительной практике имеется много случаев, когда лицам, содействующим расследованию и правосудию, отказывали в применении мер защиты. Например, в кассационной жалобе осужденный Т. просил изменить приговор и снизить назначенное ему наказание, указывая на то, что дело рассмотрено по правилам соглашения о

* Приговор Алтайского районного суда Алтайского края от 28 окт. 2021 г. по делу N 1-1/2021 // Архив Алтайского районного суда Алтайского края.

** Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) от 13 авг. 2019 г. по делу N 1-253/2019 // Архив Центрального районного суда г. Новосибирска.

сотрудничестве, которое он заключил с органами предварительного расследования и выполнил в полном объеме. Он явился с повинной, активно способствовал раскрытию преступления, изобличению других участников. Несмотря на это, суд назначил ему суровое наказание, не применил положения, предусмотренные ст. 64 УК РФ. Кроме того, осужденный Т. просил применить в отношении его меры безопасности, предусмотренные ст. 317.9 УПК РФ, а также засчитать в срок наказания время его содержания под стражей с момента, указанного в постановлении Кировского районного суда г. Хабаровска.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия оснований для ее удовлетворения не нашла.

Относительно просьбы осужденного о применении мер безопасности судебная коллегия пояснила, что по смыслу закона (ст.ст. 11, 317.9 УПК РФ и ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») этот вопрос входит в компетенцию суда первой инстанции, поэтому кассационный суд жалобу осужденного Т. оставил без удовлетворения и в этой части*.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о необходимости повышения внимания со стороны органов расследования и суда к законным интересам обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. При этом властные субъекты должны более активно использовать средства, обеспечивающие таким субъектам комфортные условия при исполнении ими предписаний (обязанностей) закона.

Продолжая характеризовать поведение подозреваемых и обвиняемых, необходимо констатировать, что раскаявшиеся обвиняемые и лица, незаконно привлеченные к обвинению, в силу чего добровольно и активно сотрудничающие с органами уголовного преследования, не составляют большинство обвиняемых.

Как правило, значительная часть обвиняемых, в силу положения презумпции невиновности, закрепленного в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, может не осуществлять никаких действий, направленных на доказывание своей невиновности. На основании личного опыта работы автора статьи следователем и результатов проведенного опроса 200 следователей и 163 судей можно утверждать, что в большинстве своем такие обвиняемые занимают выжидательную позицию, то есть не способствуют и не препятствуют уголовно-процессуальной деятельности.

В этих складывающихся по уголовному делу ситуациях лица, осуществляющие уголовное преследование, должны применять к такой категории обвиняемых средства, убеждающие их в том, что добровольное надлежащее исполнение ими уголовно-процессуальных обязанностей принесет им только пользу, так как не будет оснований к применению в отношении их мер уголовно-процессуального принуждения, ужесточению уже примененных в отношении их мер пресечения, и в целом благотворно отразится на осуществлении справедливого правосудия и, возможно, исключении применения наибольшего по строгости наказания.

Например, необходимо разъяснить лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, что его неявка по вызову органов расследования на допрос приведет к принудительному ограничению свободы его передвижения, ограничению других прав. Убедить, что его отказ от дачи показаний — это, по существу, и отказ от своей защиты, отказ от опровержения подозрения или обвинения и, конечно, отказ от предоставления своей версии событий. При этом можно также пояснить, что для органов расследования его отказ от дачи показаний является выгодным, так как если показаний в уголовном деле нет, то и опровергать факты, которые могли бы быть в них изложены, не требуется. Особенно важен аргумент о том, что без показаний данного лица его позиция защиты в деле отсутствует, а это однозначно ведет расследование только к обвинению на основе имеющихся в деле уличающих его доказательств, например заявления о совершенном преступлении, показаний

* Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. N 58-О11-30 // Судебная система РФ: сайт. URL: <https://sudbiblioteka.ru>

потерпевшего, заключения эксперта о наличии телесных повреждений и т.п.

Необходимо убеждать, что неисполнение обвиняемым возложенных на него законодательством субъективных обязанностей, а тем более воспрепятствование законным требованиям должностных лиц и органов государства, осуществляющих уголовное судопроизводство, не приведет к быстрому, всестороннему, полному и объективному расследованию и рассмотрению в отношении его уголовного дела.

Как верно указывает И.Л. Петрухин, когда исчерпаны все возможности убеждения в необходимости исполнения субъектом возложенных на него законодательством уголовно-процессуальных обязанностей, неизбежно возникает потребность в применении принуждения [5, с. 144]. При этом не следует пренебрегать методом убеждения в уголовном судопроизводстве, так как «в руках» органов расследования и суда он всегда должен предшествовать принуждению, «ибо на убеждения можно влиять только убеждением...» [6, с. 578].

Однако изучение следственной и судебной практики по уголовным делам показало, что на часть подозреваемых и обвиняемых воздействие путем их убеждения в необходимости надлежащего исполнения ими уголовно-процессуальных обязанностей не дает положительных результатов, так как они стремятся избежать уголовной ответственности путем противодействия расследованию и правосудию. В данном случае свои интересы и потребности они противопоставляют общественным.

Это наглядно подтверждается примером из судебной практики, который приводит М.А. Овчинников, исследовавший проблему обязанностей обвиняемого в уголовном процессе. В частности, он пишет: «Только желанием затянуть сроки и усложнить процедуру расследования, можно объяснить отказ обвиняемого С. от дактилоскопирования в рамках расследования уголовного дела в Почепском районном суде Брянской области, когда в последующем при проведении административного судебного разбирательства он признал свою вину в отказе проходить процедуру». Представителю органа расследования при-

шлось прибегнуть к принуждению, инициировать применение административной ответственности. При этом, как установил М.А. Овчинников, потребовалась помощь участкового уполномоченного полиции для составления протокола, оформления и направления материалов в административный суд [2, с. 110].

Полагаем, что возникновения данной проблемы можно избежать и добиться того, чтобы результат уголовно-процессуальной деятельности следователя в подобной ситуации стал наиболее эффективным и не выходил за рамки уголовного судопроизводства, если возложить в УПК РФ на обвиняемого обязанность пройти дактилоскопирование, предусмотрев, соответственно, ответственность за ее неисполнение.

При дальнейшей оценке действий подозреваемых и обвиняемых, направленных на воспрепятствование производству по уголовному делу, необходимо отметить, что в правоприменительной практике устанавливаются случаи ненадлежащего исполнения этими субъектами возложенных на них законодательством уголовно-процессуальных обязанностей, которое влечет следующие неправомерные действия:

- осуществляют подкуп и угрозы в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса;
- скрываются от органов дознания, предварительного следствия и суда;
- продолжают заниматься преступной деятельностью;
- уничтожают и фальсифицируют доказательства.

Для первых трех названных случаев неправомерного поведения подозреваемого, обвиняемого в законодательстве предусмотрены меры ответственности, которые являются сдерживающими средствами от таких негативных действий со стороны этих субъектов. Относительно такого вида воспрепятствования производству по уголовному делу, как фальсификация доказательств, необходимо констатировать, что прибегающих к ней подозреваемых и обвиняемых нельзя привлечь к уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ. Данная норма предусматривает уголовную ответственность за соответствующее обще-

ственно опасное деяние только для должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и защитника.

Пробел в законодательстве, касающийся отсутствия в указанном перечне субъектов подозреваемых и обвиняемых, требуется устранить. С этой целью предлагается в качестве правового средства предотвращения совершения преступления непосредственно лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, предусмотреть в ч. 2 ст. 303 УК РФ возможность его привлечения наряду с лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и защитником к уголовной ответственности в случае совершенной лично им умышленной фальсификации доказательств по уголовному делу, по которому в отношении его осуществляется уголовное преследование (обвинение).

Кроме того, на основе вышеизложенного, а также учитывая анализ исследований, посвященных вопросам обеспечения условий надлежащего выполнения участниками уголовного процесса возложенных на них законодательством обязанностей, и результатов изучения правоприменительной практики по уголовным делам, предлагается перечень существующих средств обеспечения надлежащего исполнения подозреваемыми, обвиняемыми возложенных на них законодательством субъективных обязанностей дополнить следующим образом:

1. Закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве положение о предоставлении в обязательном порядке лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, первоочередного права выбора конкретного вида меры уголовно-процессуального принуждения путем обращения с таким ходатайством лично или через своего защитника к должностному лицу, в производстве которого находится дело, в случае, если выбранная им мера уголовно-процессуального принуждения может быть применена без судебного решения, или путем обращения в суд, если выбранная мера уголовно-процессуального принуждения может быть применена только по судебному решению согласно УПК РФ.

При этом на должностных лиц и органы государства, в производстве которых

находится уголовное дело, возложить обязанность обеспечить реализацию предлагаемого права указанных лиц, а в случае несогласия с выбранной ими мерой уголовно-процессуального принуждения предоставить властным субъектам право опровергнуть приводимые доводы в качестве оснований применения избранной меры. Далее необходимо обоснованно, руководствуясь своей инициативой, избрать соответствующую цели уголовного судопроизводства меру принуждения согласно порядку, установленному в действующем законодательстве.

Предлагаемое правило применения мер уголовно-процессуального принуждения (мер пресечения или иных мер уголовно-процессуального принуждения) к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование по уголовному делу, обосновывается тем, что взятое им добровольно обязательство нести ограничения прав и свобод будет выступать средством саморегуляции поведения данного субъекта.

Исходя из этого необходимо считать, что самоконтроль всегда эффективнее репрессии, которой можно повиноваться или же сопротивляться, предпринимая в нашем случае активные действия по воспрепятствованию законной деятельности органов расследования и суда. В связи с этим при возникшей потребности избрания и применения меры принуждения в отношении лица, подвергнутого уголовному преследованию, следует акцентировать внимание не на насилии государства, а на правосознании такого лица. Бесспорно, что правомерное поведение обеспечивается с помощью самоконтроля всегда эффективнее, нежели с помощью внешних репрессий, так как в первом случае человек находится в состоянии, отвечающем реализации его интересов.

2. Дополнить ст. 5 УПК РФ положением, определяющим понятие краткой консультации адвоката, которую он вправе давать в ходе производства следственного и судебного действия своему доверителю по уголовному делу. При этом органы расследования и суд обязаны обеспечить ее реализацию.

Предлагая закрепить в законодательстве понятие данного права участника уго-

ловного судопроизводства, в нашем случае обвиняемого как доверителя, на получение им у своего адвоката-защитника совета по возникшему у него правовому вопросу, путем осуществления адвокатом краткой консультации, исходим из того, что закрепленное в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 2 ст. 53 УПК РФ) данное правовое явление на практике вызывает конфликтную ситуацию между участниками следственных действий, причиной которой, как справедливо указывает Н.Ю. Лебедев, является отсутствие законодательного понятия краткой консультации и четко установленной процедуры ее реализации [3, с. 267].

Конечно, как рекомендуют Л.В. Бертовский и И.В. Глазунова, в любой ситуации следователю, «общаясь с участниками следственного действия, нужно постараться создать атмосферу сотрудничества. Убедить их, что интересы следствия совпадают с интересами допрашиваемого (психологическое “мы”: “цели у нас одни”, “мы движемся в одном направлении”, “мы вместе решим эту проблему” и т.д.). Необходимо показать, что следователь будет отстаивать, насколько это возможно, права и законные интересы последнего в процессе расследования перед различными должностными лицами и органами, в том числе перед руководством, и изложит свою позицию в обвинительном заключении» [7, с. 146].

Однако конфликт на почве неоднозначного понимания смысла и содержания краткой консультации, как показывают результаты изучения правоприменительной деятельности по уголовным делам, все же достаточно часто возникает, особенно между обвиняемым (подозреваемым), его защитником (как правило, адвокатом) и должностным лицом, органом расследования (следователем, дознавателем) в ходе производства следственных действий с их участием. В качестве примера можно назвать такие следственные действия, как допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте.

В частности, 108 из 200 опрошенных следователей, а также 106 из 156 опрошенных дознавателей подтвердили, что участвующие в проводимых ими следственных действиях адвокаты-защитники вместо подозреваемых или обвиняемых формулировали показания и озвучивали их для внесения в протокол следственного действия. При этом опрошенные следователи и дознаватели отметили, что в ответ на их замечания о нарушении установленного в законе порядка дачи допрашиваемым показаний, которые согласно ч. 2 ст. 190 УПК РФ должны записываться от первого лица и по возможности дословно, адвокаты-защитники поясняли, что они только реализуют свое право на дачу доверителю кратких консультаций, установленное частью 2 ст. 53 УПК РФ.

Список источников

1. Петухов Е.Н. Уголовно-процессуальные обязанности подозреваемого как основа построения идеальной модели его должного поведения // Евразийский союз ученых. 2015. N 12 (21). С. 115-116.
2. Овчинников М.А. Обязанности обвиняемого в уголовном процессе: правовой пробел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. N 4 (76). С. 107-111.
3. Лебедев Н.Ю. Частная криминалистическая теория преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования: монография. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2018. 360 с.
4. Смолькова И.В., Мазюк Р.В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. N 1. С. 156-169.
5. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности / отв. ред. И.Б. Михайловская. Москва: Наука, 1985. 239 с.
6. Ткачева Н.В. Реализация методов убеждения и принуждения при осуществлении уголовного преследования // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 576-580.
7. Бертовский Л.В., Глазунова И.В. Психолого-криминалистические приемы проведения допроса с участием адвоката // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. N 3. С. 142-153.

References

1. Petuhov E.N. Criminal procedural obligations of the suspect as the basis for building an ideal model of his proper behavior. Eurasian Union of Scientists, 2015, no. 12 (21), pp. 115-116. (In Russ.).
2. Ovchinnikov M.A. Obligations of the accused in criminal proceedings: a legal gap. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4 (76), pp. 107-111. (In Russ.).
3. Lebedev N.Yu. Private forensic theory of overcoming conflicts arising during the preliminary investigation: monograph. Novosibirsk, 2018. 360 p. (In Russ.).
4. Smol'kova I.V., Mazyuk R.V. Legitimate, illegal and procedural interests of the accused in Russian criminal proceedings. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 156-169. (In Russ.).
5. Petruhin I.L. Freedom of the individual and criminal procedural coercion. General concept. Inviolability of the person. Moscow, Nauka Publ., 1985. 239 p. (In Russ.).
6. Tkacheva N.V. Implementation of methods of persuasion and coercion in the implementation of criminal prosecution. Problems of theory and practice of the criminal process: history and modernity. Voronezh, 2006. Pp. 576-580. (In Russ.).
7. Bertovskiy L.V., Glazunova I.V. Psychological and forensic methods of interrogation with the participation of a lawyer. Legal Policy and Legal Life, 2022, no. 3, pp. 142-153. (In Russ.).

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений

Виталий Викторович Поляков,

кандидат юридических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, agupolyakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6774-8414>

Аннотация. В статье раскрыта проблема противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений. Представлена криминалистическая классификация способов этого противодействия. При построении классификационной схемы в качестве классифицирующего признака предложено использовать объект воздействия при противодействии расследованию. Описана классификационная схема, в основу которой положено разделение способов противодействия на три группы. К первой отнесены способы, направленные на криминалистически значимые источники информации о преступлении, подразделяющиеся, в свою очередь, на материальные и личностные источники. Во вторую группу включены способы противодействия, направленные на субъектов расследования конкретного преступления и иных связанных с этим расследованием лиц. Третья группа объединяет способы противодействия, направленные на условия процесса расследования. Для каждой группы приведены конкретизирующие ее на более низком иерархическом уровне классификации подгруппы способов противодействия расследованию. Описаны наиболее типичные приемы противодействия для случаев высокотехнологичных преступлений. Проведенная криминалистическая классификация может применяться сотрудниками правоохранительных органов для более эффективной нейтрализации противодействия расследованию преступлений.

Ключевые слова: субъект преступления, участники уголовного судопроизводства, проблемы расследования, высокотехнологичные преступления, компьютерные преступления, криминалистическая характеристика

Для цитирования: Поляков В.В. Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 69-79.

Criminalistic classification of the ways to obstruct high-tech crimes investigation

Vitaly V. Polyakov,

Candidate of Legal Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia, agupolyakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6774-8414>

Abstract. The problem of obstructing the investigation of high-tech crimes is analyzed in the article. The criminalistic classification of the methods of such obstruction is presented. When constructing the classification scheme, it is proposed to use the affected object when obstructing the investigation as a classifying element. The classification scheme, which is based on dividing the methods of obstruction of criminal investigations into three groups, is described. The first group includes the methods aimed at criminalistically significant sources of information about the crime, which, in their turn, are divided into material and personal sources. The second group includes the methods of obstruction aimed at the subjects of the investigation of a specific crime and other people involved in this investigation. The third group includes the methods of obstruction aimed at the investigation process. For each group, the classifications of subgroups of ways to interfere in the investigation that specify it at a lower hierarchical level are given. The most typical techniques to obstruct high-tech crimes investigations are described. The developed criminalistic classification can be used by law enforcement officers to neutralize the process of obstructing criminal investigations more effectively.

Keywords: subject of crime, participants in criminal proceedings, problems of investigation, high-tech crimes, cyber crimes, criminalistic characteristics

For citation: Polyakov V.V. Criminalistic classification of the ways to obstruct high-tech crimes investigation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 69-79.

Одним из факторов, существенно затрудняющих решение задач уголовного судопроизводства, является противодействие расследованию преступлений. Отечественная криминалистика уделяла этой проблеме серьезное внимание [1]. Традиционно содержание данного понятия, согласно мнению Р.С. Белкина, проявлялось «в недопущении включения соответствующей доказательственной информации в сферу уголовного судопроизводства, ее использования в процессе расследования» [2, с. 217]. Происшедшие в 90-е годы XX века социальные изменения, прежде всего – приведшие к быстрому становлению организованной преступной деятельности, вызвали значительные перемены в содержании противодействия расследованию преступлений. Это способствовало активному развитию криминалистической теории, формирующей фундаментальные основы для преодоления данного негативного явления [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Полагаем, что в настоящее время в способах и приемах противодействия расследованию преступлений происходят новые качественные изменения, затрудняющие действия правоохранительных органов по его преодолению. Это связано с дальнейшей эволюцией современной преступности, происходящей под действием изменений в сфере информационно-коммуникационных технологий, нашедших свое отражение в появлении и быстром распространении высокотехнологичных преступлений. Основная отличительная черта этих преступлений – **высокотехнологичный способ** совершения, который является полноструктурным, то есть содержит действия по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию следов преступления и преступника, включает в себя действия по созданию новых или модифицированию в преступных целях имеющихся средств преступления и реализуется посредством дистанционного доступа к объектам преступного посягательства [9, с. 124; 10, с. 63]. В соответствии с этим

под **высокотехнологичными преступлениями** нами понимаются общественно опасные деяния, совершенные высокотехнологичным способом, с помощью специально созданных или модифицированных программных, программно-аппаратных или аппаратных средств, с использованием информационно-коммуникационных сетей, осуществляемые в групповой форме и сопровождаемые противодействием расследованию [11, с. 87].

Анализ судебно-следственной и оперативно-розыскной практики, аналитических отчетов компаний, занимающихся информационной безопасностью, а также результатов анкетирования сотрудников правоохранительных органов и специалистов в сфере компьютерной информации [12, с. 102] показал, что в случае высокотехнологичных преступлений, как правило, имеет место противодействие их расследованию. Эта противоправная деятельность существенно затрудняет расследование и может привести к таким негативным последствиям, как неправомерное прекращение уголовного дела или вынесение неправоудного судебного решения.

В итоге виновные в совершении высокотехнологичного преступления не получают должного наказания, а потерпевшим не компенсируется причиненный вред, что способствует совершению подобных преступлений в будущем. Отметим, что эти вопросы остались практически не изученными в криминалистике. Указанные обстоятельства определяют высокую **актуальность** криминалистического исследования способов и приемов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений и, прежде всего, их научной систематизации и классификации.

Следует признать, что вопрос о деяниях, характеризующихся как противодействие расследованию, в криминалистической литературе продолжает оставаться дискуссионным [13, с. 113]. Подробный разбор существующих в криминалистической теории точек зрения выходит за рамки

задач проводимого исследования. В настоящей работе под **противодействием расследованию** будем понимать систему умышленных и в основном противоправных деяний, направленных на воспрепятствование законной деятельности субъектов расследования по установлению обстоятельств преступления на всех этапах расследования с целью избежать уголовного преследования и наказания или смягчить ответственность виновных лиц.

Конкретные деяния по противодействию расследованию в криминалистическом плане реализуются с помощью определенных способов и приемов, заключающихся в воздействии на криминалистически значимую информацию о преступлении, на субъектов расследования и условия, в которых протекает сам процесс расследования. Способы и формы противодействия определяются прежде всего теми возможностями, которые находятся в распоряжении субъектов противодействия, — материальными, техническими, психологическими, организационными и т.д. Кроме того, существенное влияние на эти способы оказывают «деловые и иные качества лиц, осуществляющих уголовное преследование» [3, с. 23]. Необходимым элементом практической организации эффективной борьбы с противодействием расследованию высокотехнологичных преступлений является классификация способов этого противодействия. Такая классификация создаст возможности для разработки методических рекомендаций и применения оптимальных тактических приемов и приемов преодоления противодействия.

Полагаем, что для построения классификационной схемы в качестве классифицирующего признака целесообразно избрать объект, на который направлено воздействие. В этом случае в развитие взглядов Р.С. Белкина [14, с. 699] можно выделить следующие три класса способов противодействия:

1. Способы противодействия, направленные на источники криминалистически значимой информации о преступлении. Такие источники, в свою очередь, представлены двумя разными группами:

— материальными источниками информации (например, документы и вещественные доказательства);

— личными (личностными) источниками [15, с. 162], то есть лицами, являющимися носителями информации об обстоятельствах преступления;

2. Способы противодействия, направленные на субъектов расследования: следователей, дознавателей, их начальников (руководителей), прокурорских работников, судей, а также сотрудников оперативно-розыскных органов и таких участников уголовного судопроизводства (раздел II УПК РФ), как эксперты, специалисты и защитники.

3. Способы противодействия, направленные на условия проведения расследования.

Рассмотрим содержание указанных групп способов противодействия.

1. Способы воздействия на источники криминалистически значимой информации

К криминалистически значимой информации относится доказательственная информация об обстоятельствах преступления, полученная на основе процессуальных действий, и непроцессуальная информация, поступившая из оперативно-розыскных органов [16, с. 33-67]. Полагаем, что в соответствии с этим подходом противодействие расследованию высокотехнологичных преступлений может быть направлено не только на источники доказательственной информации, но и на источники непроцессуальной информации (в том числе непосредственно не фигурирующие в уголовном деле), что не всегда отмечается и учитывается исследователями.

1.1. Способы противодействия, направленные на материальные источники криминалистически значимой информации

Под материальными источниками криминалистически значимой информации обычно понимают материальные следы преступления, что, на наш взгляд, значительно сужает содержание данного понятия. Полагаем, что более правильным является подход, согласно которому данная группа источников должна быть расширена. При этом за основу может быть взят перечень, предложенный Д.С. Хижняком [15, с. 162]:

— материальные следы преступления, включающие в себя «традиционные» следы и электронно-цифровые следы;

– результаты следственных действий и экспертных исследований;

– учеты (уголовно-статистические, розыскные, оперативно-справочные и иные);

– другие возможные источники (например, ответы на запросы в государственные и иные организации).

Способы воздействия на материальные источники криминалистически значимой информации по форме могут напоминать способы сокрытия преступлений (утаивание, уничтожение, фальсификацию и маскировку), тем не менее они имеют различия в содержании. Указанное сходство форм при принципиально разном содержании ранее отмечалось отечественными криминалистами [17, с. 87]. Используя это формальное сходство, считаем возможным структурировать способы противодействия расследованию аналогично способам сокрытия. Таким образом, могут быть выделены следующие основные подгруппы.

Противодействие расследованию путем утаивания информации. Утаивание информации связано с намеренным несообщением или неотражением криминалистически значимой информации в целях, противоречащих интересам правосудия. Подобное утаивание может быть осуществлено различными субъектами. В связи с этим таких субъектов целесообразно разделить на группы по характеру их правомочий и роли в процессе расследования.

К первой группе можно отнести обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), свидетелей, а также потерпевших, утаивание которыми заключается в несообщении обстоятельств преступления, ставших им известными. Наиболее часто для этого используются такие приемы, как:

– уклонение от явки по вызову следователя;

– отказ от дачи показаний (который является преступным для свидетелей и потерпевших согласно ст. 308 УК РФ);

– умолчание об известных фактах на вербальных следственных действиях.

Отметим, что эти приемы утаивания, по мнению Р.С. Белкина, могут рассматриваться как пассивные [2, с. 219].

Во вторую группу можно включить лиц, непосредственно участвующих в расследовании. В первую очередь к ним от-

носится следователь, который, например, может не отразить в материалах уголовного дела некоторые обстоятельства, ставшие ему известными.

Для высокотехнологичных преступлений характерно противодействие расследованию, проявляющееся в утаивании криминалистически значимой информации потерпевшими юридическими лицами. Например, по материалам оперативно-розыскной деятельности правоохранительными органами было установлено, что в 2015 году со счетов российских финансовых организаций с помощью вредоносной компьютерной программы были похищены денежные средства в крупном размере. По результатам исследования электронных носителей информации были установлены IP-адреса компьютеров, принадлежавших различным банкам и использовавшихся для дистанционного банковского обслуживания. На запросы следователя руководство потерпевших банков оперативно сообщало о причиненном материальном ущербе, произошедшем в результате несанкционированного списания средств с банковских карт. В то же время председатель правления одного из банков в противоречие установленным при расследовании данным сообщил об отсутствии таких случаев, то есть фактически уклонился от дачи информации по запросу следователя*.

Противодействие расследованию путем уничтожения информации. Сутью этого способа является уничтожение информационных данных, которые могут указывать на преступление и его участников. Как и в предыдущем случае, субъекты противодействия могут быть подразделены на две аналогичные группы. Первая из них состоит из обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), свидетелей и потерпевших, которые, например, удаляют или повреждают компьютерную информацию, содержащую следы – последствия преступления, уничтожают средства совершения преступлений [18, с. 83] и т.д. В связи с тем, что электронно-цифровые следы, содержащие криминалистически значимую информацию, могут быть достаточно легко уничто-

* Уголовное дело N 1-411/2017 // Архив Феодосийского городского суда Республики Крым.

жены, в процессе расследования весьма важно принимать меры для нейтрализации такого способа противодействия.

Рассмотрим пример успешной нейтрализации противодействия из судебно-следственной практики. В правоохранительные органы поступило заявление о несанкционированном подключении к ресурсам корпоративной электронной почты и копировании компьютерной информации, содержащей коммерческую тайну. В ходе расследования было установлено, что неправомерный доступ осуществлен с IP-адресов, принадлежавших Е. и П. В справке оперуполномоченного отдела «К» справедливо отмечалось, что проведение опросов данных лиц нецелесообразно, поскольку подозреваемые после этого имеют реальную возможность удалить компьютерную информацию и уничтожить электронные и вещественные доказательства. В связи с этим следователем с использованием тактического приема, основанного на внезапности, был проведен обыск в жилище Е. Это лишило Е. возможности противодействовать расследованию и обеспечило получение доказательственной информации, на основании которой Е. признал свою вину*.

Вторая группа включает субъектов, участвующих в процессе расследования. Например, член следственной группы может намеренно повредить или «потерять» документы или вещественные доказательства, умышленно удалить или повредить (модифицировать) электронно-цифровые следы.

Противодействие расследованию путем фальсификации информации. Под фальсификацией криминалистически значимой информации, на наш взгляд, следует понимать преднамеренную замену реальной и объективной информации об обстоятельствах преступления на информацию, искажающую эти обстоятельства или полностью ложную. Непосредственно под фальсификацией доказательств можно понимать «...подделку (искажение) показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключений и (или) показаний эксперта или специалиста; вещественных доказательств, протоколов след-

ственных и судебных действий либо иных документов, осуществленную лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником» [19, с. 14].

Сотрудники правоохранительных органов, которые ведут расследование, имеют непосредственный доступ к доказательствам и обладают наиболее широкими возможностями для осуществления фальсификации путем подделки, искажения или подмены материалов уголовного дела. Они располагают возможностями осуществить такие действия с показаниями подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, с заключениями и показаниями экспертов или специалистов, с вещественными доказательствами, с протоколами следственных и судебных действий, а также с иными документами, нашедшими отражение в электронном виде и на бумажном носителе [19, с. 15]. Фальсификация в процессе расследования может затронуть также результаты оперативно-розыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ), не введенные в процесс доказывания. Согласно ч. 2 ст. 303 УК РФ фальсификация доказательств может осуществляться и защитником. Отметим, что отнесение к субъектам такого противодействия прокурорских работников и судей не предусмотрено законом. По-видимому, это объясняется тем, что субъект фальсификации предоставляет не соответствующие действительности данные для введения в заблуждение иного компетентного лица.

При расследовании высокотехнологичных преступлений значительная роль отводится доказательствам в электронном виде, содержащимся в электронных документах или на электронных носителях информации. В связи с этим заслуживает отдельного внимания фальсификация электронных доказательств, которая может быть осуществлена, например, путем преднамеренного воздействия на компьютерную информацию, содержащую электронно-цифровые следы преступления, путем внесения в нее изменений, позволяющих оправдать обвиняемого или перевести подозрение на иное лицо [19, с. 15]. В то же время электронные документы, содержащие доказательственную информацию (лог-файлы) о сетевых соединениях обвиняемого, об истории посещения им

* Уголовное дело N 1-552/2014 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

определенных сайтов и т.п., всегда дублируются протоколами следственных действий и другими актами правоприменения уполномоченных лиц и фиксируются с помощью бумажных носителей. В силу этого считаем, что фальсификация электронных доказательств обязательно сопровождается сфальсифицированными данными на бумажных носителях, поскольку только в этом случае сфальсифицированные электронные данные будут фигурировать в доказывании и тем самым достигать цели противодействия расследованию.

Противодействие расследованию путем маскировки информации. Данный способ предполагает создание субъектом противодействия ошибочного представления о реальных обстоятельствах преступления. Например, неправомерный доступ к компьютерной информации маскируется под результат неумелого обращения пользователей с компьютерной техникой или как технический сбой [6, с. 79].

Противодействие расследованию путем инсценировки. Эффективным способом противодействия расследованию является инсценировка событий, которые не существовали в действительности. При совершении высокотехнологичных преступлений использование инсценировки весьма распространено. По мнению П.В. Малышкина, это связано с высокой результативностью данного способа в случае использования компьютерных технологий [20, с. 46].

При инсценировке реальные обстоятельства преступления умышленно маскируются за счет создания ложных обстоятельств. В результате этого субъект расследования, по справедливому мнению А.А. Косынкина, может сделать ошибочные выводы [6, с. 79]. Одним из приемов инсценировки выступает оговор невиновных лиц и «подброс» им инсценированных следов преступления, в том числе электронно-цифровых следов, причем в качестве таких лиц могут выступать и отдельные участники преступной группы, специально подбираемые для того, чтобы на них можно было перевести вину.

1.2. Способы противодействия, направленные на личные (личностные) источники криминалистически значимой информации

К личным (личностным) источникам криминалистически значимой информа-

ции относятся лица, входящие в механизм преступления и являющиеся носителями информации о преступлении: потерпевшие, свидетели, соучастники преступления. Полагаем, что способы воздействия на этих лиц могут быть подразделены на три группы, различающиеся по применяемым приемам воздействия, а именно на подкуп, принуждение и убийство.

Использование подкупа. Противоправные действия в виде подкупа направлены на потерпевших или свидетелей с целью получения ложных показаний и предоставления искаженных сведений, например при следственном эксперименте или проверке показаний на месте. Типичными приемами могут выступать передача материальных ценностей, оказание имущественных услуг, содействие в продвижении по службе и т.д.

Использование принуждения. При групповом совершении преступлений потерпевшие и свидетели достаточно часто подвергаются противоправному склонению их к выполнению требуемых действий. Принуждение такого рода в отношении потерпевших, свидетелей может осуществляться с помощью следующих приемов:

- применение физического насилия к ним или их близким;
- нанесение вреда их имуществу или имуществу их близких;
- угрозы применения физического насилия к ним или их близким;
- угрозы нанесения вреда их имуществу, а также имуществу их близких;
- шантаж, заключающийся в угрозе разглашения сведений компрометирующего или не соответствующего действительности характера;
- давление со стороны субъектов, обладающих властными полномочиями, например вышестоящих должностных лиц, имеющих возможность создать неблагоприятные условия работы;
- навязывание общественного мнения. При этом способе воздействие обычно направлено на потерпевших или свидетелей и осуществляется с помощью средств массовой информации, в которых формируется определенная установка, выгодная для обвиняемых в преступлении.

Показательным является следующий пример. Организованная преступная груп-

па посредством вредоносных компьютерных программ осуществляла незаконный доступ к личным банковским счетам граждан. В ходе предварительного расследования обвиняемый Г. показал, что после задержания ему в камеру была передана записка с угрозами, которые были бы реализованы в случае дачи показаний по делу против руководителя преступной группы К. В суде Г. эти показания не подтвердил и по ряду эпизодов взял на себя единолично вину в совершении хищения денежных средств. Суд признал достоверными показания подсудимого Г., данные на предварительном следствии, а отрицание этого в суде и помощь К. в уменьшении объема ответственности за содеянное расценил как позицию, избранную Г. в целях защиты*.

2. Способы противодействия, направленные на субъектов расследования конкретного преступления и иных связанных с этим расследованием лиц

Субъектами, осуществляющими расследование или принимающими в нем непосредственное участие, являются такие участники уголовного судопроизводства, как следователи, дознаватели, начальники следственных отделов, эксперты и специалисты, прокурорские работники и судьи, а также оперативные работники (не включенные в перечень участников уголовного судопроизводства согласно разделу II УПК РФ). Полагаем, что в этот перечень должны быть включены и защитники, поскольку со стороны преступников вполне возможно воздействие на защитника, проявляющееся, например, в его принуждении к совершению тех или иных противоправных действий.

Воздействие на этих лиц осуществляется такими же приемами, как и в отношении личностных источников, то есть посредством подкупа, принуждения или убийства. При этом данные действия могут представлять собой преступления, подпадающие под ст.ст. 105, 298.1, 306, 309 УК РФ.

Подкуп. Дача взятки должностному лицу, непосредственно участвующему в

расследовании, нацелена на то, чтобы склонить его к соответствующему процессуальному решению или к воздействию на доказательственную или иную информацию, то есть утаить, уничтожить, замаскировать или сфальсифицировать ее. Целью подкупа может являться и склонение субъектов расследования к воздействию на потерпевших и свидетелей, а также экспертов или специалистов, то есть к выполнению своеобразной посреднической роли. К даче взятки могут привлекаться посредники, как не имеющие отношения к расследованию, например родственники и знакомые обвиняемого, так и недобросовестные защитники.

Принуждение. Принуждение предполагает аналогичные цели и совершается в отношении тех же лиц, что и подкуп. Полагаем, что группа способов принуждения может быть разделена на две подгруппы — давление со стороны вышестоящих должностных лиц и давление со стороны обвиняемых и связанных с ними лиц.

В первом случае могут применяться следующие приемы:

- использование вышестоящим должностным лицом прямой или функциональной служебной зависимости от него субъекта расследования;
- угроза отстранением от участия в расследовании по данному уголовному делу;
- угроза проведением служебного расследования;
- проведение необоснованного служебного расследования.

Во втором случае могут использоваться такие приемы, как:

- подача клеветнических жалоб и заявлений на действия субъекта расследования;
- заведомо ложный донос или оговор;
- шантаж;
- угроза физическим насилием в отношении лиц, проводящих расследование, или их близких;
- угроза нанесением вреда имуществу этих лиц и (или) имуществу их близких;
- нанесение имущественного вреда лицам, осуществляющим расследование, или имуществу их близких;
- применение физического насилия к лицам, проводящим расследование, или их близким.

* Приговор Советского районного суда г. Томска N 1-25/2019 от 9 дек. 2019 г. по делу N 1-275/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

3. Способы противодействия, направленные на осложнение условий расследования

Группа способов негативного и противоправного воздействия на условия, в которых проводится расследование, является наименее изученной. Эти способы заключаются в умышленном создании помех расследованию, в необоснованном его прекращении или недопущении его проведения, причем, в отличие от второй группы, данные способы не связаны с давлением на субъектов уголовного судопроизводства. Полагаем, что с криминалистических позиций приемы, реализующие эти способы, целесообразно подразделить на две группы — используемые должностными лицами правоохранительных органов и применяемые другими субъектами противодействия.

Противодействие, осуществляемое должностными лицами правоохранительных органов. Типичными в этом случае являются следующие приемы:

— разглашение тайны следствия (квалифицируется по ст. 310 УК РФ), которое может позволить преступникам сориентироваться в реальной ситуации расследования и более эффективно ему противодействовать;

— намеренное промедление с дачей согласия на процессуальные действия, например на возбуждение уголовного дела. Данный прием может привести к тому, что некоторые следы преступления, прежде всего электронно-цифровые следы, будут утрачены. На опасность этого приема обращает внимание А.А. Ляхненко, отмечая, что при его применении «доказательственная база утрачивает свое качество» [21, с. 8];

— необоснованное соединение в одно производство или выделение в отдельное производство многоэпизодных уголовных дел по отдельным эпизодам, групповых дел по лицам;

— необоснованное определение подследственности и подсудности.

Наиболее серьезные последствия несут приемы противодействия, заключающиеся в *необоснованном прекращении или недопущении расследования*. К ним относятся:

— необоснованный отказ в принятии и (или) регистрации заявления о совершении преступления;

— необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела;

— необоснованный отказ прокурора от вынесения постановления о направлении материалов в следственный орган для принятия решения о возбуждении уголовного дела при наличии фактов, достаточных для этого;

— незаконное освобождение от уголовной ответственности (образует преступление, предусмотренное ст. 300 УК РФ).

Приведем достаточно типичный пример необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела. Руководитель компании обратился с заявлением о взломе корпоративных электронных ящиков неизвестными лицами, которые далее от имени компании высылали письма с указанием реквизитов своих банковских карт и мошенническим путем завладевали денежными средствами клиентов. Уголовное дело не возбуждалось на том основании, что самой компании денежный ущерб не был причинен. Прокурором отказ в возбуждении уголовного дела совершенно обоснованно был отменен как вынесенный незаконно и необоснованно*.

В качестве примера необоснованного прекращения уголовного дела можно привести следующий случай. В., являясь следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, внес в протокол допроса обвиняемого сведения, не соответствующие действительности ни по форме, ни по содержанию. Затем на основании содержания этого следственного действия В. вынес постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования. В действиях В. суд справедливо усмотрел фальсификацию доказательств**.

Противодействие, осуществляемое иными лицами. Для данной группы к иным субъектам противодействия относятся обвиняемые, связанные с ними лица (родственники, лица, имеющие криминальные или корыстные связи с обвиняемыми, и т.д.), а также защитники. К основным приемам

* Уголовное дело N 1-61/2016. Архив Первомайского районного суда г. Владивостока.

** Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 25 сент. 2018 г. по делу N 1-421/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

противодействия можно отнести следующие:

– согласование общей линии поведения участников преступной группы с помощью нелегальных каналов связи;

– консультирование у специалистов из различных областей знаний для выработки наиболее эффективной позиции противодействия;

– симуляция преступниками психического или физического заболевания, препятствующего осуществлению следственных действий или позволяющего в дальнейшем опротестовывать результаты этих действий;

– получение преступниками информации о ходе расследования от осведомителей в правоохранительных органах.

Как показало проведенное исследование уголовных дел, весьма распространенным приемом противодействия на стадии судебного разбирательства являлся отказ подсудимых от показаний, данных ими в ходе предварительного расследования. Как правило, это сопровождалось утверждениями о нарушениях прав обвиняемых, совершавшихся в их отношении провокациях, насилии и т.д. со стороны сотрудников правоохранительных органов. В качестве примера приведем уголовное дело в отношении Б. На стадии предварительного следствия Б. признавал свою вину, однако в суде изменил позицию и вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 273 УК РФ, не признал, а в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 УК РФ, признал частично, при этом пояснил, что показания на предварительном следствии дал под принуждением. Суд не нашел этому подтверждения и квалифицировал его действия по указанным статьям УК РФ*.

Важно также отметить, что приведенные способы и приемы противодействия

расследованию преступлений рассмотрены отдельно, однако в реальных условиях они нередко применяются совместно, взаимодополняя и усиливая друг друга. В качестве примера можно привести рассмотренное выше уголовное дело в отношении В., в котором противодействие расследованию включало в себя и воздействие на источники информации (фальсификацию доказательств), и воздействие на условия расследования (необоснованное прекращение уголовного дела)**.

Выводы

Активное использование преступными группами противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений свидетельствует о важности нейтрализации и преодоления данного негативного явления. Успешное решение этой задачи правоохранительными органами предполагает криминалистическое исследование способов и приемов, реализующих противодействие расследованию. В основе такого исследования лежит построение криминалистической классификации, обеспечивающей выделение специфических групп способов и приемов противодействия.

Представленная в настоящей статье классификация призвана способствовать разработке более эффективных криминалистических тактики и методики, направленных на преодоление тех или иных способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений. Эта классификация не является исчерпывающей, она не охватывает все возможные формы, способы и приемы противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений. В то же время при появлении новых способов и новых, еще не изученных приемов противодействия, описанная классификационная схема должна быть развита и дополнена.

* Уголовное дело N 1-20/2014 // Архив Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай.

** Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 25 сент. 2018 г. по делу N 1-421/2018.

Список источников

1. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. Москва: Юрид. лит., 1988. 304 с.

3. Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. 45 с.
4. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. 47 с.
5. Яджин Н.В., Коптяева А.В. Понятие противодействия расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. N 1 (15). С. 80-87.
6. Косынкин А.А. Инсценировка как форма противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2011. N 29 (244). С. 78-80.
7. Кудрявцев Д.С. Субъекты противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. N 2-2. С. 96-104.
8. Веренич И.В. Учение о преодолении противодействия расследованию преступлений: понятие, содержание и место в криминалистической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. N 7. С. 224-227.
9. Поляков В.В. О высокотехнологичных способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы всерос. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. С. 123-126.
10. Ищенко Е.П. Криминалистические аспекты расследования киберпреступлений // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (27-29 апреля 2017 г.), г. Симферополь – Алушта / Крымский федер. ун-т им. В.И. Вернадского [и др.]. Симферополь: Ариал, 2017. С. 62-65.
11. Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica. 2022. Т. 75. N 6. С. 85-96.
12. Поляков В.В. Анализ судебной практики Алтайского края по преступлениям в сфере компьютерной информации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2014. Т. 10. N 1. С. 99-103.
13. Кардашевская М.В., Тишутина И.В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению (к вопросу об учебном курсе и его преподавании) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. N 4. С. 112-117.
14. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. Москва: НОРМА, 2001. 990 с.
15. Хижняк Д.С. Источники получения криминалистически значимой информации о совершенных транснациональных преступлениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. N 4 (87). С. 161-167.
16. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. Москва: Юрид. лит., 1991. 208 с.
17. Дубровин С.В. Соотношение (взаимосвязь и различие) противодействия расследованию преступлений и их сокрытия // Вестник Московского университета МВД России. 2012. N 6. С. 86-88.
18. Поляков В.В. Понятие средств высокотехнологичных преступлений. Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: сб. ст. XIX междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти В.К. Гавло / отв. ред.: С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2021. Вып. XVII. С. 76-86.
19. Сафронов А.Ю., Поляков В.В. Проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве // Юрислингвистика. 2019. N 12. С. 13-17.
20. Малышкин П.В. Способы сокрытия преступлений, совершаемых с применением информационных компьютерных технологий // Вестник Мордовского университета. 2014. N 4. С. 42-47.
21. Ляхненко А.А. Проблемы преодоления противодействия в ходе расследования вымогательства, совершенного организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ростов-на-Дону, 2005. 27 с.

References

1. Karagodin V.N. Fundamentals of criminalistic teaching on overcoming counteraction to preliminary investigation. Doct. Diss. Yekaterinburg, 1992. 388 p. (In Russ.).
2. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 304 p. (In Russ.).
3. Babaeva E.U. Fundamentals of the criminalistic theory of overcoming counteraction to criminal prosecution. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2006. 45 p. (In Russ.).
4. Tishutina I.V. Overcoming counteraction to the investigation of organized criminal activity (organizational, legal and tactical bases). Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2013. 47 p. (In Russ.).

5. Yadzhin N.V., Koptyaeva A.V. The concept of countering the investigation of crimes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2011, no. 1 (15), pp. 80-87. (In Russ.).
6. Kosynkin A.A. Staging as a form of countering the investigation of crimes in the field of computer information. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Right*, 2011, no. 29 (244), pp. 78-80. (In Russ.).
7. Kudryavtsev D.S. Subjects of countering the disclosure and investigation of crimes in the Republic of Belarus. *News of the Tula State University. Economic and legal sciences*, 2017, no. 2-2, pp. 96-104. (In Russ.).
8. Verenich I.V. The doctrine of overcoming counteraction to the investigation of crimes: the concept, content and place in criminalistic science. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 7, pp. 224-227. (In Russ.).
9. Polyakov V.V. On high-tech methods of committing crimes in the field of computer information. *Criminal procedural and criminalistic readings in Altai*. Barnaul, Publishing house of the Altai State University, 2012. Pp. 123-126. (In Russ.).
10. Ishchenko E.P. Criminalistic aspects of cybercrime investigation. *Criminal proceedings: procedural theory and criminalistic practice*. Simferopol, Arial Publ., 2017. Pp. 62-65. (In Russ.).
11. Polyakov V.V. Sources and principles of formation of private methods of investigation of high-tech crimes. *Lex russica*, 2022, vol. 75. no. 6, pp. 85-96. (In Russ.).
12. Polyakov V.V. Analysis of judicial practice of the Altai Territory on crimes in the field of computer information. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 99-103. (In Russ.).
13. Kardashevskaya M.V., Tishutina I.V. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it (on the issue of the training course and its teaching). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 4, pp. 112-117. (In Russ.).
14. *Criminalistics*. Edited by R.S. Belkin. Moscow. NORMA Publ., 2001. 990 p. (In Russ.).
15. Hizhnyak D.S. Sources of obtaining criminally significant information about transnational crimes committed. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2012, no. 4 (87), pp. 161-167. (In Russ.).
16. Bednyakov D.I. *Non-procedural information and investigation of crimes*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 208 p. (In Russ.).
17. Dubrovin S.V. Correlation (interrelation and difference) of countering the investigation of crimes and their concealment. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 6, pp. 86-88. (In Russ.).
18. Polyakov V.V. The concept of means of high-tech crimes. *Problems of combating crime in the context of digitalization*. Barnaul, Publishing house of the Altai State University, 2021. Issue XVII. Pp. 76-86. (In Russ.).
19. Safronov A.Yu., Polyakov V.V. Problems of legal and linguistic definition of falsification of evidence in criminal proceedings. *Jurilinguistics*, 2019, no. 12, pp. 13-17. (In Russ.).
20. Malyshev P.V. Methods of concealment of crimes committed with the use of information computer technologies. *Bulletin of the Mordovian University*, 2014, no. 4, pp. 42-47. (In Russ.).
21. Lyakhnenko A.A. *Problems of overcoming opposition during the investigation of extortion committed by organized criminal groups*. Autoabstract Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2005. 27 p. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Участие специалиста в производстве следственных действий с электронными носителями информации

Анна Евгеньевна Федулова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, fedulova.an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5331-7430>

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы участия специалиста в производстве следственных действий, в ходе которых осуществляются осмотр и изъятие электронного носителя информации, а также копирование содержащейся на нем информации. Рассматриваются различные точки зрения ученых по данным вопросам, анализируется судебная практика привлечения специалиста к участию в указанных следственных действиях, аргументируется позиция относительно трактовки статьи 164.1 УПК РФ. В результате проведенного исследования сделан вывод о необходимости процессуального регулирования вопросов, связанных с обязательным участием специалиста в ходе проведения всех следственных действий с электронными носителями информации. Автором сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронный носитель информации, следственное действие, специалист

Для цитирования: Федулова А.Е. Участие специалиста в производстве следственных действий с электронными носителями информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 80-87.

Participation of a specialist in the process of conducting investigative actions involving electronic information carriers

Anna E. Fedulova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, fedulova.an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5331-7430>

Abstract. The author of the article analyzes the problematic issues concerning the participation of a specialist in the process of conducting investigative actions, during which the inspection and seizure of the electronic data carrier, as well as copying the information it contains, are carried out. Various points of view of scientists on the problem under consideration are studied. The judicial practice of involving a specialist to participate in these investigative actions is analyzed. The opinion regarding the interpretation of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is argued. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that there is a need for the procedural regulation of the issues related to the mandatory participation of a specialist in the process of conducting all investigative actions involving electronic information carriers. The proposals for improving the criminal procedure legislation are formulated.

Keywords: criminal proceedings, electronic data carrier, investigative action, specialist

For citation: Fedulova A.E. Participation of a specialist in the process of conducting investigative actions involving electronic information carriers // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 80-87.

Непрерывное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и их внедрение во все сферы жизнедеятельности, в том числе в уголовное судопроизводство, вызывает необходимость совершенствования УПК РФ посредством введения новых категорий. Активное использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений приводит к появлению новых, нетрадиционных следов – электронно-цифровых, без своевременного обнаружения и надлежащей фиксации которых практически невозможно раскрытие и расследование преступлений, привлечение виновного к установленной уголовным законом ответственности. Электронно-цифровыми могут считаться следы, зафиксированные видеосистемами наблюдения, а также следы, оставленные платежными картами, устройствами мобильной связи, при изучении которых можно с большой долей вероятности отследить действия и передвижения их обладателей, выявить, а в некоторых случаях даже пресечь противоправную смену их владельца.

Разновидностей электронно-цифровых следов с развитием информационно-телекоммуникационных технологий становится больше. Это создает для правоприменителей существенные проблемы, связанные с особенностями обнаружения, фиксации и изъятия таких следов. Под электронно-цифровым следом в данной статье понимается информация, которая представляет доказательственное значение для уголовного дела и хранится на предмете материального мира – электронном носителе. В УПК РФ не содержится дефиниция электронного носителя информации, а в науке данное понятие предлагается определять как техническое устройство, конструктивно предназначенное для записи, хранения и воспроизведения информации в виде, доступном для обработки с помощью средств вычислительной техники, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям [1, с. 94]. Согласно п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ электронный носитель информации признается вещественным доказательством по уголовному делу.

Документирование преступлений, совершаемых в сфере информационно-

телекоммуникационных технологий, подразумевает выполнение ряда следственных действий по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию электронно-цифровых следов, которые могут быть произведены исключительно с использованием технических средств, в том числе компьютерных систем, программ и программно-аналитических комплексов. Производство следственных действий с электронными носителями информации регламентируется Федеральным законом от 28 июля 2012 г. N 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*, дополнившим ст. 182 УПК РФ частью 9.1, а ст. 183 – частью 3.1, содержащими положения об обязательном участии специалиста в производстве обыска и выемки. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»** ст. 185 УПК РФ была дополнена частью 7, определяющей порядок производства осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. N 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*** ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ признаны утратившими силу, при этом содержащиеся в них положения нашли свое отражение в ст. 164.1 УПК РФ.

В настоящее время в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ установлено требование об обязательном участии специалиста в ходе производства следственных действий, связанных с изъятием электронного носителя информации. При этом перечень следственных действий не обозначен, следовательно, подразумевается, что требования указанной нормы распространяются на все следственные действия, в ходе которых

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 31. Ст. 4332.

** Там же. 2016. N 28. Ст. 4559.

*** Там же. 2018. N 53. Ст. 8459.

осуществляется изъятие электронного носителя информации. Под специалистом в уголовном судопроизводстве, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, понимается лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в следственных действиях в целях оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов.

Требование ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ является императивным и не имеет каких-либо исключений, что обусловлено высокой значимостью электронно-цифровых следов при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также возможностью их утраты ввиду ненадлежащей работы с ними. Тем не менее в науке существуют различные точки зрения по данному вопросу: одни исследователи считают, что участие специалиста обязательно при изъятии любых электронных носителей информации, другие признают обязательность его участия только при изъятии технически сложных устройств, третьи оставляют решение вопроса об участии специалиста на усмотрение следователя.

Приверженцем первой точки зрения является В.Б. Вехов [2, с. 23], считающий, что привлечение специалиста – это обязанность, а не право следователя. Соглашаясь с В.Б. Веховым, следует отметить, что современный человек активно использует достижения технического прогресса в виде электронных носителей в своей повседневной деятельности, получает, хранит и использует содержащуюся на них информацию, которая в случае совершения преступления будет иметь доказательственное значение по уголовному делу. В связи с этим участие специалиста в производстве следственных действий с электронными носителями информации является необходимым. Такой подход справедлив, соответствует императивным положениям ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ и будет способствовать наиболее эффективному использованию электронно-цифровых следов.

Сторонники второй точки зрения полагают, что участие специалиста обязательно только в том случае, когда действительно необходимы специальные познания. Например, С.Н. Воробей, Ю.В. Гаврилин и

А.А. Балашова считают, что необязательно привлекать специалиста при изъятии электронных носителей информации, используемых повсеместно, то есть для работы с которыми не требуются специальные познания в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (мобильные телефоны, флеш-карты, компакт-диски и т.п.) [3, с. 29; 4, с. 81]. Ю.В. Гаврилин предлагает закрепить обязательное участие специалиста только в тех случаях, когда производится непосредственное восприятие и исследование информации, содержащейся на электронном носителе, или ее копирование [5, с. 48].

Действительно, сложность работы с информацией (электронно-цифровым следом) напрямую зависит от вида электронного носителя, на котором она содержится. В частности, наиболее просты в работе технические объекты, не имеющие защиты в виде пароля (флеш-карты, компакт-диски, фотокамеры и т.п.), сложнее работать с устройствами, обладающими особой технической сложностью, а также с устройствами, защищенными паролем (смартфоны, планшеты, смарт-часы, компьютеры, ноутбуки и т.п.), и, наконец, наиболее сложными являются действия в сети «Интернет» и с удаленными компьютерными сетями и системами (Google Диск, Amazon Cloud Drive, Microsoft One Drive и т.п.). Очевидно, что при работе с двумя последними группами электронных носителей необходимы специальные познания в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Следует отметить, что такой дифференцированный подход не лишен рациональности, однако он потребует дополнения УПК РФ указанием на конкретные отличительные признаки технических устройств данной категории, позволяющие отграничить их от других либо установить их исчерпывающий перечень, что, по нашему мнению, затруднительно ввиду постоянного развития информационно-телекоммуникационных технологий.

Сторонники третьей точки зрения считают привлечение специалиста правом, а не обязанностью следователя. Например, А.В. Шигуров и А.Н. Першин, ссылаясь на ст. 168 УПК РФ, отмечают, что право следователя привлекать или не

привлекать специалиста к производству следственных действий, в ходе которых осуществляется изъятие электронных носителей информации, является проявлением его независимости и самостоятельности [6, с. 68; 7, с. 50].

Такой подход представляется спорным. Во-первых, налицо противоречие нормам УПК РФ, во-вторых, отсутствие требования об обязательном участии специалиста и оставление вопроса о его участии на усмотрение следователя с высокой долей вероятности приведет к тому, что, мотивируя отсутствием необходимости применения специальных познаний, специалистов привлекать не будут, и в дальнейшем это может привести к негативным последствиям в виде утраты информации, представляющей доказательственное значение для уголовного дела. Бесспорно, специалист привлекается к участию в следственных действиях исключительно в целях оказания содействия следователю, и именно следователь должен быть заинтересован в его участии. При этом необходимо учитывать, что привлечение еще одного участника следственного действия является дополнительной нагрузкой на следователя.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения В.Ф. Васюкова и А.В. Булыжкина, которые признают необходимость обязательного участия специалиста в следственных действиях только при расследовании преступлений экономической направленности, обосновывая это тем, что по уголовным делам общеуголовной направленности следователю достаточно общих криминалистических знаний [8, с. 8]. Вопрос о причинах такого избирательного подхода авторов остается неразрешенным.

Единый подход к рассматриваемому вопросу отсутствует и в судебной практике. Например, Мурманский областной суд в апелляционном постановлении от 15 октября 2019 г. признал законным непривлечение специалиста при изъятии электронного носителя информации (системного блока) в ходе осмотра места происшествия, поскольку при проведении следственного действия копирование информации, содержащейся на изъятom системном блоке, на другие электронные носители не про-

изводилось*. Представляется, что таким образом суд при вынесении постановления неверно истолковал норму об участии специалиста.

Противоположное решение принял Верховный Суд Республики Адыгея, признав недопустимым доказательством протокол обыска в жилище по причине несоблюдения требований ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ об обязательном участии специалиста. Кроме того, судом обращено внимание на то, что ни следователем, ни судом первой инстанции не проверено, что на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение**.

Как уже отмечалось, действующая редакция УПК РФ устанавливает обязательное участие специалиста в изъятии электронных носителей информации. В то же время ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ позволяет следователю осуществить копирование информации самостоятельно без специалиста. Следовательно, в таком случае необходимо руководствоваться ст. 168 УПК РФ, то есть оставлять решение вопроса о привлечении специалиста на усмотрение следователя ввиду отсутствия императивного требования о его участии.

Однако судебная практика сложилась иначе. Например, Ленинский районный суд г. Саранска Республики Мордовия в приговоре от 5 февраля 2020 г.*** отклонил довод стороны защиты о том, что изъятие мобильных телефонов произведено в нарушение ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ (без участия специалиста).

* Апелляционное постановление Мурманского областного суда N 22К-1391/2019 от 15 окт. 2019 г. по делу N 22К-1391/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Адыгея N 22К-316/2019 от 13 июня 2019 г. по делу N 22К-316/2019 // Там же.

*** Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия N 1-12/2020 1-332/2019 от 5 февр. 2020 г. по делу N 1-12/2020 // Там же.

По мнению суда, участие специалиста в изъятии электронных носителей информации не является обязательным, если при этом не произведено копирование информации, содержащейся на них. Аналогичные выводы сделаны Куйбышевским районным судом г. Самары*. Таким образом, суды признают обязательность участия специалиста в случае копирования информации, а в случае изъятия носителя – нет, что противоречит требованиям чч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ.

Противоположные выводы сделаны Комсомольским районным судом г. Тольятти. В приговоре от 10 февраля 2020 г. судом признана правомерность действий следователя, который, не изымая электронный носитель, произвел копирование информации, содержащейся на нем, без участия специалиста. По мнению суда, копирование компьютерных файлов – элементарная операция, доступная любому пользователю, не требующая привлечения специалиста, который обладает познаниями в области компьютерной техники**. В данном случае выводы суда основаны на верном толковании ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, не устанавливающей требования об участии специалиста в следственных действиях, связанных с копированием информации с электронного носителя.

Обращая внимание на вышеобозначенную проблему, следует отметить, что копирование информации требует применения специальных знаний не в меньшей степени (скорее, даже в большей), чем изъятие электронного носителя, так как при копировании информации с носителя высок риск ее утраты или повреждения данных. К сожалению, эти риски не были учтены в законодательстве. Так, в тех случаях, когда специалист заявляет, что копирование информации может привести к ее утрате, изменению или уничтожению, копирование не должно производиться. То же самое касается осмотра электронных носителей информации.

* Приговор Куйбышевского районного суда г. Самары N 1-132/2019 от 2 авг. 2019 г. по делу N 1-132/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти N 1-408/2019 1-9/2020 от 10 февр. 2020 г. по делу N 1-408/2019 // Там же.

В настоящее время УПК РФ допускает следующие способы и порядок получения электронно-цифровых доказательств:

1) внешний осмотр и изъятие электронного носителя информации – осмотр и копирование информации, содержащейся на нем;

2) внешний осмотр электронного носителя информации – копирование информации с электронного носителя (без его изъятия) – осмотр информации, скопированной с электронного носителя;

3) внешний осмотр электронного носителя информации – осмотр информации, содержащейся на электронном носителе (без изъятия носителя и копирования информации).

Для производства каждого из перечисленных следственных действий (за исключением внешнего осмотра электронного носителя информации) необходимы специальные знания, соответственно, участие специалиста должно быть обязательным. Однако обязательность его участия установлена только в случае изъятия электронного носителя информации, а также копирования информации, содержащейся на нем, по ходатайству законного владельца носителя или обладателя информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ). При этом в последнем случае обязательно участие понятых (без уточнения их количества). В случае производства остальных перечисленных следственных действий специалист привлекается по усмотрению следователя. Отсутствует требование об участии специалиста и в ситуации, предусмотренной ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, когда копирование информации с электронного носителя осуществляется следователем самостоятельно. Очевидно, что следователю, чтобы не обеспечивать участие специалиста, проще произвести внешний осмотр носителя и скопировать и (или) осмотреть информацию, содержащуюся на нем, не производя его изъятия. В результате манипуляции с электронными носителями информации лицом, не обладающим соответствующими знаниями, могут привести к утрате информации, изменению или уничтожению значимых для уголовного дела электронно-цифровых следов.

Таким образом, участие специалиста должно быть обеспечено в проведе-

нии всех следственных действий, связанных с электронными носителями информации (изъятие носителя, копирование и осмотр информации, содержащейся на нем). При этом копирование информации с электронного носителя должно осуществляться не следователем, как это установлено частью 3 ст. 164.1 УПК РФ, а исключительно специалистом. В противном случае должностное лицо, не обладающее достаточными техническими познаниями, может допустить уничтожение либо утрату криминалистически значимой информации. Прежде всего это касается работы с энергозависимыми электронными носителями, информация на которых хранится определенное время, автоматически заменяясь на новую, а в случае отключения от электропитания уничтожается. Аналогичных взглядов придерживаются С.А. Яковлева и Д.В. Шарова [9, с. 298].

В соответствии с ч. 2 ст. 168 УПК РФ главным условием допуска специалиста является наличие у него специальных знаний, а применительно к следственным действиям в рамках уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, — знаний в сфере информационных и компьютерных технологий. Нередко на практике проверка компетенции специалиста ограничивается проверкой наличия у него профильного образования. Как правило, таким специалистом выступает сотрудник экспертно-криминалистического центра органа внутренних дел, имеющий допуск к производству компьютерно-технических экспертиз.

Однако имеют место случаи, когда к участию в следственных действиях, в ходе которых происходит изъятие электронных носителей информации, в качестве специалиста привлекается лицо, не имеющее профильного образования, но успешно освоившее учебные дисциплины, связанные с компьютерными и информационными технологиями. Например, Севастопольским городским судом в апелляционном постановлении от 6 мая 2019 г. отказано в удовлетворении жалобы адвоката К. по факту участия в качестве специалиста С. (оперативного сотрудника УМВД России по г. Севастополю), имеющего высшее образование по специальности «Экономика»

и прошедшего повышение квалификации по программе «Старшие ревизоры ФСИН». В данном случае судом принято во внимание наличие в приложении к диплому и в сертификате о повышении квалификации сведений о том, что при освоении образовательных программ С. изучал учебные дисциплины, связанные с информационными и компьютерными технологиями. Кроме того, согласно решению суда, запрета на участие в качестве специалиста при проведении следственных действий сотрудников органов внутренних дел законом не предусмотрено*.

Верховный Суд Удмуртской Республики в апелляционном постановлении от 4 августа 2020 г. также признал законным изъятие электронного носителя информации с участием в качестве специалиста оперуполномоченного УЭБиПК УМВД России по Удмуртской Республике**.

Выражая несогласие с выводами судов, отметим, что электронные носители информации являются технически сложными объектами. Для работы с ними необходимо обладать специальными знаниями, в противном случае «неумелое» обращение может привести к уничтожению значимой информации и, как следствие, утрате (полной или частичной) доказательственной базы по уголовному делу. Во избежание указанных последствий следователь при проверке компетенции специалиста должен убедиться в наличии у него не только профильного образования, но и практического опыта работы с подобными объектами. При этом в данном случае именно наличие практического опыта является первостепенным и обязательным. В качестве документа, подтверждающего наличие у специалиста соответствующего образования, может выступать диплом о высшем или среднем профессиональном образовании в сфере информационных и компьютерных технологий либо сертифи-

* Апелляционное постановление Севастопольского городского суда N 22К-277/2019 от 6 мая 2019 г. по делу N 22К-277/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики N 22-1201/2020 22К-1201/2020 от 4 августа 2020 г. по делу N 3/10-12/2020 // Там же.

кат о получении квалификации в данной сфере. Кроме того, как отмечают О.С. Бутенко и В.А. Расчетов, важно, чтобы специалист постоянно следил за тенденцией развития информационно-телекоммуникационных технологий ввиду появления новых программных и аппаратных средств удаления информации [10, с. 45].

Соблюдение этих требований необходимо, поскольку именно мнение специалиста является ключевым в решении вопроса о возможности производства следственных действий с электронными носителями информации без риска утраты доказательств. Также следует отметить, что специалист, кроме выполнения действий по изъятию носителя, может оказать помощь в поиске иных сокрытых устройств, а также содействовать следователю в составлении протокола следственного действия в части правильного описания технических средств и порядка их применения. В противном случае протокол, составленный с нарушениями, может быть признан недопустимым доказательством по уголовному делу.

Например, Вязниковский городской суд Владимирской области в приговоре от 5 февраля 2020 г. признал недопустимым доказательством протокол осмотра места происшествия, поскольку в нем не были указаны технические средства, применявшиеся при осуществлении копирования информации, порядок их применения и т.д.*

Как уже отмечалось, в качестве специалистов целесообразно привлекать сотрудников экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел, имеющих допуск к проведению компьютерно-технических экспертиз. Однако таких специалистов недостаточно, что делает обеспечение их участия в следственных действиях с электронными носителями информации затруднительным. В связи с этим в качестве специалиста предлагается привлекать лицо, осуществляющее свою профессиональную деятельность в сфере компьютерных и информационных технологий, способное подтвердить свою

компетентность наличием профильного образования и должного опыта работы, за исключением тех случаев, когда специалист является сотрудником организации, в которой осуществляется производство следственных действий. В противном случае следственное действие, произведенное с участием в качестве специалиста заинтересованного лица, можно признать незаконным, а полученные доказательства недопустимыми. Кроме того, заинтересованный специалист в ходе следственного действия может, например, вместо копирования произвести удаление необходимой следователю информации.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, в целях урегулирования порядка производства следственных действий с электронными носителями информации, а также обеспечения единства уголовно-процессуальных норм считаем целесообразным внести ряд изменений и дополнений в УПК РФ:

1. Дополнить ст. 164.1 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«2.1 Следственные действия, связанные с изъятием и осмотром электронного носителя информации, а также с копированием и осмотром содержащейся на нем информации, производятся с участием специалиста».

2. Часть 3 ст. 164.1 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«3. Если в ходе производства следственного действия отсутствует необходимость в изъятии электронного носителя информации, допускается копирование содержащейся на нем информации. Копирование осуществляется специалистом, участвующим в следственном действии. В протоколе следственного действия должны быть указаны технические средства, примененные при осуществлении копирования информации, порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. К протоколу прилагаются электронные носители информации, содержащие информацию, скопированную с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия».

3. Дополнить ст. 164.1 УПК РФ частью 4 следующего содержания:

* Приговор Вязниковского городского суда Владимирской области N 1-12/2020 1-246/2019 от 5 февр. 2020 г. по делу N 1-155/2019// Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

«4. Если, по заявлению участвующего в следственном действии специалиста, изъятие электронного носителя информации, а также копирование и осмотр информации, содержащейся на электронном носителе, могут привести к утрате, изменению или уничтожению информации, то изъятие, копирование и осмотр не производятся, о чем делается соответствующая запись в протоколе следственного действия.

4. Статью 168 УПК РФ дополнить частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. Перед началом следственных действий, предусмотренных частью 2.1 статьи 164.1 настоящего Кодекса, с учетом положений настоящей статьи, следователь обязан удостовериться в компетентности специалиста, убедиться в наличии у него профильного образования, практического опыта работы в сфере информационных технологий».

Список источников

1. Федулова А.Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 2 (60). С. 90-100.
2. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. N 10. С. 22-24.
3. Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Полицейская и следственная деятельность. 2021. N 2. С. 26-31.
4. Гаврилин Ю.В., Балашова А.А. Процессуальный порядок собирания доказательств на энергонезависимых локальных электронных носителях информации // Сибирский юридический вестник. 2020. N 2 (89). С. 77-82.
5. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. N 4 (44). С. 45-50.
6. Шигуров А.В. Новеллы и проблемы правового регулирования порядка проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. N 2 (13). С. 64-73.
7. Першин А.Н. Электронный носитель информации как новый источник доказательств по уголовным делам // Уголовный процесс. 2015. N 5. С. 48-54.
8. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. N 6. С. 3-8.
9. Яковлева С.А., Шарова Д.В. Проблемы уголовно-процессуального регулирования изъятия электронных носителей информации // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. N 3 (23). С. 292-300.
10. Бутенко О.С., Расчетов В.А. Актуальные вопросы изъятия электронных носителей информации // Наука, образование и культура. 2017. N 8 (23). С. 44-46.

References

1. Fedulova A.E. Electronic media in criminal proceedings. Legal science and law enforcement practice, 2022, no. 2 (60), pp. 90-100. (In Russ.).
2. Vekhov V.B. Work with electronic evidence in the conditions of the changed criminal procedure legislation. A Russian investigator, 2013, no. 10, pp. 22-24. (In Russ.).
3. Vorobey S.N. Problems of legal regulation of the procedural procedure for the seizure of electronic media and copying the information contained on them. Police and investigative activities, 2021, no. 2, pp. 26-31. (In Russ.).
4. Gavrilin Yu.V., Balashova A.A. Procedural procedure for collecting evidence on non-volatile local electronic media. Siberian Legal Bulletin, 2020, no. 2 (89), pp. 77-82. (In Russ.).
5. Gavrilin Yu.V. Electronic media in criminal proceedings. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4 (44), pp. 45-50. (In Russ.).
6. Shigurov A.V. Novellas and problems of legal regulation of the procedure for conducting investigative actions related to the seizure of electronic media. Humanitarian and political-legal studies, 2021, no. 2 (13), pp. 64-73. (In Russ.).
7. Pershin A.N. Electronic media as a new source of evidence in criminal cases. Criminal process, 2015, no. 5, pp. 48-54. (In Russ.).
8. Vasyukov V.F., Bulyzhkin A.V. Seizure of electronic media in the investigation of crimes: unresolved problems of legal regulation and law enforcement. A Russian investigator, 2016, no. 6, pp. 3-8. (In Russ.).
9. Yakovleva S.A., Sharova D.V. Problems of criminal procedural regulation of seizure of electronic media. Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences, 2020, no. 3 (23), pp. 292-300. (In Russ.).
10. Butenko O.S., Raschetov V.A. Actual issues of withdrawal of electronic media. Science, education and culture, 2017, no. 8 (23), pp. 44-46. (In Russ.).

Раздел 8. Юбилей в науке

Научная специальность: 5.1.4

Профессор А.В. Шеслер (к 60-летию со дня рождения научного руководителя)

Светлана Ивановна Иванова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, ivanova-svetaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6798-3249>

Аннотация. В работе представлена научная биография доктора юридических наук, профессора А.В. Шеслера и приведены основные научные идеи, отражающие его вклад в развитие одного из направлений уголовно-правовой науки – теории противодействия групповой преступности в целом и основным ее разновидностям, в частности, организованной преступной деятельности этнических образований, преступности несовершеннолетних, преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. Отмечается интерес А.В. Шеслера к проблеме групповой преступности, а также его основные выводы, сделанные по определению применяемой терминологии, выделению признаков и раскрытию сущности данного вида преступности. В статье приведены сведения о наиболее значимых публикациях А.В. Шеслера, круге его научных интересов, вкладе в развитие уголовно-правовой науки Сибири, Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, групповая преступность, организованная преступность, соучастие в преступлении, преступность несовершеннолетних, Шеслер А.В.

Для цитирования: Иванова С.И. Профессор А.В. Шеслер (к 60-летию со дня рождения научного руководителя) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1 (63). С. 88-94.

Professor A.V. Shesler (Scientific Supervisor's 60th Birthday)

Svetlana I. Ivanova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, ivanova-svetaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6798-3249>

Abstract. The paper presents the scientific biography of Doctor of Law, Professor A.V. Shesler. The main scientific ideas reflecting his contribution to the development of one of the areas of criminal law – the theory of combating group crime in general and its main types, in particular, organized criminal activity and ethnic minorities, juvenile delinquency, drug-related crimes, are described. A.V. Shesler's being interested in the problem of gang crime is noted. His main conclusions made on defining the terminology used, identifying the characteristic features and revealing the "essence" of this type of crime are mentioned. The article provides the information about the most significant A.V. Shesler's publications, the range of his research interests, his contribution to the development of the science of criminal law in Siberia, as well as in Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, criminology, gang crime, organized crime, complicity, juvenile delinquency, Shesler A.V.

For citation: Ivanova S.I. Professor A.V. Shesler (Scientific Supervisor's 60th Birthday) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 88-94.

В жизни каждого начинающего исследователя особую роль играет научный руководитель, который помогает не только овладеть методологией и методикой исследования, но и приобрести необходимые компетенции и найти свой путь в науке [1, с. 145]. Таким научным руководителем стал Александр Викторович Шеслер. Научный потенциал, профессиональные, деловые и человеческие качества наставника сыграли огромную роль в научном становлении и профессиональном росте многих его учеников.

В 2002 году А.В. Шеслер прибыл для дальнейшего прохождения службы в Тюменский юридический институт МВД России. Вначале он замещал должность профессора кафедры уголовного права, а затем стал ее руководителем. Значительный вклад А.В. Шеслер внес в развитие уголовно-правовой науки Сибири, с которой так или иначе связана его творческая и научная деятельность. В настоящей статье представлен обзор основных идей, концепций и подходов к основополагающим институтам уголовного права и криминологии, высказанных доктором юридических наук, профессором Александром Викторовичем Шеслером в различные периоды его профессиональной деятельности.

А.В. Шеслер родился в 1963 году в г. Кызыле Тувинской АССР. В 1980 году после окончания средней школы в г. Томске поступил на обучение в Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева на юридический факультет по специальности «Правоведение», который окончил с отличием в 1985 году.

С 1985 по 1987 год Александр Викторович проходил действительную военную службу в должности командира мотострелкового взвода специальных частей МВД СССР.

С 1987 года по настоящее время работает на различных должностях профессорско-преподавательского состава, пройдя путь от ассистента до начальника кафедры. В различные периоды работа (служба) А.В. Шеслера проходила в Томском государственном университете (с 1987 по 1994 год), Томском филиале Республиканского института повышения квалификации МВД России (с 1994 по 1997 год), Сибирском юридическом институте МВД России

(с 1997 по 2002 год), Тюменском юридическом институте МВД России (с 2002 по 2011 год). В настоящее время А.В. Шеслер занимает должность профессора кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России. Является главным редактором научного журнала «Вестник Кузбасского института ФСИН России».

Среди первых исследований Александра Викторовича следует отметить разработку проблематики криминологического и уголовно-правового противодействия групповой преступности, в рамках которой в мае 1991 года им была защищена кандидатская диссертация по теме «Устойчивые преступные группы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминальные вопросы» [2]. Дальнейшее развитие научной мысли позволило А.В. Шеслеру в декабре 2000 г. успешно защитить в Уральской государственной юридической академии докторскую диссертацию по теме «Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты» [3].

Научный интерес А.В. Шеслера к данным вопросам является устойчивым на протяжении уже более тридцати лет. Этот интерес был сформирован у него в конце 80-х годов прошлого столетия и связан с неожиданно проявившим себя в условиях советской действительности так называемым казанским феноменом, состоявшим в преступной и маргинальной деятельности криминогенных и преступных подростково-молодежных группировок, оказывавших масштабное негативное влияние на социализацию подрастающего поколения [2, с. 3-4].

С годами научный интерес не только расширился за счет изучения всех возрастных преступных групп, но и углубился, так как объектом исследования ученого стала групповая преступность в целом [3]. Криминальная обстановка в Российской Федерации и юридическая практика двух последних десятилетий дали для этого обширный эмпирический материал. При этом эмпирическую базу его исследований составили не только судебная практика и практика правоохранительных органов, но и практика применения норм гражданского и других регулятивных отраслей права в связи с интенсивной кри-

минализацией экономики, практика приватизации государственных предприятий в связи с активной легализацией криминальных доходов преступными группами, практика деятельности предпринимателей по обеспечению безопасности своего бизнеса от криминальных угроз.

Изданные в 1999 году монографические исследования автора «Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью» [4] и «Криминологические аспекты групповой преступности» [5] определили авторский подход к групповой преступности как самостоятельному виду преступности, что нашло отражение в ее понятии, определяемом как «общественно опасное, социальное, относительно массовое уголовно-правовое явление, существующее в конкретный промежуток времени на определенной территории и состоящее из групповых преступлений, образующих совместную преступную деятельность лиц, их совершивших, и преступных групп, образованных на основе совместной преступной деятельности» [3, с. 12].

До этого изучению подвергались отдельные виды групповой преступности. В частности, достаточно много исследований было посвящено организованной преступности. Однако она рассматривалась не как вид групповой преступности, а как свойство преступности в целом.

Общественная опасность групповой преступности изучается А.В. Шеслером в двух аспектах – реализованном и потенциальном. Реализованный аспект общественной опасности групповой преступности состоит в ее существующей способности порождать социально негативные последствия приспособительного и преобразовательного характера. Потенциальный аспект заключается в прецедентности, то есть в возможности ее дальнейшего существования [3, с. 12].

Под групповым преступлением в криминологическом смысле А.В. Шеслер определяет «конкретное проявление всякой фактически совместной преступной деятельности, состоящей во взаимодействии имеющих общую цель нескольких лиц, совершающих преступные и не преступные действия, влекущие общие социально негативные последствия» [3, с. 12].

Профессор Шеслер выделяет такой системообразующий видовой признак групповой преступности, как совместная преступная деятельность [6, с. 116-117]. При этом, по мнению ученого, такая деятельность может складываться не только из действий, которые оцениваются в соответствии с уголовным законом как преступление, но и из действий, которые такой оценки не получают, однако представляют собой фактическое участие одних лиц в совместном совершении преступления с другими лицами [7, с. 92].

Именно исследование групповой преступности в уголовно-правовом и криминологическом аспекте позволяет ограничивать соучастие в преступлении как уголовно-правовую категорию, позволяющую установить основания и пределы уголовной ответственности, от группового преступления в криминологическом смысле, расширяющего рамки правовых последствий таких действий, которые могут заключаться в применении иных мер уголовно-правового характера [8, с. 49].

Представленную позицию относительно признания соучастия в форме соисполнительства в уголовно-правовом значении и наличия преступной группы при одном субъекте преступления в криминологическом значении поддержали многие исследователи [9, с. 11-13].

А.В. Шеслер выделяет следующие признаки группового преступления в криминологическом аспекте: 1) включенность в преступное посягательство нескольких физических лиц; 2) наличие общей групповой цели; 3) разделение функций участников и соединение их усилий, направленных на достижение общего результата; 4) общее негативное последствие. Исходя из этого ученый предлагает классификацию уголовно-правовых норм, характеризующих взаимодействие нескольких физических лиц как групповое преступление и являющихся средствами противодействия групповой преступности. По его мнению, специфика групповой преступности лежит в основе определения оснований и пределов уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступления [7, с. 92-94].

Многие идеи А.В. Шеслера о групповой преступности нашли отражение и

дальнейшее развитие в трудах других исследователей. В частности, подверглись изучению наличие такого признака соучастия, как совместность умысла в виде определенной субъективной связи между ними [10, с. 31], устойчивость организованной группы, характеризующаяся наличием прочных постоянных связей [11, с. 38], оценка эксцесса исполнителя в зависимости от действий других соучастников [12, с. 32], связь организованной преступности с деструктивным функционированием социальных институтов [13, с. 300] и др.

Нельзя не согласиться с утверждением ученого о том, что «сущностью групповой преступности, как и преступности вообще, является ее общественная опасность, поскольку именно она определяет все иные свойства преступности» [6, с. 116]. Понимание сущности общественной опасности преступления как уголовно-правовой категории, с одной стороны, в его вредоносности, то есть способности причинять вред, имеющий уголовно-правовое значение, с другой – в его прецедентности, то есть в наличии у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных ему деяний в будущем, позволило автору сформулировать общественную опасность уклонения от отбывания уголовного наказания [14, с. 35].

Профессор А.В. Шеслер выступил основоположником научной школы, которая начала формироваться с 2002 года в Тюменском юридическом институте МВД России по направлению «Групповая преступность». В рамках научной школы с 2002 по 2011 год была проведена серия прикладных научных исследований, посвященных криминологическому и уголовно-правовому анализу: групповой преступности (Е.А. Свиная, И.О. Смирнов, И.В. Ткаченко); организованной преступности (О.А. Абакумова, Т.А. Смолина, В.В. Жалыбин, С.В. Моргунов); специальных вопросов учения о совместной преступной деятельности в части прикосновенности к преступлению, освобождения от уголовной ответственности и др. (С.Н. Шатилович, А.В. Зарубин, Р.В. Минин, Н.С. Косякова); соучастия в преступлении (Д.А. Безбородов, Л.В. Иванова, А.А. Ша-

кирова); групповой преступности этнических образований в сфере незаконного оборота наркотических средств (В.М. Гарманов); преступности несовершеннолетних (О.В. Лихачёва).

В 2003 году А.В. Шеслер провел исследование по теме «Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых преступными группами, образованными на основе цыганских общин (по материалам Тюменской области)» по решению научного совета Иркутского центра по изучению организованной преступности и коррупции [15]. В 2006 году по решению научного совета Саратовского центра по изучению организованной преступности и коррупции он подготовил учебный спецкурс «Групповая преступность» [16].

В рамках данной научной школы был защищен ряд диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (2004 год – С.И. Иванова, В.В. Жалыбин, 2005 год – Т.А. Смолина, 2006 год – А.Н. Величко, 2007 год – Г.Ф. Хаметдинова, 2009 год – Л.В. Иванова, 2011 – С.В. Моргунов и др.).

Среди специальных исследований Александра Викторовича следует отметить разработку проблематики квалификации и профилактики преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств [17], преступности в сфере экономической деятельности [18], профессиональной преступности [19], а также вопросов квалификации преступлений против общественной безопасности [20] и т.д.

Содержание научных публикаций, взгляды, идеи в полной мере отражают гражданскую позицию профессора, его отношение к обеспечению общественной безопасности и, прежде всего, безопасности граждан, охране их жизни и здоровья как одному из центральных направлений в современной общероссийской социальной политике [20, с. 5-7].

В процессе научно-педагогической деятельности А.В. Шеслером опубликовано более 470 научных и учебно-методических работ. Из них более 140 учебных

изданий: учебники по уголовному праву и криминологии, комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации, учебные пособия, практикумы и др.

Широта научных интересов Александра Викторовича, его профессионализм, владение современными методами научных исследований позволяют ему выступать умелым организатором научного и образовательного процесса. Он внес существенный вклад в подготовку квалифицированных научно-педагогических кадров. Профессор А.В. Шеслер принимал активное участие в работе диссертационного совета при Тюменском юридическом институте МВД России, являясь заместителем председателя. Под его руководством защищено более двадцати кандидатских диссертаций. В 2001 году А.В. Шеслеру присвоено ученое звание профессора.

Кроме создания научной школы Александр Викторович уделял много времени организации работы кафедры уголовного права Тюменского юридического института, которую возглавлял с 2003 по 2011 год. Коллективом кафедры проводилась большая учебно-методическая работа, в рамках которой была создана и использовалась частная методика преподавания учебной дисциплины «Уголовное право», подготовлены учебники, практикумы, учебно-методические материалы.

Научно-исследовательской работе также уделялось большое внимание. Помимо научно-исследовательских работ, проводилась ежегодная научно-практическая конференция «Уголовное право на рубеже тысячелетий», материалы которой публиковались в форме научных сборни-

ков. Особой заслугой А.В. Шеслера в научных достижениях коллектива является неизменное первое место в научном рейтинге подразделений института в период с 2005 по 2011 год.

В сочетании с научным потенциалом, профессиональными и деловыми качествами наставника его высокая требовательность и настойчивость позволили автору подготовить под его руководством и успешно в течение года защитить диссертацию, получить ученую степень кандидата юридических наук [14]. Полученный опыт организации научной и методической работы кафедры, стремление к максимализму в достижении поставленных целей оказали неоценимый вклад и в становлении в качестве руководителя структурного подразделения института.

Выступая редактором многих научных и учебно-методических работ, А.В. Шеслер способствует становлению и продвижению молодых исследователей, а также качественному методическому обеспечению образовательного процесса.

В заключение следует отметить, что многие идеи и теоретические воззрения профессора Александра Викторовича Шеслера не только не теряют своей актуальности и практической значимости, но и приобретают особую ценность в современной уголовно-правовой науке, о чем свидетельствует анализ публикационной активности ученого в Российском индексе научного цитирования. Индекс Хирша по всем публикациям А.В. Шеслера на elibrary.ru составляет 27*.

* URL: <https://elibrary.ru>

Список источников

1. Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С. Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта // Научный результат. Социология и управление. 2020. N 2. Т. 6. С. 145-158.
2. Шеслер А.В. Устойчивые преступные группы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминальные вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1991. 205 с.
3. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 395 с.
4. Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью: монография. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. 74 с.
5. Шеслер А.В. Криминологические аспекты групповой преступности: монография. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. 177 с.
6. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. N 311. С. 116-119.

7. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2022. N 43. С. 86-96.
8. Трухин А. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. N 3. С. 46-50.
9. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. Москва: Спутник+, 2004. 156 с.
10. Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 215 с.
11. Безбородов Д.А. Квалификация преступлений против собственности, совершенных в соучастии: учеб. пособие. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 56 с.
12. Иванова Л.В. Экссесс исполнителя преступления: монография / под ред. А.В. Шеслера. Тюмень: Тюменская гос. акад. мировой экономики, управления и права, 2009. 120 с.
13. Оралбаев Х.Х. Причины и условия развития организованной преступности и бандитизма // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2021. N 3 (37). С. 300-304.
14. Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 202 с.
15. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых преступными группами, образованными на основе цыганских общин (по материалам Тюменской области) // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией / под ред. А.Л. Репецкой. Иркутск, 2004. Вып. 2. С. 60-73.
16. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: специализированный учебный курс. Саратов, 2006. 152 с.
17. Совершенствование деятельности по предупреждению незаконного оборота наркотических средств в Тюменской области: монография / [А.В. Шеслер, В.И. Морозов, И.Л. Грошев и др.; отв. ред.: А.И. Числов, А.В. Шеслер, В.И. Морозов]. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. 192 с.
18. Шеслер А.В. Преступность в сфере экономической деятельности: лекция. Тюмень: Тюменский филиал Академии права и управления, 2006. 50 с.
19. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности: учеб. пособие. Тюмень: [б. и.], 2004. 61 с.
20. Мальков С.М., Шеслер А.В. Преступления против общественной безопасности. Красноярск, 2022. 200 с.

References

1. Zerchaninova T.E., Tarbeeva I.S. The role of a supervisor in the scientific and educational activities of a graduate student. Scientific result. Sociology and management, 2020, no. 2, vol. 6, pp. 145-158. (In Russ.).
2. Shesler A.V. Stable criminal groups of minors: criminal law and criminal issues. Cand. Diss. Tomsk, 1991. 205 p. (In Russ.).
3. Shesler A.V. Group crime: Criminological and criminal-legal aspects. Doct. Diss. Yekaterinburg, 2000. 395 p. (In Russ.).
4. Shesler A.V. Criminal law means of combating group crime. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 74 p. (In Russ.).
5. Shesler A.V. Criminological aspects of group crime: monograph. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 177 p. (In Russ.).
6. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Social danger of group crime. Bulletin of the Tomsk State University, 2008, no. 311, pp. 116-119. (In Russ.).
7. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminal legal means of combating group crime. Bulletin of the Tomsk State University. Series: Law, 2022, no. 43, pp. 86-96. (In Russ.).
8. Truhin A. Accomplice in crime. Criminal law, 2006, no. 3, pp. 46-50. (In Russ.).
9. Dyad'kin D.S. Complicity in crime. Moscow, Sputnik+ Publ., 2004. 156 p. (In Russ.).
10. Subachev A.K. The institution of complicity in a crime and its reflection in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2019. 215 p. (In Russ.).
11. Bezborodov D.A. Qualification of crimes against property committed in complicity. St. Petersburg, St. Petersburg legal institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. 56 p. (In Russ.).
12. Ivanova L.V. The kurtosis of the perpetrator of the crime. Tyumen, Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, 2009. 120 p. (In Russ.).
13. Oralbaev H.H. Causes and conditions for the development of organized crime and banditry. Bulletin of the Tajik State University of Commerce, 2021, no. 3 (37), pp. 300-304. (In Russ.).
14. Ivanova S.I. Evasion from serving a criminal sentence. Cand. Diss. Tyumen, 2004. 202 p. (In Russ.).
15. Shesler A.V. Criminological characteristics and prevention of crimes related to drug trafficking committed by criminal groups formed on the basis of gypsy communities (based on the materials of the Tyumen region). Problems of combating organized crime and corruption. Irkutsk, 2004. Issue. 2. Pp. 60-73. (In Russ.).

16. Shesler A.V. Group crime: criminological and criminal law aspects: a specialized training course. Saratov, 2006. 152 p. (In Russ.).
17. [Shesler A.V., Morozov V.I., Groshev I.L. [i dr.]. Improving activities to prevent illegal drug trafficking in the Tyumen region. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 192 p. (In Russ.).
18. Shesler A.V. Crime in the sphere of economic activity: a lecture. Tyumen, Tyumen branch of the Academy of Law and Management, 2006. 50 p. (In Russ.).
19. Shesler A.V. Criminological characteristics and prevention of professional crime. Tyumen, 2004. 61 p. (In Russ.).
20. Mal'kov S.M., Shesler A.V. Crimes against public safety. Krasnoyarsk, 2022. 200 p. (In Russ.).